Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»

На правах рукописи



МОТЫЛЬКОВ Андрей Александрович

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Специальность: 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика
(экономика народонаселения и экономика труда)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, доцент
Ишназарова Зульфия Мирзовна

Москва – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..... 3

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ.... 14

1.1. Эволюция теоретических подходов к определению и оценке бедности как социально-экономической категории……...……. 14

1.2. Институциональные ловушки рынка труда и факторы воспроизводства бедности……..... 30

1.3. Состав и структура социально-экономического механизма преодоления бедности……..…….. 44

ГЛАВА 2. РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОХОДОВ И УРОВНЯ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ……...….. 51

2.1. Бедность в современной России: динамика, структура и группы риска.. 51

2.2. Анализ качества занятости и институциональных ограничений рынка труда как элемента механизма формирования трудовых доходов……..… 61

2.3. Сравнительная оценка дисфункций и результативности программ социальной поддержки на федеральном и региональном уровнях ……..… 74

ГЛАВА 3. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ……... 91

3.1. Развитие социальной поддержки государства малоимущих домохозяйств……... 91

3.2. Регулирование трудовых доходов и фонда заработной платы на уровне субъектов России……..……. 108

3.3. Оценка эффективности региональных программ преодоления бедности ……..…… 118

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……..… 127

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ…..... 131

ПРИЛОЖЕНИЯ……..… 158

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Проблема бедности имеет многомерный характер, поскольку отражает не только уровень доходов населения, но и, как следствие, качество питания, уровень здоровья, образования и другие качественные характеристики. Так, бедность отражает экономические, социальные, и даже культурные аспекты жизни населения. Именно поэтому сокращение бедности в России представляет собой одну из национальных целей развития на ближайшие годы.

При дефиците ресурсов у большого числа домохозяйств, затрагивающих как базовое потребление, так и возможность обеспечения образованием детей, лечением, улучшением жилищных условий, проблема утрачивает связь исключительно с уровнем текущего дохода. Она приобретает вид самоподдерживающего механизма, который ограничивает внутренний спрос, препятствует накоплению человеческого капитала и переносит малообеспеченность из поколения в поколение.

Согласно данным официальной статистики, уровень бедности значительно сократился, например, если в 2021 году он был равен 11%, то в 2024 году – 7,2%, а в 2025 году – уже 6,2%. Однако, прослеживаемая положительная динамика не совсем отражает действительное положение, поскольку это снижение показывает, в первую очередь, факт снижения показателя и основано на абсолютном подходе к измерению бедности, когда бедность оценивается только на основе прожиточного минимума. Этот подход фиксирует низкие доходы домохозяйств, но не учитывает структуру домохозяйств, не объясняет причину нуждаемости и не отражает немонетарные лишения.

Проведенный региональный срез показывает, что разница в доле населения с низкими доходами между субъектами Российской Федерации достигает до 7 раз, например в Ямало-Ненецком автономном округе составляет 3,6%, а в Республике Ингушетия – уже 27,7%. Несмотря на то, что социальная

поддержка со стороны государства усилена, она также лишь смягчает последствия бедности, но не решает её настоящие причины, такие как дуальность и сегментация рынка труда, ограниченные возможности для роста доходов, равное развитие секторов экономики.

В этой связи в центре исследовательского внимания должна стать не сама проблема бедности как статистического показателя, а механизм её воспроизводства, анализ которого позволит выявить глубинные причины бедности, определить, почему отдельные слои населения остаются при низких доходах, несмотря на общее снижение бедности, и обосновать направления совершенствования социально-экономического механизма преодоления бедности в России. Логика диссертационного исследования заключается в том, что компенсация низких доходов трансфертами недостаточна для снижения бедности, нужен социально-экономический механизм, более точно выявляющий нуждаемость, поддерживающий уязвимые группы и воздействующий на причины бедности через занятость и оплату труда.

Степень изученности проблемы. Феномен бедности исследуют на протяжении многих лет как в мировой, так и в отечественной науке. Фундаментальные основы современной теории бедности на основе расчета минимального набора товаров и услуг заложены в конце XIX века британским учёным Б. Раунтри, он же провел систематизацию «черты бедности». Далее теория доходов и уровня жизни развивалась в работах Э. Аткинсон, А. Сена, П. Таунсенда, Б. Милановича и М. Раваллион. Э. Аткинсоным были предложены критерии и индекс оценки неравенства доходов, А. Сеном была разработана концепция потенциальных возможностей, которая включала целостную нормативную разработку для оценки благосостояния и бедности. П. Таунсенд обосновал относительный подход к измерению бедности; Б. Миланович проводил компаративные исследования доходной дифференциации и разработал методологию измерения глобального неравенства, М. Раваллион разработал методологию глобального измерения и сравнения бедности.

В отечественной науке изучение вопросов, касающихся распределения доходов и оплаты труда началось ещё в 1950-х годах, в 1960-х годах под руководством Н. М. Римашевской был проведено исследование уровня и образа жизни домохозяйств. С конца 1980-х годов проблему бедности рассматривали как отдельный социальный феномен и этому посвящены труды многих ученых. Л.Н. Овчарова, Л.Г. Зубова рассматривают бедность и неравенство; В.Н. Бобков опубликовал множество работ по бедности, прожиточному минимуму и занятости; Т.И. Заславская, З. Т. Голенкова рассматривают бедность с точки зрения социальной структуры и стратификации; М.А. Можина – автор работ по вопросам измерения бедности, методам оценки и обоснования прожиточного минимума. Проблемы масштабов бедности, в том числе в переходный период рассмотрены в трудах В.К. Бочкаревой, Н.В. Черниной.

Бедность с точки зрения функционирования и развития рынка труда изучалась многими отечественными учеными, в том числе Р.И. Капелюшников рассматривал рынок труда в переходный период с такими последствиями, как снижение и задержка оплаты труда, массовые увольнения и неполная занятость; А.И. Московский рассматривал рынок труда через призму взаимодействия технологий, экономических и социальных факторов; с позиции теории институциональных ловушек рынок труда («парадоксы рынка труда») рассмотрен в работах В.М. Полтеровича.

В период с 1990 по 2020-е годы увеличивается количество научных трудов по масштабам и причинам бедности, посвященных переходному периоду в постсоветский период. Среди основных работ необходимо отметить труды Л.И. Абалкина, Б.Д. Бреева, Н.А. Волгина, Е.Д. Катульского, Р.П. Колосовой, О.И. Меньшиковой, Н.Н. Пилипенко, А.А. Разумова, Л.С. Ржаницыной, В.Д. Роика, С.Ю. Рощина, Г.Э. Слезингера, А.И. Сыроежкина, А.В. Шевякова, А.И. Щербакова и других авторов.

Несмотря на накопленный массив научных исследований, посвященных проблеме бедности, имеются направления, которые требуют дальнейшего

теоретического и практического осмысления. Во-первых, это взаимосвязь количественных изменений занятости и дифференциации доходов населения, что имеет исследовательский потенциал в условиях структурных изменений рынка труда. Во-вторых, методологический инструментарий оценки причин бедности требует пересмотра в условиях меняющихся социально-экономических и демографических условиях. В-третьих, в настоящее время отсутствует оценка результативности принимаемых мер по преодолению бедности на межрегиональном уровне, как и отсутствует общепринятый набор индикаторов для региональных мер.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке научно-практических рекомендаций по совершенствованию социально-экономического механизма преодоления бедности в России.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи:**

1. **Уточнить** сущность бедности как социально-экономической категории, систематизировав эволюцию теоретических подходов и критериев её оценки в современной экономике.

2. **Оценить** действующий механизм преодоления бедности в России, выявив его институциональные ограничения, дисфункции и причины воспроизводства бедности через сферу занятости, систему доходов и меры социальной поддержки.

3. **Разработать** структуру социально-экономического механизма преодоления бедности, определив состав его подсистем и инструментов.

4. **Провести** диагностику бедности и дисфункций действующей системы поддержки, выявить пороговые эффекты воспроизводства рабочей силы и на этой основе разработать инструментарий совершенствования социально-экономического механизма преодоления бедности.

5. **Разработать** методику мониторинга и оценки эффективности региональных программ преодоления бедности, включающую систему индикаторов и интегральный индекс эффективности социально-экономического механизма преодоления бедности в Российской Федерации.

Объект исследования – социально-экономический механизм преодоления бедности в Российской Федерации.

Предмет исследования – экономические и трудовые отношения, возникающие в процессе совершенствования социально-экономического механизма преодоления бедности в Российской Федерации.

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составляют труды отечественных и зарубежных исследователей по теории благосостояния, методам измерения бедности, государственному регулированию социально-экономических процессов и оценки эффективности адресных социальных программ, а также теория институциональной экономики в части рассмотрения рынка труда. Институциональная экономика выявляет ловушки на рынке труда и механизмы воспроизводства малообеспеченности среди занятого населения.

Методологический аппарат исследования опирается на ряд принципов. Научная абстракция выводит анализ за рамки отдельных случаев: вместо бесчисленных индивидуальных ситуаций в фокусе оказываются устойчивые закономерности формирования и воспроизводства бедности; ключевые характеристики – уровень доходов, качество занятости, доступность услуг социальной поддержки – отобраны именно потому, что поддаются государственному воздействию. Системный подход рассматривает бедность как результат взаимодействия множества факторов: структуры спроса на рабочую силу, уровня развития человеческого капитала, параметров демографического воспроизводства, организации системы социальной защиты. Обратные связи здесь принципиальны - повышение минимальной заработной платы одновременно затрагивает занятость и инфляцию, а инвестиции в образование перестраивают неравенство доходов в горизонте десятилетий.

Методический инструментарий включает несколько аналитических процедур. Структурный разрез раскладывает бедность на составляющие по демографическим группам, источникам доходов и измерениям многомерной

депривации – материальной, жилищной, образовательной, медицинской - и тем самым выявляет специфические профили риска. Факторный анализ устанавливает переменные с наибольшим влиянием на риск малообеспеченности: образование, трудовой стаж, наличие иждивенцев, региональная локализация. Функциональный анализ разграничивает роли инструментов механизма: минимальная заработная плата удерживает нижний предел трудовых доходов, социальные пособия компенсируют их недостаток, программы переподготовки открывают возможности межсекторальной мобильности. Сравнительный анализ сопоставляет подходы к измерению бедности (абсолютный, относительный, депривационный), модели социальной защиты (адресные и универсальные программы) и механизмы регулирования рынка труда в разных странах и регионах. Сценарное моделирование позволяет оценить, как те или иные варианты государственной политики скажутся на занятости, доходах и уровне жизни населения, опираясь на выявленные закономерности и исторические ряды данных.

В совокупности описанный инструментарий соединяет теоретический анализ, эмпирическую проверку и практику государственного регулирования в единую исследовательскую логику.

Информационная и эмпирическая база диссертационного исследования сформирована нормативно-правовыми актами федерального и регионального уровней, регулирующих отдельные аспекты рынка труда и занятости, оплаты труда и прожиточного минимума, официальными документами Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, постановления Правительства об установлении и индексации прожиточного минимума, а также нормативные акты, определяющие порядок предоставления мер социальной поддержки; данными Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, в том числе обследований доходов населения и участия в социальных программах, обследований рабочей

силы, данных Переписи населения 2020 года; экономическими и статистическими отчетами органов исполнительной власти; монографиями российских и зарубежных ученых; материалами средств массовой информации, в том числе интернет-изданий. Для оценки текущей структуры оплаты труда, в том числе дифференциации по компетенциям, определения региональных разрывов в заработной плате дополнительно использовались аналитические отчёты сервисов поиска оплаты, такие как hh.ru, SuperJob и ряда консалтинговых компаний за 2022-2025 годы. Также для анализа использовались открытые базы данных Всемирного банка, ОЭСР и МОТ по доходам, занятости, бедности и социальным расходам.

Область исследования. Содержание диссертации соответствует п. 8. Экономика народонаселения и экономика труда (п. 8.8. Стоимость, уровень и качество жизни. Бедность: показатели, методы измерения, социально-демографические детерминанты; п. 8.11. Экономические и социально-демографические факторы и концепции развития человеческих ресурсов; п. 8.13. Количественные и качественные характеристики трудовых ресурсов. Человеческий капитал и его характеристики; п. 8.16. Проблемы формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. Формирование конкурентоспособности населения) специальности 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика» Паспорта специальностей ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Научная новизна исследования состоит в разработке научно-практических рекомендаций по совершенствованию социально-экономического механизма преодоления бедности в России, включающих уточнение теоретических положений о бедности, выявление ограничений действующего механизма, обновление его структуры, разработку инструментария адресной поддержки и регулирования трудовых доходов, а также методику мониторинга и оценки эффективности региональных программ преодоления бедности. Этим предлагаемый комплексный подход

отличается от действующего механизма, который ориентирован преимущественно на компенсацию доходов и не содержит инструментов воздействия на причины воспроизводства бедности среди занятых.

На защиту выносятся следующие результаты, полученные лично автором:

1. Уточнена сущность бедности как социально-экономической категории и составлена её классификация, интегрирующая критерии материальной депривации и трудового статуса; выделена специфическая модель «экономической бедности» для дифференциации мер государственной поддержки;

2. Выявлены и систематизированы ограничения действующего механизма преодоления бедности в России - несогласованность инструментов поддержки доходов и регулирования занятости, отсутствие в нём учёта институциональных ловушек рынка труда и порогового эффекта бедности, - совокупность которых объясняет, почему снижение текущей нуждаемости не сопровождается устранением механизмов её воспроизводства, и позволяет определить основные направления совершенствования социально-экономического механизма преодоления бедности в современных условиях;

3. Представлена обновлённая структура социально-экономического механизма преодоления бедности, отличающаяся включением компонента цифрового профилирования нуждаемости и механизмом обратной связи;

4. Разработан инструментарий совершенствования механизма преодоления бедности, включающий инструментарий цифрового профилирования нуждаемости для модернизации адресной социальной поддержки на основе многомерного критерия нуждаемости (IN) и авторскую модель регулирования доли фонда заработной платы в добавленной стоимости предприятия как функции производительности труда, численности работников, вида экономической деятельности и региональных параметров;

5. Разработана методика мониторинга и оценки эффективности региональных программ преодоления бедности, включающая систему из 12

индикаторов, сгруппированных в три блока - состояния бедности, параметров рынка труда и реализации мер поддержки, а также интегральный индекс эффективности социально-экономического механизма преодоления бедности, позволяющие отделить результат социальной политики от эффекта макроэкономической конъюнктуры и обеспечить сопоставимость оценок между субъектами Российской Федерации.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в развитии концептуального аппарата изучения двух взаимосвязанных механизмов воспроизводства бедности. Первый действует через институциональные ловушки рынка труда – структурный дефицит спроса на труд низкой квалификации и сегментацию занятости, второй – через недостаточность вложений в человеческий капитал семей в условиях материальной депривации. Обоснование двухвекторной стратегии преодоления бедности, предполагающей одновременное устранение экономических барьеров занятости и модернизацию адресной социальной поддержки, вносит вклад в интеграцию политики занятости и социальной защиты, которые в российской практике разрабатываются раздельно. Включение в структуру механизма цифрового профилирования нуждаемости переводит регулирование процессов преодоления бедности с компенсационной логики на инвестиционную.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанный инструментарий – модель регулирования доли фонда заработной платы в добавленной стоимости, инструментарий цифрового профилирования нуждаемости и методика мониторинга и оценки эффективности региональных программ преодоления бедности – применим для совершенствования социально-экономического механизма преодоления бедности на федеральном и региональном уровнях в соответствии с национальными целями развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года.

Инструментарий цифрового профилирования нуждаемости позволяет

органам власти перейти от универсальных пособий к адресным мерам, опирающимся на оценку текущего дохода, наличия имущества, индекса материальной депривации и трудового потенциала семьи, что позволит повысить эффективность социальных расходов и точнее направлять ресурсы к наиболее уязвимым группам домашних хозяйств.

Система индикаторов состояния бедности, параметров рынка труда и реализации мер поддержки, интегральный индекс эффективности социально-экономического механизма преодоления бедности и рейтинговая оценка региональных программ обеспечивают сопоставимость результатов между субъектами Российской Федерации, стимулируют распространение лучших практик и повышают ответственность региональных органов власти за результаты социальной политики.

Сценарное бюджетное моделирование, входящее в состав разработанной методики мониторинга и оценки эффективности региональных программ преодоления бедности, позволяет определять объём и структуру финансовых ресурсов, необходимых для достижения целевых значений индикаторов в разрезе субъектов Российской Федерации. Рейтинговая система оценки регионов, основанная на интегральном индексе эффективности механизма, обеспечивает сопоставление результатов между территориями, выявление отклонений от плановых параметров реализации механизма и обоснование корректировки применяемых мер на федеральном и региональном уровнях. Разработанные инструменты рассчитаны на практическое применение Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации при формировании государственных программ и стратегий социально-экономического развития.

Авторская модель регулирования доли фонда заработной платы в добавленной стоимости предприятия применима как инструмент селективной поддержки низкозарплатных секторов экономики – образования, здравоохранения и социальных услуг, где феномен работающей бедности

наиболее распространён.

Апробация результатов. Основные положения и результаты диссертации докладывались на 4-х научно-практических конференциях. По теме исследования опубликовано 11 работ общим объёмом 7,015 п.л., (в которых лично автору принадлежит 5,155 п.л.), в том числе 8 статей в изданиях перечня рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки России общим объемом 5,2 п.л., (в которых лично автору принадлежит 3,34 п.л.).

Структура диссертационной работы. Работа состоит из введения, 3 глав, 9 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. Выполнена на 169 страницах машинописного текста, включает 13 рисунков, 21 таблицу и 8 приложений. Список использованных источников и литературы содержит 242 наименования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ

1.1. Эволюция теоретических подходов к определению и оценке бедности как социально-экономической категории

Проблема бедности появилась до развития научных исследований в этой области, а государство было вынуждено предпринимать меры по регулированию этого вопроса. Размышления над вопросом почему рынок труда воспроизводит бедные семьи стало невозможными без привлечения экономической науки. В этой связи исторический генезис теории бедности целесообразно рассматривать через смену подходов к её государственному регулированию.

Систематизация теоретических подходов к категории бедности показала, что научная мысль развивалась в пяти основных периодах. Первый – классический этап, складывающийся в конце XIX – начале XX веков, когда бедность рассматривалась как минимальный набор товаров для жизни населений в денежном выражении, этот период называют периодом развития монетарного или абсолютного подхода. Наиболее выдающиеся теоретические разработки были сделаны А. Смитом, Д. Рикардо, Ч. Бутом, С. Роунтри. В классической политической экономии бедность рассматривалась через стоимость рабочей силы.[1] Например, А. Смит отмечал, что необходимый уровень потребления определяется не только физическими потребностями человека, но и нормами, которые приняты в конкретном обществе. Формирование методологии монетарного подхода заложено в работах Ч. Бута и С. Роунтри.[2] Была введена категория черты бедности, под которой

[1] Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения = On the Principles of Political Economy and Taxation / Д. Рикардо. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с.; Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов = An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / А. Смит. – М. : Эксмо, 2016. – 760 с.
[2] Booth, C. Life and Labour of the People in London. First series, Poverty. – New York: AMS Press, 1970. – 4 vol.; Rowntree B. Poverty a study of town life. London, 1902. https://archive.org/stream/poverty00unkngoog#page/n10/mode/2up

понималось денежное выражение минимального набора благ, необходимого для поддержания физического существования. Такой подход позволял в качестве инструмента государственного регулирования использовать доведение дохода населения до минимального допустимого уровня. Именно эта логика и положена в основу методики расчета прожиточного минимума и активно используется как в советской, так и постсоветской статистике. Несмотря на то, что эта методика используется и в нынешних условиях, она несколько теряет свою актуальность в связи с тем, что фиксирует лишь дефицит дохода, но не раскрывает причины устойчивой бедности, в том числе институциональные предпосылки.

На основе данной методики определяется уровень бедности в России. Так, уровень бедности в стране в 2024 году составлял 7,2%. А применение относительного критерия (доходы ниже 60% медианного дохода) позволяет выявить более широкую группу населения, находящуюся в зоне риска. Данные два показателя показывают высокую дифференциацию доходов и наличие скрытого социального неблагополучия, которое не может фиксировать официальная статистика. В этом и заключается ограничение методики расчета прожиточного минимума.

Во второй половине XX – начале XXI веков развиваются научные подходы на основе измерения неравенства, депривационного подхода и концепции возможностей: оценка распределения доходов, индексация неравенства, свобода выбора и человеческий потенциал, глобальный мониторинг. Э. Аткинсон, развивая методологические основы измерения социально-экономического неравенства, разработал индекс распределения доходов с учетом социальных предпочтений (табл. 1). П. Таунсенд обосновал относительный подход к измерению бедности. В понимании бедности А. Сена бедность понимается как отсутствие возможностей для реализации потенциала личности в здравоохранении, образовании и ограничение свободы выбора.

Таблица 1 – Периодизация научных мысли в области определения и оценки категории «бедность»

	Период	Ключевые концепции и подходы	Исследователи, внесшие большой вклад	Практические инструменты
Эволюция зарубежных подходов	Классический период (XIX-первая половина XX века)	Абсолютный (монетарный) подход: определение черты бедности как денежного выражения минимального набора благ для физического выживания.	А. Смит, Д. Рикардо, Ч. Бут, С. Роунтри	Влияние рынка труда и стоимости рабочей силы. Зарождение практики расчёта прожиточного минимума (впоследствии воспринятой советской и постсоветской статистикой).
	Вторая половина XX-XXI века (Мировая научная мысль)	Подходы к измерению неравенства, депривационный подход и концепция возможностей: оценка распределения доходов, индексация неравенства, свобода выбора и человеческий потенциал, глобальный мониторинг.	Э. Аткинсон, П. Таунсенд, А. Сен, Б. Миланович, М. Раваллион	Разработка многомерных индексов бедности и депривационных критериев (активно применяемых в практике ЕС и ООН).
Формирование отечественной школы и методологии прожиточного минимума	1950 -1990-е годы (советская и ранняя российская школа)	Исследования уровня и образа жизни домохозяйств, научное обоснование нормативов потребления и прожиточного минимума.	Н.М. Римашевская, М.А. Можина	Формирование первых советских и ранних российских нормативных потребительских корзин и методик расчёта ПМ.

Продолжение таблицы 1

Социальная структура, стратификация и масштабы бедности в переходный период	1990-2020 гг. (трансформационный период в России)	Системный трансформационный кризис, деформация доходов, социальная стратификация, маргинализация и социально-демографические профили бедности.	Т.И. Заславская, З.Т. Голенкова, Л.Г. Зубова, Л.Н. Овчарова, Л.И. Абалкин, Н.А. Волгин, Е.Д. Катульский, Р.П. Колосова, О.И. Меньшикова, А.А. Разумов, В.Д. Роик, С.Ю. Рощин, А.И. Щербаков	Мониторинг масштабов бедности в период перехода к рыночной экономике, развитие систем социальной защиты и адресных пособий.
Институциональный анализ рынка труда, занятости и работающей бедности	1990-е годы-настоящее время (институциональный этап)	Институциональный анализ рынка труда: ценовая адаптация занятости, «институциональные ловушки», феномен работающей бедности, многомерная и цифровая бедность.	Р.И. Капелюшников, А.И. Московский, В.М. Полтерович	Переход на медианный подход оценки доходов и бедности, введение расчетного показателя границы бедности, индексируемой по ИПЦ, внедрение Единого пособия и оценка депривационных лишений.

Источник: составлено автором по литературе [32-200].

Именно А. Сен предложил сместить фокус внимания государственного регулирования с предоставления пособий, как пассивную помощь, на развитие инфраструктуры и различных отраслей, в которых жители бы развивались и получали новые возможности. Компаративный анализ неравенства и абсолютной бедности получили развитие в трудах В Б. Милановича и М. Раваллиона, ставшими одними из первых в мировой науке.[3] Разработанные методы и методики активно используются в отчетах Европейского союза и Организации объединенных наций.

Формирование отечественной школы проблем бедности закладываются в 1950-х годах и направлено на исследование уровня и образа жизни домохозяйств, научное обоснование нормативов потребления и прожиточного минимума. Отечественные исследования ведутся в условиях того, что ключевым фактором риска и возникновения бедности является не отсутствие занятости, а её низкое качество. Большой вклад в развитие данного научного направления внесла Н. М. Римашевская, а в последующем продолжено М. А. Можиной, Л. Н. Овчаровой.[4] В этот период сформированы первые нормативные потребительские корзины и методики расчёта прожиточного минимума.

Выдающимся экономистом и социологом Н. М. Римашевской лично и коллективном исследователей в этот период были получены ряд выводов,

---

[3] Rowntree B. Poverty a study of town life. London, 1902. https://archive.org/stream/poverty00unkngoog#page/n10/mode/2up; Orshansky, M. Who's Who Among the Poor: A Demographic View of Poverty // Social Security Bulletin. – 1965. – Vol. 28, No. 7 (July). – P. 3-32.; Сен, А. Идея справедливости / А. Сен. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара ; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.; Таунсенд, П. Мировая бедность: новая политика для борьбы со старым врагом / П. Таунсенд, Д. Гордон. – Бристоль : The Policy Press, 2002. – 480 с. 124.; Овчарова, Л. Н. Бедность и экономический рост в России / Л. Н. Овчарова // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 11-12 (129-130). – С. 47-60; Овчарова, Л. Н. Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения : дис. … д-ра экон. наук / Овчарова Лилия Николаевна. – М., 2011. – 328 с.

[4] Овчарова, Л. Н. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период / Л. Овчарова, Л. Прокофьева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – № 4 (48). – С. 23-31; Овчарова, Л. Н. Бедность и экономический рост в России / Л. Н. Овчарова // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 11-12 (129-130). – С. 47-60; Овчарова, Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт / Л. Н. Овчарова. – М. : М-Студио, 2009. – 267 с.; 151.Римашевская, Н. М. Бедность и маргинализация населения / Н. М. Римашевская // Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С. 33-44; Римашевская, Н. М. Основы социального государства / Н. М. Римашевская, В. Н. Бобков // Труд и социальные отношения. – 2012. – Т. 23, № 10. – С. 150-153; Римашевская, Н. М. Риски бедности в современной России / Н. М. Римашевская // Народонаселение. – 2010. – № 2 (48). – С. 4-9.

которые позволили развивать научные изыскания в этой области в новом направлении. Было обосновано, что бедность не стоит сводить лишь к физиологическому выживанию, а обеспеченность имеет несколько ступеней (абсолютная нищета и «малообеспеченность»), бедность представляет собой одну из серьезных предпосылок маргинализации населения, был обоснован феномен «работающих бедность» и зафиксирован парадокс экономики постсоветского периода: наличие работы и заработной платы не является гарантией защиты от бедности.

Начиная с 1990-го года до настоящего времени усиливаются и увеличиваются научные исследования, касающиеся не только проблем бедности, но и смежных проблем. Новые социально-экономические условия создают новые вопросы, на которые необходимо обращать внимание как научного сообщества, так и государству, среди них: системный трансформационный кризис, деформация доходов, социальная стратификация.

Проведённый анализ теоретических подходов к определению бедности – от абсолютного до трансформационного – выявляет их общее методологическое ограничение: все они фиксируют результат (недостаток дохода или благ), но не раскрывают механизмов, порождающих этот результат. Для понимания устойчивости бедности в современной России требуется иной аналитический инструментарий, выходящий за рамки описания дефицита ресурсов. Таким инструментарием выступает институциональная экономическая теория.

В рамках данного подхода экономические процессы рассматриваются не как автоматическое взаимодействие спроса и предложения, а как результат действия системы формальных (законы, контракты) и неформальных (обычаи, устоявшиеся практики, социальные нормы) правил, которые структурируют поведение экономических агентов. Ключевой категорией институционального анализа является понятие «институциональной ловушки» – устойчивого, но неэффективного равновесия, когда сложившиеся «правила игры» становятся

выгодными для большинства участников и поэтому самовоспроизводятся, даже если все осознают их неэффективность. Применительно к проблеме бедности это означает, что низкие доходы занятого населения могут быть следствием не только персональных характеристик работника (образования, квалификации), но и устойчивых институциональных дисбалансов в самом устройстве рынка труда и системе распределения доходов.

Проведенный анализ теоретических подходов к определению и оценке бедности как социально-экономической категории позволил определить авторские положения:

1. Традиционные подходы связывают бедность в основном с потерей рабочего места или нетрудоспособностью, однако специфика страны заключается в том, что среди бедных большая часть относится к работающим бедным. Это указывает на то, что цена труда не всегда связана с реальной стоимостью жизни. Именно по этой причине необходимо сконцентрировать фокус внимания не только на безработице, но и на качестве занятости.

2. Существующие в настоящее время государственные меры по преодолению бедности имеют по большей части догоняющий характер, однако не устраняют причину воспроизводства бедности. Например, механизмы налогообложения и социальные трансферты имеют пассивный характер и не выполняют важнейшую функцию – сглаживание рыночного неравенства.

3. Доходы работающего человека должны быть достаточны не только на удовлетворение базовых потребностей, которые определены лишь минимальной потребительской корзиной, но и на сохранение здоровья, инвестиции в развитие детей, обновление и расширение жилищных условий.

Всё это указывает на несовершенство институциональной системы в области преодоления бедности и развития рынка труда. На основе данных положений была сформулирована авторская позиция о том, что *бедность в современной России представляет собой институциональную дисфункцию рынка труда и системы перераспределения, при которой трудовой вклад*

экономически активного населения не обеспечивает доходов, достаточных для расширенного воспроизводства.

Как показал анализ, выявленные институциональные дисбалансы связаны с неоднородностью самой бедности, а это указывает на неэффективность одного и того же инструмента регулирования для разных форм бедности. Поэтому автором предлагается уточнённая классификация форм бедности для дифференциации инструментов управления (рис. 1): социальная (пассивная) бедность характерна для нетрудоспособных категорий населения и основным инструментом преодоления – прямые трансферты; экономическая бедность характерна для трудоспособных граждан, занятых в низкооплачиваемых секторах, основными инструментами регулирования является минимальный размер оплаты труда и поддержка занятости; третья форма бедности – депривационная, связанная с недоступностью услуг жизнеобеспечения (медицинских и оздоровительных услуг, образовательных услуг, жилищно-коммунальных услуг и благоустройства, и другие).



Рисунок 1 – Классификация форм бедности и инструментов регулирования
Источник: составлено автором на основе анализа научной литературы.[5]

[5] Римашевская Н. М. Основы социального государства / Н. М. Римашевская, В. Н. Бобков // Труд и социальные отношения. – 2012. – Т. 23, № 10. – С. 150-153; Овчарова Л. Н. Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения : дис. … д-ра экон. наук / Овчарова Лилия Николаевна.

Измерение и оценку бедности проводят как группы исследователей, так и научные организации. Так, глобальный индекс многомерной бедности, разработанный Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Оксфордской инициативой по человеческому развитию и борьбе с бедностью, оценивает уровень достатка и благополучия, опираясь на ряд негативных факторов, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни, включая плохое здоровье, недостаточное образование и низкий уровень доходов. Индекс был разработан на основе методологии Алкира-Фостера и оценивает бедность по трем группам показателей: здоровье, образование и уровень жизни.[6] При этом бедным считается человек, испытывающий лишения более чем по одной трети взвешенных индикаторов. Данная методика позволяет провести декомпозицию бедности по факторам, что, по мнению диссертанта, позволяет выявлять предпосылки бедности на конкретной территории, а также повышать эффективность управленческих решений.[7]

Кроме абсолютного (монетарного), относительного и депривационного подходов, а также Глобального индекса многомерной бедности (MPI), в мировой практике используется ряд других методов оценки. Среди них необходимо отметить разработанный итальянским социологом и статистиком Коррадо Джини коэффициент Джини, оценивающий степень отклонения фактического дохода от линии абсолютного равенства. Также широко

– М., 2011. – 328 с.; Прокофьева Л. М. Роль государственных и частных трансфертов в изменении уровня жизни семей: мониторинг бедности в Нижегородской области / Л. М. Прокофьева // Народонаселение. – 2008. – № 2. – С. 48-59; Ржаницына Л. С. Как снизить бедность в России / Л. С. Ржаницына // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2013. – № 2 (18). – С. 180-185; Холостова Е. И. Социальная работа и социальная сплоченность общества / Е. И. Холостова ; Ин-т доп. проф. образования работников социал. сферы. – 2-е изд., стер. – М. : Дашков и К, 2020. – 126 с. Разумов А. А. Бедность в системе отношений на рынке труда: методология анализа, современная ситуация, стратегия преодоления : дис. … д-ра экон. наук / Разумов Александр Александрович. – М., 2003. – 317 с.; Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня / О. В. Селиванова, А. А. Разумов // Экономика труда. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 279-296; Меньшикова О. И. Бедность трудоспособного населения: причины и следствия / О. И. Меньшикова // Охрана и экономика труда. – 2018. – № 2 (31). – С. 31-40; Роик В. Д. Пути совершенствования модели трудовых доходов населения России / В. Д. Роик // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 3 (40). – С. 90-100; Зубова Л. Г. Неравенство и бедность в России: динамика, причины, необходимость преодоления // Народонаселение. – 2017. – Т. 20, № 3. – С. 104-115.

[6] ПРООН: неравенство в уровне жизни во многом определяется этническим фактором https://news.un.org/ru/

[7] Как разработать национальный индекс многомерной бедности (ИМБ): использование ИМБ для информирования о достижении ЦУР. https://www.learningfornature.org/wp-content/uploads/2021/12/For-uploading_How_to_Build_a_National_Multidimensional_Poverty-Index_RU.pdf

используется статистический метод оценки дефицита дохода, показывающий не только количество бедных, но и оценивающий уровень материальной депривации.

Оценка бедности в России до 2021 года производилась с помощью оценки прожиточного минимума, который рассчитывали нормативным методом на основе потребительской корзины. Однако, этот метод часто подвергается критике по той причине, что в составе потребительской корзины велика доля продовольственных товаров, что и образует низкий уровень черты бедности. Структура продовольственной корзины выглядит следующим образом: 50% - продовольственные расходы, тогда как в развитых странах доля расходов на питание в потреблении малообеспеченных групп обычно находится в пределах 20-30%, доля услуг, включая транспорт, связь и культурные расходы, определяется как процент от стоимости продуктов питания, что делает такой подход методологически уязвимым для современной экономики. Однако, этот метод часто подвергается критике по той причине, что в составе большая доля продовольственных товаров и тем образует низкий уровень черты бедности.[8] В 2021 году были внесены изменения в нормативы расчетов прожиточного минимума и уровень был установлен на уровне 44,2% медианного среднедушевого дохода за прошедший год. Здесь появляется следующее упущение метода: в случае, когда темп роста медианного дохода отстает от потребительских цен, то происходит занижение прожиточного минимума. Введенный показатель границы бедности, представляющий собой произведение базового значения прожиточного минимума за предыдущий период (IV квартал 2020 года) на накопленный индекс потребительских цен призван решить эту проблему:[9]

$$\text{ГБ}(t) = \text{ПМ}(\text{баз}) \times \text{ИПЦ}(t) \quad (1)$$

[8] Федеральный закон от 29.12.2020 № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290119

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 26.11.2021 № 2049 «Об утверждении Правил определения границы бедности по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 49.

Где, ГБ(t) - граница бедности в отчётном периоде;

ПМбаз - прожиточный минимум на душу населения за IV квартал 2020 года;

ИПЦ(t) - индекс потребительских цен, накопленный с IV квартала 2020 года до отчётного месяца.

Из формулы (1) следует, что параметром, определяющим обновление порога, является инфляция. Медианный доход из расчёта исключён, а структура потребления зафиксирована и не пересматривается. Поскольку порог обновляется через индексацию ранее установленного норматива, такой расчет воспроизводит абсолютный критерий бедности. Появляется следующий методологический разрыв (табл. 2).

Таблица 2 – Сравнительный анализ критериев оценки бедности в Российской Федерации: монетарный и депривационный подход (по данным Росстата за 2023-2024 гг.)[10]

Показатель	Значение	Состав
Уровень бедности (официальный)	7,2 % (10,5 млн. чел.)	Доля населения с доходами ниже границы бедности (абсолютный критерий)
Относительная бедность	18-20%	Доля населения с доходами ниже 60 % медианного дохода (отражает уровень социального неравенства)
Индекс депривации (многомерная бедность)	13-15 %	Доля домохозяйств, имеющих три и более лишения (не могут заменить мебель, купить одежду, оплатить ЖКХ)
Субъективная бедность	25-28 % (согласно опросам ВЦИОМ)	Доля лиц, оценивающих свое материальное положение как плохое или очень плохое (денег не хватает на еду и одежду)

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2026 Стат.сб./Росстат. – М., 2026. – С.122-150;

Таким образом, каждый из применяемых методов оценивает один или несколько составляющих бедности: уровень бедности – долю населения с доходами ниже границы бедности, относительная бедность – долю населения с доходами ниже 60% медианного дохода, индекс депривации – долю

[10] Доклад на заседание Научно-методологического совета Федеральной службы государственной статистики // «О совершенствовании методологических положений по расчетам индексов немонетарной бедности по итогам выборочных наблюдений по социально - демографическим проблемам» / rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/rosstat/NMS/doc-frol.pdf

домохозяйств, имеющих три и более лишения, субъективная бедность – долю лиц, оценивающих свое материальное положение как «плохое» или «очень плохое».

Так, официальный показатель бедности, оцененный за 2024 год как 7,2% определяется по абсолютному критерию, однако он не показывает масштаб бедности по другим составляющим, например, долю домохозяйств, имеющих три и более лишения, долю лиц, оцениваемых свое материальное положение как плохое и очень плохое, то есть по многомерной и субъективной бедности число бедных оказывается в 2-3 раза выше.

При оценке бедности важным представляется оценка материального, имущественного положения домохозяйств, трудовой статус человека, чего не учитывает применяемая методика. Как показывает анализ, человек может получать доход ниже прожиточного минимума, но иметь значительный имущественный ресурс, в то же время человек, работающий в найме может получать выше прожиточного минимума, но при этом иметь высокую долговую нагрузку, материальные ограничения, в том числе в связи с наличием нескольких детей.

Заметно несоответствие уровня бедности и по другим сферам жизни, например в жилищной сфере, где рост арендных ставок и ипотечных платежей в 2023-2024 годах в определенной степени отражается в индексе потребительских цен, но в то же время увеличивает нагрузку на бюджеты семей, в особенности молодых семей. Например, домохозяйство с ипотекой может официально иметь доход выше прожиточного минимума и не относиться к категории бедных по формальным критериям, однако после обязательных платежей его потребительские возможности существенно ограничиваются.

Анализ существующих методов оценки бедности показал, что для устранения указанных противоречий необходимо разработать интегральный критерий нуждаемости, который будет учитывать не только текущий доход, но и другие показатели, оценивающие социальное и материальное положение. А

для совершенствования механизма преодоления бедности необходима детализация индикаторов бедности, которые выявляли бы профили риска для разных экономических, социальных и демографических групп.

Для совершенствования методики оценки бедности диссертантом использованы данные Выборочного наблюдения доходов населения Росстата[11], которые позволяют детализировать структуру депривационной бедности как более гибкий индикатор, нежели монетарная бедность. Так, в структуре бедности домохозяйств преобладают ограничения, которые связаны с отсутствием возможности формирования финансовой безопасности и обновления товаров длительного пользования. Согласно данным за 2023-2024 годы более 45 % домохозяйств не могут покрыть непредвиденные расходы без привлечения заёмных средств, около 12% домохозяйств не могут позволить себе мясо, птицу или рыбу либо их полноценный эквивалент хотя бы через день, до 20% семей с детьми в отдельных регионах не могут приобрести новую одежду и обувь по сезону каждому члену семьи. По этим показателям можно понять, что бедность в современной России выражается не только через недостаточности доходов, но и в отсутствии возможности покрыть расходы без привлечения займов, питаться качественно и разнообразно, приобретать непродовольственные товары в нужном количестве и так далее. Отсутствие таких возможностей на протяжении долгого периода снижает вероятность выхода из бедности данных домохозяйств, здесь проявляется феномен воспроизводства бедности, который диссертантом более подробно рассмотрен в параграфе 1.2 Главы 1.

Кроме того, применяемая методика расчёта бедности применяется в условиях значительного дифференциального развития регионов и их неоднородности как по структуре потребления, так и по уровню цен. Например, в северных регионах, таких как Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ и Чукотский автономный округ,

[11] Выборочное наблюдение доходов населения и участие в социальных программах. https://02.rosstat.gov.ru/folder/86292?ysclid=mv44st323289880499#

номинальный прожиточный минимум достигает 30-40 тыс. рублей и сочетается с высокими заработными платами в добывающем секторе, что обусловливает статистически низкий уровень бедности - менее 5%. Тогда так, как, например, ряде регионов в Приволжском федеральном округе прожиточный минимум не достигает и 20 тыс. рублей. Реальная покупательная способность доходов также сильно различается: в северных регионах она под влиянием высоких транспортных и логистических издержек значительно ниже, чем в регионах, расположенных ближе к центру.

В ряде других регионов, таких как Республика Ингушетия, Республика Тыва и Республика Калмыкия, прожиточный минимум ниже, однако доходы населения остаются низкими, что способствует сохранению устойчивой бедности, охватывающей до 25-30% населения.

В связи с этим необходимо отметить ещё один недочет существующей методики оценки бедности: не учитывается как региональная, так и внутрирегиональная дифференциация между городскими и сельскими территориями.

Важной является и оценка бедности по гендерному принципу, хотя и разница в оплате труда мужчин и женщин формально сокращается, однако поскольку женщины в основном трудятся в сфере образования, здравоохранения и социальных услуг, соответственно, и оплата труда сравнительно ниже средней. При этом уязвимы и неполные семьи с детьми, в которых отсутствуют мужчины, в особенности в период отпуска по уходу за ребенком, несмотря на занятость, доход в этой семье будет ниже, но не учитываться при оценке уровня бедности.

В последние годы появляется новая прослойка общества, которая имеет риск бедности, но не учитывается при оценке бедности – те, кто не имеют достаточный доступ к цифровым технологиям и достаточный уровень цифровых компетенций. Например, закрыт доступ к удалённой занятости, платформам вакансий и образовательным ресурсам, что снижает конкурентоспособность претендента на рынке труда. Невозможность

приобретать товары и услуги онлайн по сниженным ценам ограничивает потребление домохозяйств. А затруднённый доступ к цифровым сервисам (Госуслуги) создаёт барьеры для получения положенных льгот.[12]

Включение показателей цифрового неравенства в систему оценки бедности стало необходимым условием адаптивного анализа, поскольку домохозяйство, лишённое устойчивого цифрового доступа, находится в зоне риска даже при наличии дохода выше границы бедности. Именно поэтому возможности доступа к цифровым технологиям должны учитываться как один из признаков многомерной бедности.

Так, монетарный критерий позволяет установить факт недостаточности дохода, но не раскрывает его причины. Он не показывает, чем именно вызвана бедность конкретного домохозяйства: высокой иждивенческой нагрузкой, нестабильной занятостью, низкой оплатой труда или цифровой изоляцией. Корректный анализ бедности в России требует не выбора одного «единственно верного» метода, а сопоставления нескольких измерительных оптик. Абсолютный критерий позволяет определить минимальный порог нуждаемости, относительный – увидеть положение домохозяйства в системе общественного неравенства, а многомерный – выявить те формы исключения, которые не фиксируются одним только денежным показателем.[13]

Диссертантом предлагается необходимость трёхуровневой системы критериев оценки бедности:

1) монетарный уровень – доход ниже границы бедности служит основанием для срочной адресной поддержки и не требует дополнительной верификации;

2) соотнесение положения домохозяйства с медианным доходом и интенсивностью занятости, которое охватывает группы, формально выше

[12] Алиев М. Ф. Цифровой разрыв (digital divide) и его влияние на трудовые отношения в России / М. Ф. Алиев // Вестник Института социологии. – 2026. – Т. 17, № 1. – С. 209-231; Мотыльков, А. А. Цифровая бедность: как технологическое неравенство воспроизводит социальную уязвимость / А. А. Мотыльков // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 12-2 (185). – С. 71-79.

[13] Мотыльков А.А. Современная бедность в России: методы оценки, региональные различия и механизмы преодоления / С.А. Шапиро, А.А. Мотыльков // Бизнес. Образование. Право. – 2026. – № 2(75). – С. 138-146.

прожиточного минимума, но уязвимые при любом доходном шоке;

3) фиксация ограничения доступа к базовым благам, услугам и цифровым ресурсам независимо от уровня дохода.

Таким образом, основываясь на проведенный анализ *бедность определяется как устойчивое состояние социально-экономической депривации домохозяйства, при котором совокупность его располагаемых ресурсов оказывается недостаточной для простого воспроизводства человеческого капитала членов домохозяйства независимо от наличия занятости и получения дополнительных доходов.*

В данном определении вводится понятие «располагаемых ресурсов» вместо дохода, что позволяет учитывать не только доход, но и имущественные ресурсы, долговую нагрузку. Важным в предлагаемом определении представляется воспроизводство человеческого капитала, а не физиологическое выживание. Также определение прямо включает феномен работающей бедности, исключая уверенность, что занятость автоматически защищает от малообеспеченности.

Предложенная диссертантом классификация форм бедности и её авторская трактовка определяют методологический фундамент механизма преодоления бедности. Однако, до того, как перейти к рассмотрению его структуры, необходимо рассмотреть главный фактор воспроизводства малообеспеченности среди трудоспособного населения – институциональные барьеры (ловушки) рынка труда. Поскольку именно эти барьеры определяют бедность среди занятого населения.

Понимание бедности требует более широкого анализа, нежели анализ только доходов, а для объяснения её устойчивого воспроизводства необходимо обратиться к категории «институциональных ловушек».[14] Согласно данной теории, в российской экономике сложились устойчивые, но неэффективные

[14] Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, № 2. – С. 3-20.; Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 5-16.

нормы поведения на рынке труда, такие как неформальные трудовые отношения, практика занижения заработной платы и другие, которые, будучи выгодными для отдельных агентов в краткосрочной перспективе, в целом создают и сохраняют низкое качество занятости и препятствуют преодолению бедности. Данный подход позволяет не только изучить саму проблему бедности, но и механизмы её воспроизводства.

1.2. Институциональные ловушки рынка труда и факторы воспроизводства бедности

Современная экономика развивается на основе функционирования сложных институциональных структур, которые задают определенный вектор развития данной системы, те самые ориентиры, на основе которых происходит отбор и формирование наиболее эффективных экономических и социальных институтов, а также определяют направление и быстроту институциональных изменений.

В отличие от неоклассического подхода, рассматривающего рынок труда как механизм, автоматически уравновешивающий спрос и предложение, институциональная экономическая теория предлагает иной угол зрения.[15] В рамках этого направления рынок труда понимается как сложная система формальных правил (свод законов, норм) и неформальных ограничений (традиции, обычаи, социальные нормы, «правила игры», сложившиеся на практике), которые структурируют взаимодействие работников и работодателей.

Ключевой категорией анализа в данном контексте является понятие «институциональной ловушки», введенное в научный оборот

[15] Ситнова И.А., Ишназаров Д.У., Салихова З.М. Сущность и структура институциональной среды экономики современной России: возможность перехода на интеллектуальное развитие // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 3 (41). – С. 83-89.

российским экономистом В. М. Полтеровичем[16]. Под институциональной ловушкой понимается устойчивая и неэффективная норма поведения, которая, закрепившись в экономике, становится привычной и даже выгодной для большинства участников, следовательно, становится самоподдерживающейся. Иными словами, это ситуация, когда «плохие» правила игры становятся для участников более рациональными, чем переход к «хорошим», эффективным правилам, даже если все осознают неэффективность текущего положения. Выход из такой ловушки, как правило, требует значительных внешних усилий, поскольку рыночные силы оказываются бессильны изменить сложившуюся траекторию развития.

Закрепление дуальной структуры рынка труда, где элитный «первичный» сегмент соседствует с маргинальным «вторичным», является прямым следствием действия двух групп институциональных факторов.[17]

Формальные институты, сформированные в ходе постсоветской трансформации (такие как либерализация цен, приватизация, слабость трудового законодательства в отношении нестандартных форм занятости), создали правовое поле, благоприятное для концентрации капитала в одних отраслях и его вытеснения из других. Налоговое законодательство, предоставляющее льготы крупному бизнесу, и неэффективная система регулирования рынка труда создали асимметричные условия для ведения бизнеса в разных секторах экономики.

Неформальные институты, в частности сложившиеся практики трудовых отношений, имеют не менее важную роль, например практика занижения официальной заработной платы, проявляющаяся в «серой» схеме оплаты труда, использование краткосрочных контрактов для уклонения от социальных гарантий, неформальные правила приема на работу через личные связи, а также практика территориальной привязки работника к месту

[16] Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, № 2. – С. 3-20.
[17] Doeringer, P. B., & Piore, M. J. (1971). Internal Labor Markets and Manpower Analysis. Lexington, Mass.: Heath Lexington Books. https://webapps.ilo.org/public/libdoc/ilo/P/09963/09963(1990-7).pdf

жительства через систему прописки. Эти неформальные практики, закрепляясь, начинают восприниматься работодателями и работниками как «норма» и становятся своеобразным барьером для мобильности, отделяя привилегированный сегмент рынка труда от остальной рабочей силы.

Анализ основных тенденций рынка труда в России показывает наличие таких институциональных ловушек. Так, рынок труда определяет распределение доходов среди занятого населения, где дуальность сегментации создает институциональные ловушки, фиксирующие доходы 15-18% занятых ниже прожиточного минимума. На основе анализа данных Росстата и материалов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ RLMS-HSE[18] диссертантом были получены следующие оценки: дуальность в структуре рынка труда России проявляется в разделении на первичный сектор, который составляет около 70% занятых, и вторичный сектор, составляющий оставшиеся 30% занятых. Первичный сектор представлен крупными корпоративными структурами, трудовыми контрактами, вторичный сектор представлен малым и средним бизнесом, неустойчивой формой занятости, теневым и неформальным сегментами. При этом расчетный коэффициент сегментации в 2024 году составляет 0,42. Разрыв оплаты труда в зависимости от сектора следующий: 84,7 тыс. рублей в первичном секторе и 42,1 тыс. рублей – во вторичном секторе. В этом разрыве кроется риск малообеспеченности работников вторичного сектора.

Анализ динамики рынка труда показывает, что пик дуальности приходится на 1990-2000-е годы, когда проведение ряда реформ перераспределила значительную часть рабочей силы в низкопроизводительные сегменты малого бизнеса и неформальной занятости. Трансформация рынка труда (приватизация, либерализация) на протяжении нескольких десятилетий привела к росту вторичного сектора до 30-35% к настоящему времени. Однако вероятность перехода занятых из вторичного

[18] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ https://www.hse.ru/rlms/

сектора в первичный низкий, что обусловлено барьерами профессиональной переквалификации и территориальной закрепленностью рабочей силы. Фактором риска является и неформальная занятость, достигшая к 2025 году уровня в 22,6% среди мужчин и 26,1% среди женщин.[19]

Применительно к рынку труда и проблеме воспроизводства бедности исследовательская проблема сталкивается с целым рядом взаимосвязанных институциональных ловушек, действующих по механизму, описанному В.М. Полтеровичем. Каждая из существующих ловушек представляет собой самоподдерживающийся неэффективный равновесный исход, который блокирует выход работников на более производительные и лучше оплачиваемые рабочие места.

Ключевой особенностью этих ловушек является их самоподдерживающийся или эндогенный характер и взаимное усиление. Закрепившись во вторичном секторе, работник сталкивается со следующим:

1. Ловушкой квалификации, когда профессиональные навыки начинают деградировать, так как вторичный сектор не требует их развития и не создает для этого стимулов. Это делает его конкурентоспособность на рынке труда все более низкой.

2. Ловушкой неформальности, когда отсутствие официального контракта и социальных гарантий не только снижает его текущий доход, но и лишает его будущих пенсионных прав, закрепляя его в маргинальной позиции.

3. Территориальной ловушкой, когда по ряду финансовых, социальных, трудовых причин жители привязаны к региону с депрессивным рынком труда, где альтернативные возможности занятости отсутствуют.

Так, каждая институциональная ловушка выступает своеобразным продолжением предыдущей и лишь углубляет действие предыдущей институциональной ловушки. Это объясняет, почему даже длительный

[19] Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2026 Стат.сб./Росстат. – М., 2026. – С.96-115.

экономический рост не приводит к постепенному уменьшению бедности среди занятых.

С целью определения влияния отдельных факторов, так или иначе возникающих в рамках институциональных ловушек, предлагается авторская модель воспроизводства бедности занятых (БНЗ), модель учитывает индекс структурной дуальности рынка труда, квалификационное несоответствие (НК) и масштаб неустойчивой занятости (НЗ). Верификация модели производилась на основе анализа массива данных официальной статистики Росстата, обследования RLMS-HSE и анализ данных с платформ поиска работы для оценки квалификационного несоответствия. Наибольший удельный вес в структуре факторов (α=0,35-0,45) имеет именно дуальность рынка труда, которая закреплена разрывом в оплате труда между первичным и вторичным секторами экономики. Так, модель воспроизводства бедности занятых имеет следующий вид (2):

$$\text{БНЗ} = \alpha \times \text{Дуальность} + \beta \times \text{НК} + \gamma \times \text{НЗ}, \qquad (2)$$

Региональный разрез подтверждает неоднородность дуальности рынка труда. Например, в Центральном федеральном округе первичный сектор охватывает 75% занятых при коэффициенте 1,8, тогда как на Дальнем Востоке его доля уменьшается до 55% при коэффициенте 2,8.[20] Чтобы определить клад вторичного сектора в воспроизводство бедности занятых количественно диссертантом предлагается следующая формула (3):

$$\text{ВС} = (\text{ЗП}_\text{п} - \text{ЗП}_\text{в}) / \text{ЗП}_\text{п} \times \text{Доля}_\text{вс}\text{ , где} \qquad (3)$$

$\text{ЗП}_\text{п}$ – средняя зарплата в первичном секторе;

$\text{ЗП}_\text{в}$ – средняя зарплата во вторичном секторе;

$\text{Доля}_\text{вс}$ – удельный вес занятых во вторичном секторе

В данную формулу, подставив данные из официальной статистики,

[20] Рынок труда России в 2025 году: трансформация, проблемы и перспективы / ttps://www.kommersant.ru/doc/8249407

согласно которой средняя заработная плата в первичном секторе равна 84,7 тыс. руб., во вторичном секторе 42,1 тыс. руб. и доля вторичного сектора 35% получаем 17,5%:

$$ВС = (84,7 - 42,1) / 84,7 \times 0,35 = 17,5\% \text{ от общ. числа раб.-х бедных}$$

Согласно расчетам, почти пятая часть работающих бедных обусловлена барьерным разрывом и работой во вторичном секторе экономики. Этот расчет доказывает то, что дуальность рынка имеет деструктивный характер и требует отдельного, адресного регулирования именно вторичного сектора.

Барьер несоответствия квалификации, мешающей работникам перейти из одного сектора в другой, усиливается тем, что профессиональная переподготовка, как правило, требует инвестиционных вложений. Здесь возникает выраженный пороговый эффект: при падении доходов ниже критического уровня вертикальная мобильность блокируется. Отсутствие свободных финансовых средств становится ограничением в инвестировании в человеческий капитал и смену сектора занятости (рис. 2).[21]

Так, модель ловушки квалификации на дуальном рынке показывает, что существует барьер переквалификации, который не позволяет перейти в производительный сектор около 25-30 % занятых во вторичном секторе. Если учитывать, что стоимость переподготовки составляет от 50 до 100 тыс. руб. в среднем и превышает годовой прирост дохода (3-6 % или 2,5-5 тыс. руб. / мес.), то есть представляет собой рациональный отказ от инвестиций в человеческий капитал до 60% занятых. Разрыв в навыках по данным данных платформ поиска работы составляет в среднем 30-35% и недоступны работникам со средним образованием, составляющим 42% вторичного сектора.

[21] Рынок труда в России в 2025 году: анализ, тренды и прогнозы / https://econs.online/articles/ekonomika/ekonomicheskoe-zerkalo-chto-proiskhodit-na-rossiyskom-rynke-truda/

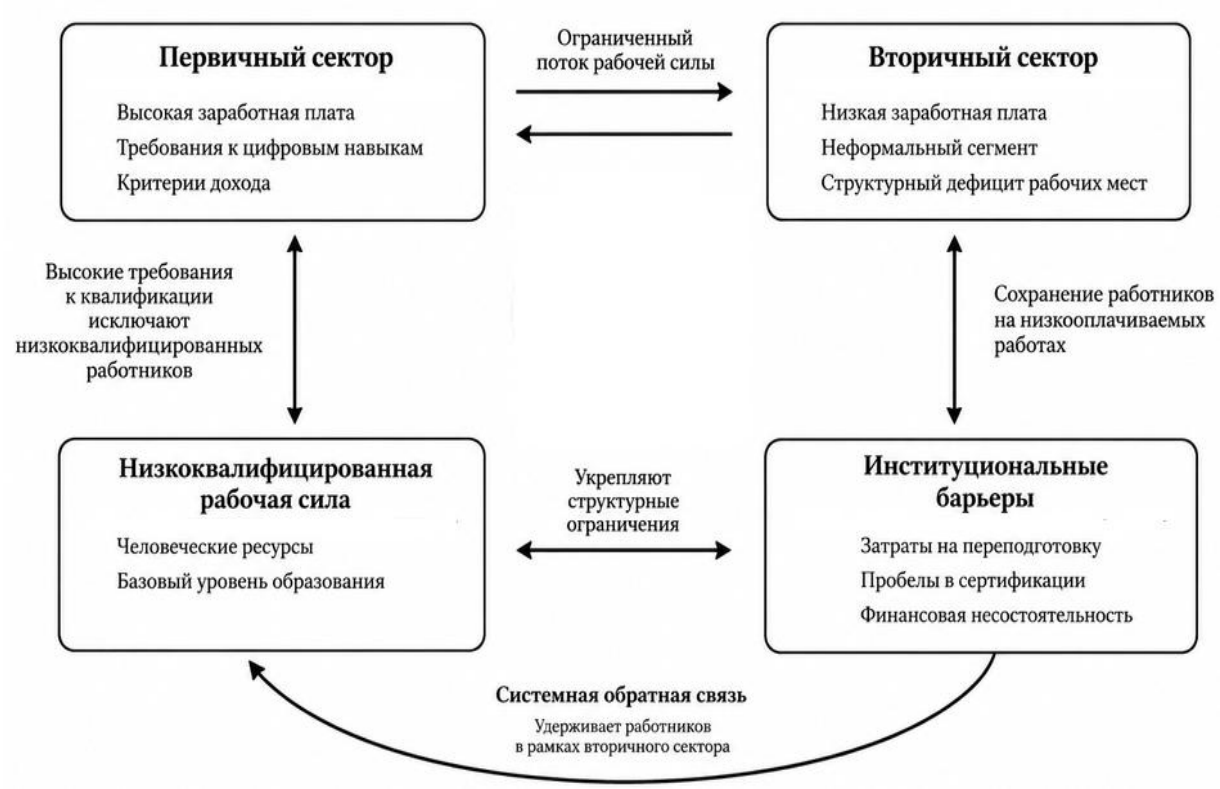


Рисунок 2 – Модель ловушки квалификации на дуальном рынке труда

Источник: разработано автором на основе[22]

Институциональная ловушка квалификации, в свою очередь, образует следующую ловушку – ловушку неформальности, то есть активное развитие неформальной занятости, которая охватывает существенную часть (до 26%) трудоспособного населения и характеризуется сравнительно низкой оплатой труда по сравнению с формальным сектором. Неформальная занятость традиционно сконцентрирована в сфере малого предпринимательства и самозанятости.[23] «Скрытая занятость, с одной стороны, способствует оживлению конкурентной среды на рынке труда и расширяет предложение продукции и услуг, делая их более доступными для малообеспеченных слоёв населения. С другой стороны, большинство исследователей отмечают её деструктивное воздействие на макроэкономические процессы. Получая определённые выгоды, такие как дополнительная прибыль, трудоустройство

[22] Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения - Фундаментальные исследования / https://fundamental-research.ru/article/view?id=42950

[23] Занятость в неформальном секторе России: безработица и другие социально экономические факторы / https://www.perplexity.ai/search/ustanovka-na-rabotu-dissertats-a_nbrYOvQRaQwvQoNaUwGQ

или доступ к дешёвым товарам, участники теневых практик одновременно создают нагрузку на государственный бюджет и провоцируют системные проблемы, препятствующие стабильному экономическому развитию.»[24] Содержание институциональной среды и структура институциональной системы определяют наличие или отсутствие институциональных условий для возможности существования и развития неформального рынка труда. На основе института складывается конкретное институциональное условие социально-экономической деятельности, в частности трудовой. Определенные социально-экономические институты дают возможность для образования институциональных условий для развития неформальных трудовых отношений.[25]

Доля неформальной занятости растет и если в 2006 году она была равна 18,6%, то уже к 20205 году – 22,6%. Разработанные и внедренные государственные меры в области введения специального налогового режима для самозанятых[26] частично решил эту проблему, выводя занятых из теневой экономики, однако не устранил проблему полностью. Чтобы оценить степень уязвимости и возможности прогнозирования бедности в неформальном секторе диссертантом предлагается следующая формула, составленная на основе анализа данных официальной статистики за период с 2006 по 2025 года. Проведенный анализ показал, что выявлена значительная связь между неформальной занятостью и ростом бедности в рамках данного сегмента. Риск бедности в данном сегменте определяется по соответствующей формуле (4):

$$РБ = НЗ \times К + Фактор\ кризиса, \text{ где} \quad (4)$$

НЗ - доля неформальной занятости

К – коэффициент риска

[24] Орлова, Д. Р. Теневая занятость как институциональная ловушка рынка труда / Д. Р. Орлова, Т. А. Пескова // Теневая экономика. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 361-376.

[25] Шпилина Т.М. Неформальная занятость как институциональная ловушка // Социальная политика и социология. – 2013. - №5-1(98). – С. 59-67.

[26] Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 49, ч. I. — Ст. 7494.

Коэффициент 1,9 – это коэффициент регрессии, получен с помощью эмпирического анализа и показывает на сколько пунктов возрастает бедность при изменении доли неформальной занятости на одну единицу (табл. 3).

Таблица 3 – Динамика неформальной занятости и бедности среди занятых, 2006-2025 гг., %

Период	Неформальная занятость (общая)	Бедность в неформальном секторе	Бедность в формальном секторе	Коэффициент риска
2006	18,6	34,4	12,1	2,85
2019	22,2	42,1	15,8	2,66
2025	22,6	41,8	16,2	2,58

Источник: составлено автором по: Уровень жизни. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/folder/13723; Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2026 Стат.сб./Росстат. – М., 2026. – 156 с.

По таблице 3 видно, что неформальная занятость к 2025 году возросла до 22,6%, резко возросла и бедность в неформальном секторе к 2019 году на 7,7% по сравнению с 2006 годом (с 34,4% до 42,1%) и снижается на 0,3% к 2025 году. Возрастает также и бедность в формальном секторе с 12,1% в 2006 году до 16,2% в 2025 году. Бедность в неформальном секторе в 2,58 раза выше, чем в формальном секторе (коэффициент риска).

Рассматриваемые институциональные ловушки имеют эндогенный характер и последовательно образуют следующую. Так, находясь в ловушке неформальной занятости работник лишен формировать свой доход на должном уровне, не говоря уже о пенсионных, страховых накоплениях и инвестициях в развитие. Низкий уровень доходов формирует объективное желании миграции в поисках лучшего места работы и оплаты труда, однако реализация этому препятствует как низкие финансовые возможности, так и неформальные социальные связи (это могут быть как и помощь от родственников, так и наличие натурального хозяйства) препятствуют переезду. Институциональная интеграция на данной конкретной территории, под которой подразумевается соединение во внутренней среде инфраструктурной локализации,

приспособление друг к другу и переплетение свойственных различным субъектам-участникам данной локализации способов экономического поведения и мышления, форм контрактов, видов правовых норм и стандартов, обеспечивающих необходимое доверие между участниками локализации.[27] Таким образом формируется некий замкнутый круг – территориальная ловушка.

Анализ данных официальной статистики показал, что территориальная ловушка присутствует в нескольких федеральных округах: Центральном, Сибирском, Дальневосточном и Северо-Кавказском (табл. 4).

Таблица 4 – Региональные диспропорции занятости и бедности, 2025 г., %

Федеральный округ	Доля неформальной занятости	Бедность занятых	Производительность труда, % от среднего	Коэффициент мобильности
Центральный	18,0-20,0	11,0	120,0-130,0	18-22
Сибирский	28,0-30,0	25,0	75,0-85,0	10-12
Дальневосточный	30,0-35,0	28,0	70,0-80,0	8-10
Северо-Кавказский	32,0-38,0	32,0	55,0-65,0	5-8

Источник: составлено автором по: Уровень жизни. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/folder/13723; Сайян, В. С. Оценка масштабов и динамики неформальной занятости в современной российской экономике / В. С. Сайян // Экономика труда. – 2026. – Т. 13, № 4. – С. 487-500; Рынок труда России в 2025 году: трансформация, проблемы и перспективы / https://www.kommersant.ru/doc/8249407

Меньше всего неформальной занятости зафиксировано в Центральном федеральном округе – 18,0-20,0%, бедных занятых – 11,0%, при этом высока производительность труда – 120,0-130,0%. Коэффициент мобильности равен - 18,0-20,0. Сравнительно высокая доля неформальной занятости в Северо-Кавказском федеральном округе – 32,0-38,0% и больше всего бедных занятых – 32,0%, коэффициент мобильности равен 5-8.

Таким образом, бедность среди работающего населения имеет высокую концентрацию в указанных федеральных округах – до 62% от всех работающих в стране. Диссертантом предложена формула расчета территориального вклада (ТВ), которая отражает кумулятивный эффект

[27] Вериш Т.А. Институциональная ловушка развития межотраслевой локализации инфраструктурного характера. // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2015. – № 2 (50). – С. 65-70.

депрессивности отдельной территории на общенациональный уровень бедности (5). При этом проведенные эмпирические исследования подтверждают обратную зависимость между межрегиональной мобильностью труда и уровнем бедности, то есть чем ниже мобильность населения, тем выше масштабы воспроизводства бедности в данном регионе. [28] Формула территориального вклада:

$$\text{ТВ} = (1 - \text{Мобил}) \times \text{Бедность}_{\text{региона}}, \quad (5)$$

где депрессивные регионы генерируют ТВ = 0,90 × 0,25 = 22,5 % бедности занятых

Возникающие институциональные ловушки квалификации (рис. 3), неформальной занятости и территориальная ловушка порождает следующую форму депривации – ловушку трудового участия и прекаризации занятости.



Рисунок 3. – Модель ловушек участия и прекаризации

Источник: разработано по: Итоги российского рынка труда 2025 и тренды на 2026 год по версии hh.ru - CNews / https://www.cnews.ru/news/line/2025-12-22_itogi_rossijskogo_rynka

[28] Уровень жизни. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/folder/13723; Сайян, В. С. Оценка масштабов и динамики неформальной занятости в современной российской экономике / В. С. Сайян // Экономика труда. – 2026. – Т. 13, № 4. – С. 487-500; Рынок труда России в 2025 году: трансформация, проблемы и перспективы / https://www.kommersant.ru/doc/8249407

Проектная работа, неполная занятость, занятость только по гражданско-правовому договору приводят к тому, что доходы таких занятых нестабильны и, часто, уступают стандартам полной занятости. Волатильность заработков и отсутствие гарантированного фонда оплаты труда создают высокий риск безработицы. Анализ показывает, что риск бедности в прекаризированной занятости в 1,6 раз превышает такой риск при полной занятости.

Для оценки доли безработных в прекаризированной занятости в общем количестве безработных диссертантом предлагается формула фиксации (6).

$$ФП = (1 - Стабильность) \times Доля\ прекариата \quad (6)$$

Для того, чтобы оценить взаимосвязь выявленных дисфункций диссертантом разработана многофакторная регрессионная модель воспроизводства работающей бедности. Проведенная оценка с помощью разработанной модели показала, что бедность занятых действительно детерминируются совокупностью ключевых институциональных ловушек дефицита квалификационных компетенций, неформальной занятости как элемент дуальности рынка и территориальной изоляцией (7):

$$БНЗ = \alpha \times Дуальность + \beta \times НК + \gamma \times НЗ + \delta \times Терр + \varepsilon, \quad (7)$$

где БНЗ - бедность занятых,

НК - ловушка квалификации,

НЗ - неформальность,

Терр - территориальная ловушка.

На основе предложенной модели была проведена оценка по данным 2020-2025 гг., который показал следующие данные: $\alpha=0,35$ (дуальность рынка труда), $\beta=0,25$ (разрыв в навыках), $\gamma=0,20$ (неформальная занятость), $\delta=0,15$ (территориальные ограничения); коэффициент детерминации $R^2=0,82$. Все коэффициенты значимы при $p<0,01$ (t-статистика >3,45) (табл. 5).

Таблица 5 – Коэффициенты регрессионной модели воспроизводства бедности занятых, 2020-2025 гг.

Фактор	Коэффициент	t-статистика	p-значение	Вклад в БНЗ, %
Дуальность рынка труда (α)	0,35	6,12	0,000	35
Квалификация (β)	0,25	4,87	0,001	25
Неформальная занятость (γ)	0,20	4,23	0,003	20
Территориальная ограниченность (δ)	0,15	3,45	0,008	15
Коэффициент детерминации R^2 общий	0,82	-	-	95

Источник: расчет автора по: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2026. Стат.сб./Росстат. – М., 2026. – С.96-115.

Таким образом, как видно из таблицы 6, дуальность рынка занимает доминирующее положение в воспроизводстве бедности и составляет 35%, далее свой вклад вносит дефицит квалифицированных работников (25%), неформальная занятость вносит 20% и территориальная ограниченность – 5% в воспроизводство общей бедности. Проведенные расчеты по предложенной формуле объясняют 82% вариации бедности занятых институциональными ловушками рынка труда.

Диссертантом также проведен анализ межфакторных взаимосвязей, который свидетельствует об интеграции выявленных институциональных ловушек. При этом наиболее тесная сопряженность выявлена между неформальной занятостью и территориальным ограничением (табл. 6).

Таблица 6 – Корреляционная матрица институциональных ловушек, 2020-2025 гг.

Ловушка	Дуальность	Квалификация	Неформальность	Территория
Дуальность	1,00	0,76	0,68	0,82
Квалификация	0,76	1,00	0,71	0,65
Неформальность	0,68	0,71	1,00	0,89
Территория	0,82	0,65	0,89	1,00

Источник: расчет автора по: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). / Росстат. – М., 2026. – С.96-115.

Проведенное диссертантом исследование показывает, что выявленные институциональные ловушки рынка труда взаимосвязаны и преемственны, образуя некую цепную реакцию последствий и таким образом удерживают значительную часть занятых в зоне депривации. Принимаемые в настоящее время государственные меры решают существующие проблемы фрагментарно, уделяя внимание лишь отдельным ситуациям, не рассматривая институциональные ловушки как комплексное явление. Поэтому необходим к более совершенной, структурированной модели, в которой бедность рассматривается как управляемый сложный многокомпонентный феномен, который можно и нужно контролировать, моделировать и прогнозировать. Такой подход требует не только перераспределения ресурсов, но и пересмотра самой социальной политики и реализуемых государственных мер.

Проблемой институциональных ловушек является то, что избежать их довольно трудно. Для этого необходимо чрезвычайно тщательно продумывать содержание каждого нововведения в законодательстве РФ, и, кроме того, повторно анализировать уже существующее, внося в него серьезные коррективы, диктуемые временем. Дело в том, что «единожды попав в институциональную ловушку, система выбирает неэффективный путь развития, причем со временем переход на эффективную траекторию может уже оказаться нерациональным»[29]. В этом и заключается самая большая опасность. Таким образом, формирование и функционирование институциональных ловушек на рынке труда негативно сказывается на населении страны и приводит к отрицательным последствиям. Из-за работы вышеназванных эффектов выход из институциональных ловушек становится особенно сложным. Таким образом, результатом исследования станет попытка не только дать рекомендации по выявлению институциональных ловушек на рынке труда, но и по поиску возможных выходов из них.

[29] Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // ЦЭМИ РАН и РЭШ, Москва, 1999. https://docs.yandex.ru/docs/; Капустина А.А. https://docviewer.yandex.ru/

1.3. Состав и структура социально-экономического механизма преодоления бедности

Как показал анализ в предыдущем параграфе, институциональные ограничения рынка труда имеют устойчивый и долговременный характер, тем самым становясь фактором воспроизводства бедности. Для минимизации воздействия институциональных ловушек диссертантом предлагается совершенствование социально-экономического механизма преодоления бедности, который будет подходить к решению проблемы комплексно. Данный механизм должен иметь организованную институциональную систему правил, норм и структур, направленных на уменьшение влияния ловушек рынка труда.

Институциональные условия рынка труда характеризуются направленностью на регулирование занятости населения, регулирование отношений между работодателями и наемными работниками, хранение и переработку информации о состоянии рынка труда, которое имеет формальные и неформальные институты. На рынке труда РФ формальные институты представлены законодательными и нормативными актами Правительства РФ и субъектов РФ (Трудовой кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Гражданско-процессуальный кодекс РФ и др.).[30] В российской практике это означает, что Трудовой кодекс формирует основную часть нормативной базы рынка труда, которая может быть откорректирована и дополнена правовыми нормами, устанавливаемыми в других отраслях права. Помимо законодательных норм, к формальным институтам рынка труда следует отнести нормативные акты, принимаемые на уровне отдельных предприятий (правила внутреннего распорядка, коллективный договор), которые структурируют отношения работников и работодателей на локальном уровне. Формальным институтом, регулирующим отношения работника и работодателя на микроуровне, является трудовой договор или договор гражданско-правового характера. В

[30] Строева Г.Н. Институциональные аспекты регулирования рынка труда. // Ученые заметки ТОГУ. – 2013. – Том 4 (4). – С. 89-94.

настоящее время в России заключение трудового договора, как правило, отражает не достигнутое в процессе ведения переговоров соглашение о параметрах трудовой деятельности работника, а формально зафиксированное согласие работника с продиктованными работодателем условиями его занятости на предприятии. Неформальное соглашение, заключаемое индивидуально между работником и работодателем, несмотря на асимметричность распределения экономических выгод, по своей сути является взаимовыгодным обменом обязательствами и представляет собой устную договоренность о предоставлении работнику определенного рабочего места с выплатой теневой заработной платы. При этом работник приобретает возможность получать более высокую заработную плату, формируемую за счет экономии работодателя на выплатах страховых взносов и экономии работников на налоге на доходы физических лиц. Неформальное соглашение может сопровождать и формальный наем работника. Частью подобного соглашения может быть отказ работника от некоторых социальных гарантий. Интерес работника к таким договоренностям с работодателями основан на получении рабочего места, а также более выгодных условий карьерного роста. Совокупность данных институтов образует институциональный механизм регулирования рынка труда. В составе институционального механизма можно выделить следующие составляющие: организационно-правовую, социально-экономическую, и психологическую (идеологическую). Функции организационно-правовой составляющей механизма регулирования занятости населения заключаются в принятии соответствующих законодательных и нормативных актов, регламентирующих разные формы развития отношений между работодателями и наемными работниками и создании соответствующих институтов, осуществляющих наблюдение и контроль за их исполнением. Социально-экономическая составляющая механизма регулирования рынка труда охватывает регулирование трудовых отношений между работниками, работодателями и государством в целях достижения соответствия спроса и предложения рабочих мест, соглашения на рынке труда в сфере организации

труда и его оплаты.

Существующий в настоящее время социально-экономический механизм преодоления бедности больше направлен на смягчение текущих последствий малообеспеченности, однако не затрагивает первичные причины и практически «не видит» институциональные ловушки рынка труда. Несмотря на применяемые социально-экономические инструменты, например, реализуемые программы обучения, содействие занятости, такие меры не учитывают макроэкономические диспропорции, такие как низкую окупаемость инвестиций в человеческий капитал, депрессивность рынков труда в регионах, по этим причинам нередко после завершения программы обучения работники возвращаются в низкооплачиваемый сектор и прекаризованную занятость, усиливая дуальность рынка.

Для устранения данных проблем диссертантом была разработана структура социально-экономического механизма преодоления бедности (рис. 4, табл. 7), которая учитывает несколько уровней. Во-первых, в параграфе 1.2 установлено, что основным препятствием выхода из институциональных ловушек рынка труда является отсутствие финансовых ресурсов для переквалификации, переезда или открытия собственного дела. Во-вторых, авторское определение бедности (параграф 1.1) акцентирует внимание на необходимости расширенного воспроизводства человеческого капитала, что предполагает не только текущую поддержку, но и инвестиционную составляющую. В-третьих, одним из элементов финансовой поддержки в предлагаемом механизме является социальный банковский вклад, который был введен в 2025 году.[31] Социальный вклад представляет собой депозит, открываемый на год, предназначенный для хранения сбережений льготников. Обычно вклад имеет максимальную для банка процентную ставку и льготные условия досрочного расторжения. Целью вклада является сохранение и увеличение накоплений, например, пенсию или пособия.

[31] Федеральный закон от 22.07.2024 №202-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О банках и банковской деятельности"



Рисунок 4. – Структура социально-экономического механизма преодоления бедности

Источник: составлено автором.

Предлагаемый диссертантом механизм имеет трехуровневую управленческую систему, где первый уровень направлен оптимизацию фонда оплаты труда в тех секторах, где доходы низки, второй уровень призван решать проблемы нуждаемости домашних хозяйств, третий уровень – уровень мониторинга результативности предпринимаемых мер на основе группы индикаторов.

Выбор трехуровневой структуры механизма обусловлен тем, что бедность воспроизводится не одним фактором, а несколькими взаимосвязанными факторами, и воздействие на них необходимо иерархически структурированным управлением. На институциональном уровне будут формироваться правила, нормы и структуры распределения доходов для устранения первопричины депривации на уровне первичного распределения. На инструментальном уровне будет обеспечена адресная адаптация работников с помощью преодоления квалификационных барьеров,

вовлечения имущественных активов домохозяйств для активной трудовой мобильности. На уровне мониторинга будет обеспечен непрерывный контроль пороговых эффектов, верификация целевых индикаторов, а также корректировка управленческих решений при необходимости. Каждый уровень имеет свой инструмент воздействия и показатели ожидаемого эффекта (талб.7).

Таблица 7 – Структура социально-экономического механизма преодоления бедности

Уровень	Компонент	Цель	Инструменты	Ожидаемый эффект
Институциональный	Регулирование ФОТ	Преодоление дуальности (α=0,35)	Минимальный $ФОТ = ПМ \times 1{,}5 \times региональный\ коэффициент$	Снижение БНЗ на 8-10%
Инструментальный	Цифровое профилирование	Ликвидация ловушки навыков (β=0,25)	Алгоритм сопоставления навыков и вакансий	Мобильность +25-30%
	Имущественный критерий	Активация накоплений	Налоговый вычет на имущество	Рост доходов +12-15%
Мониторинговый	Матрица целевых показателей	Контроль пороговых эффектов	Индекс выхода из ловушек	R^2 модели = 0,85-0,90

Источник: разработано автором.

В соответствии с представленной структурой (рис. 4, табл. 7), институциональный уровень направлен на преодоление дуальности рынка с помощью нормативного регулирования фонда оплаты труда. При этом фонд оплаты труда дифференцирован по регионам и рассчитывается по предложенной диссертантом формуле (8):

$$\text{Минимальный ФОТ} = \text{ПМ} \times 1{,}5 \times \text{КР}, \text{ где} \quad (8)$$

ПМ - базовый прожиточный минимум,

КР – коэффициент региона, который рассчитывается как отношение подушевого валового регионального продукта конкретного субъекта к среднероссийскому показателю.

Второй уровень – инструментальный – направлен на регулирование квалификационного дефицита и оценки нуждаемости с учетом имущественного положения.

Для цифрового профилирования и сопоставления кадров предлагается формула, которая агрегирует профессиональные навыки (вес равен 0,4), стаж и опыт работы (вес равен 0,3) и региональную конъюнктуру (вес равен 0,3) (9):

$$\text{Балл соответствия} = 0{,}4 \times \text{Навыки} + 0{,}3 \times \text{Опыт} + 0{,}3 \times \text{Региональный фактор} = 0{,}4 \times \text{Навыки} + 0{,}3 \times \text{Опыт} + 0{,}3 \times \text{Регион} \quad (9)$$

Если достигается пороговое значение балла соответствия (больше 0,7) в течение двух лет у доли работников до 40%, то осуществляется переход от периферийного в первичное ядро занятости. Это, в свою очередь снижает коэффициент влияния дефицита навыков (β) с 0,25 до 0,08, одновременно стимулирует рост трудовой мобильности на 30%. Имущественный критерий на этом уровне необходим для расширения возможностей адресной поддержки за счет того, что занятые включаются в категорию домохозяйств с ограниченными накоплениями.

Уровень мониторинга обеспечивает контроль пороговых значений и результативности принимаемых мер. Для комплексной оценки диссертантом разработан индекс выхода из институциональных ловушек (10):

$$\text{ИИЛ} = (\text{ЗП} / \text{ОЗ}) \times 100\%, \text{ где} \quad (10)$$

ИИЛ – индекс выхода из институциональных ловушек,

ЗП – заработная плата выше порогового значения,

ОЗ – общая занятость.

Таким образом, в главе 1 рассмотрены теоретико-методологические основы изучения бедности как системного социально-экономического феномена. На основе исследования доказано, что устойчивая бедность и

воспроизводство бедности обусловлены не отдельными факторами, а действием взаимосвязанных, порождающих друг друга институциональных ловушек рынка труда. Была предложена авторская трактовка институциональных ловушек на рынке труда, методически обоснована недостаточная эффективность, фрагментарность реализуемых в настоящее время мер преодоления бедности. Разработан трехуровневый социально-экономический механизм, состоящий из институционального, инструментального и мониторингового уровней. Полученные выводы формируют обоснованный фундамент для дальнейших эмпирических исследований и практических рекомендаций.

ГЛАВА 2. РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОХОДОВ И УРОВНЯ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1. Бедность в современной России: динамика, структура и группы риска

Изучение динамики и структуры бедности позволяет определить направления и масштаб изменений, а также выявить конъюнктурные колебания от устойчивых структурных сдвигов. Это создаст эмпирическую базу для выявления пороговых эффектов, которые будут проверены в данном параграфе и использованы в последующих разделах для обоснования направлений совершенствования механизма преодоления бедности.

Анализ динамики уровня бедности в России и федеральным округам позволяет выявить ряд тенденций (рис.5).

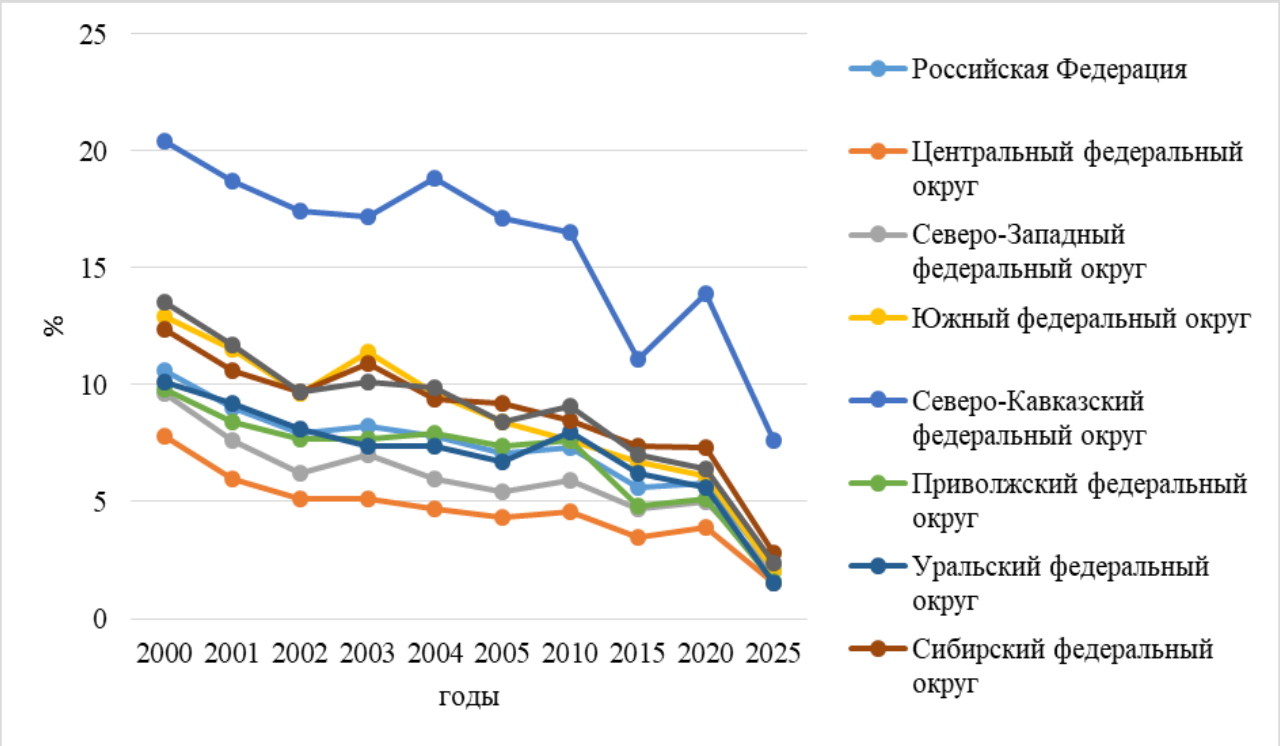


Рисунок 5 – Динамика уровня безработицы в России и по федеральным округам за 2000-2025 годы (в %).

Источник: Занятость и безработица. https://rosstat.gov.ru/labour_force

В 2000 году в Северо-Кавказском федеральном округе отмечался сравнительно высокий уровень бедности и был равен 20,4%, минимальное значение было в Центральном федеральном округе – 7,8%. На протяжении нескольких десятков лет Северо-Кавказский федеральный округ удерживает максимальные значения по уровню бедности и выше среднероссийского показателя. Большинство других федеральных округов с 2000 по 2010 год имели демонстрировали средние значения показателей (8-14%). К 2015 году наблюдается заметный спад уровня бедности во всех федеральных округах (рис. 6). А уже к 2025 году уровень бедности в среднем по России был равен 2,2%. За 25 лет показатель сократился более чем в четыре раза.

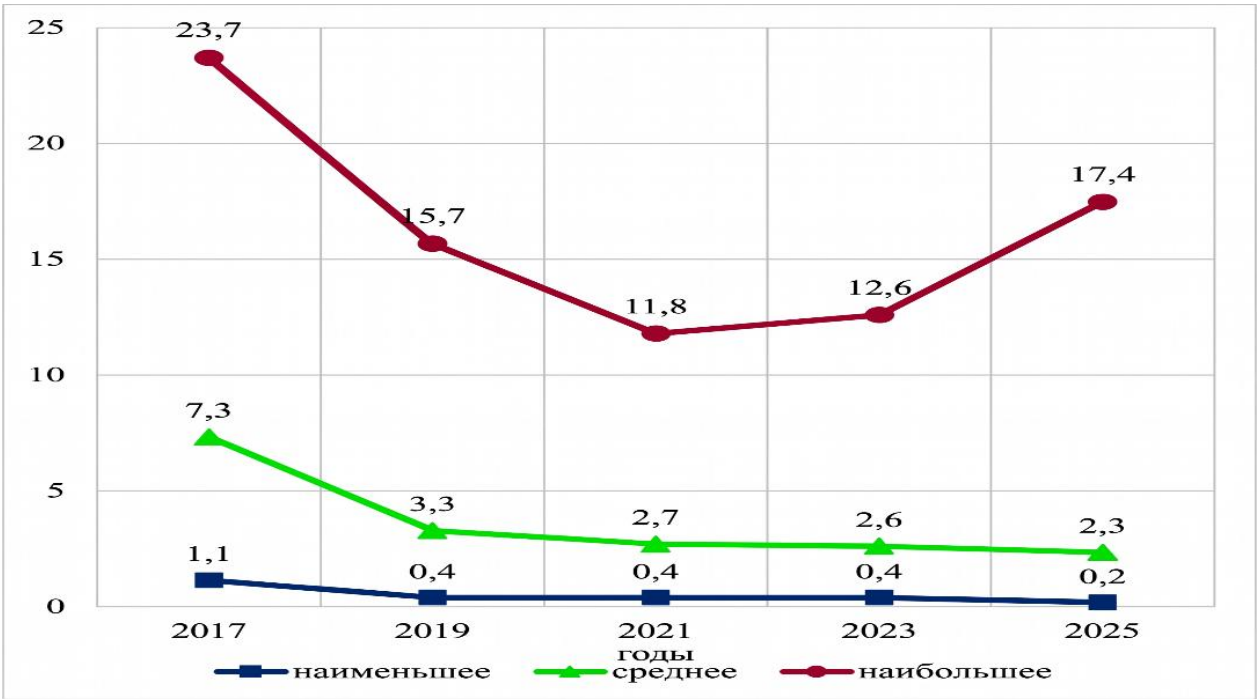


Рисунок 6 – Динамика доли работников организаций с начисленной заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения по регионам России без учета субъектов малого предпринимательства, %

Источник: Индикаторы достойного труда, доля работников организаций с начисленной заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации // https://rosstat.gov.ru/folder/13723#

Динамика доли работников организаций с начисленной заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения по регионам России без учета субъектов малого предпринимательства

показывает, что кривая наибольшего значения в период с 2017 по 2021 годы имеет отрицательную динамику до 11,8%, далее следует рост до 17,4% к 2025 году. Показатель среднего уровня имеет динамику к снижению с 7,3% в 2019 году до 2,3% к 2025 году. Наименьшее значение также имеет тенденцию к снижению.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в РФ показывает положительную динамику (табл. 4).

Таблица 4 – Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности в РФ, руб.

Вид экономической деятельности	Годы				
	2021	2022	2023	2024	2025
добыча полезных ископаемых	103 474	118 376	131 588	156 082	167 050
обрабатывающие производства	52 410	60 439	71 855	87 975	99 681
строительство	50 389	61 053	71 860	85 220	98 671
торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	50 690	57 806	66 226	77 184	86 719
деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	51 042	55 420	61 651	71 735	81 726
сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	39 524	46 322	54 275	65 307	75 482
образование	43 145	48 214	54 300	62 805	71 651

Источник: Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации за 2000-2025 гг. // https://www.rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

Данные таблицы отсортированы по среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности в России за 2025 год. Так, лидером по данному показателю за весь анализируемый период является сфера «Добыча полезных ископаемых», значение показателя выросло с 103 474 рублей в 2021 году до 167 050 рублей в 2025 году. Средний и высокий уровень роста показателя

наблюдается в обрабатывающем производстве и строительстве. Умеренные темы роста наблюдаются в оптовой и розничной торговле,

области здравоохранения и социальных услуг. Наименьшее значение наблюдается в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве, и в сфере образования (71 651 рублей в 2025 году).

Ретроспективный анализ показателей бедности (табл. 5), показывает резкую трансформацию уровня жизни населения в постсоветский период.

Таблица 5 – Динамика основных показателей бедности в России (1990-2025 гг.)

Год	Уровень бедности, %	Прожиточный минимум, руб./мес.	Коэффициент Джини	Реальная заработная плата (в % к предыдущему году)
1990	1,5	78	0,26	—*
1992	36%	1900	0,289	—
1995	24,8%	264 100**	0,387	—
2000	29,0%	1 210	0,395	100,0
2005	17,8%	3 018	0,40	104,3
2010	12,5%	5 688	0,421	104,7
2015	13,3%	9 659	0,355	96,2
2020	12,1%	11 653	0,395	103,80%
2025	6,7%	17 733	0,41	107,3

*нет данных, **в старых рублях;

Источник: составлено на основе: Динамика среднемесячной номинальной и реальной начисленной заработной платы работников организаций https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/; Уровень жизни в России: статистика по годам с 1992 по 2026 год. https://gogov.ru/articles/standard-of-living; Информационно-аналитические материалы Государственной Думы. Об уровне жизни населения России. Выпуск 6 http://iam.duma.gov.ru/node/8/4519/15260

Если в 1990 году уровень бедности в России был равен лишь 1,5%, а это 2,2 млн человек, то уже к 1992 году под влиянием гиперинфляционных процессов, макроэкономической нестабильности и волатильности, радикальных институциональных реформ, показатель увеличился в 24 раза и составил 36% или 52 млн человек. Одновременно с этим наблюдался рост значения прожиточного минимума с 78 до 318 рублей в месяц, а коэффициент

Джини вырос с 0,26 до 0,32. При этом сокращается занятость в промышленности на 18%, в сельском хозяйстве – на 22%, происходит падение реальной заработной платы на 34%.[32]

Кризисное состояние после 1998 года также спровоцировало дестабилизацию социально-экономического положения жителей. По официальным данным, численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составила 23,4% от общей численности населения или 34,3 млн человек. В 2000 году был зафиксирован максимальный уровень бедности за весь постсоветский период и был равен 29,0% (42,3 млн человек).[33]

К середине 2000-х годов уровень монетарной бедности постепенно снижался и в 2007 году составил 13,3%, однако наблюдавшаяся позитивная тенденция не сопровождалась преодолением институциональных ограничений между первичным и вторичным секторами рынка труда, это было следствием сохранения структурных факторов депривации.

К 2014 году величина прожиточного минимума составляла 8 тыс. рублей в месяц, однако методика расчета не отражала реальные материальные проблемы домохозяйств. В действительности официальная статистика учитывала изменение денежного порога, но не учитывала реальные располагаемые доходы. [34]

В период с 2020 по 2021 годы в постпандемийный и последующий геополитическое положение оказывают трансформирующее влияние на структуру бедности. Например, в 2020 году сокращается численность занятых

---

[32] Постановление Правительства Российской Федерации от 26.11.2021 № 2049 «Об утверждении Правил определения границы бедности по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 49. – Ст. 8232; ФГСГ: Уровень бедности. https://rosstat.gov.ru/folder/13723; Распределение общего объема денежных доходов и коэффициент Джин.: https://rosstat.gov.ru/folder/13723; Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33936/; Среднемесячная номинальная и реальная заработная плата работников организаций. https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries; Путин: уровень бедности в РФ в прошлом году составил 7,2% //Ведомости. – https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/06/20/1118840-uroven-bednosti; Уровень жизни в России: статистика по годам с 1992 по 2026 год. https://gogov.ru/articles/standard-of-living.

[33] Там же.

[34] Уровень бедности в России обновил исторический минимум - РБК / https://www.rbc.ru/economics/06/03/2024/65e854769a7947351c3e3d4d

на 2,5 млн человек, уровень бедности достигает 12,1% (17,8 млн человек), прожиточным минимум равен 12 142 рублям. В это же время увеличивается уровень работающих бедность и достигает 8,2%. Санкционные ограничения 2022 года приводит к снижению инвестиционной активности в реальном секторе. [35]

С 2024 по 2025 годы динамика бедности менялась под замедлением экономической активности и инфляционного давления. Так, согласно официальным данным в 2024 году, официальный уровень бедности составил 7,2% (10,4 млн человек), а величина прожиточного минимума была равна 14 200 рублей.[36] Продолжающиеся структурные сдвиги потребительских расходов, которые были вызваны опережающим ростом стоимости жилищно-коммунальных и медицинских услуг, усилили диспропорцию между формальными монетарными критериями и фактической депривацией домохозяйств. При этом сохраняется дуальность рынка труда: межсекторный разрыв в оплате труда остается устойчивым, а институциональные ловушки продолжают ограничивать трудовую мобильность.[37]

Современная бедность в России всё чаще принимает гибридные формы, в которых экономическая уязвимость сочетается с ограниченным доступом к цифровым ресурсам и территориальной изоляцией. Не только доходы становятся характеристикой бедности, но и другие факторы. В современное время особенно актуальным становится вопрос цифровой грамотности и пространственной доступности цифровых технологий. Только в 2024 году по данным Минцифры РФ 32% домохозяйств, имевших низкие доходы не имели стабильного доступа к сети Интернет, данный показатель увеличивается в сельской местности.

Цифровое неравенство усиливает институциональную ловушку территориальной ограниченности, то есть граждане не только бедны, но и не имеют доступа к инструментам повышения доходов, к числу которых в

[35] Уровень жизни в России: статистика по годам с 1992 по 2026 год \ https://gogov.ru/articles/standard-of-living
[36] Неравенство и бедность. ФСГС / https://rosstat.gov.ru/folder/13723
[37] Уровень бедности в России по годам: 1992 - 2025. http://global-finances.ru/uroven-bednosti-v-rossii-po-godam/

настоящее время является и цифровизация. В результате бедность становится самовоспроизводящейся: отсутствие доступа к цифровой инфраструктуре ограничивает возможности выхода из уязвимости.

Что касается территориального неравенства в России, то оно имеет системный долговременный характер. В 2024 году уровень бедности в 10 наименее обеспеченных регионах превышал 20%, тогда как в Москве и Санкт-Петербурге он составлял менее 5%. Разрыв в уровне доходов между регионами достигает 3,5 раза, а в доступе к социальной инфраструктуре – в 5 раз. Это означает, что бедность в России имеет ярко выраженное пространственное измерение.

Формально, федеральные программы выравнивания бюджетной обеспеченности действуют с 2000-х годов, однако они не устраняют институциональные различия. В 2024 году 38 субъектов Федерации оставались дотационными, а уровень собственных доходов в некоторых регионах не превышал 30% от расходов. Это означает, что регионы не могут самостоятельно финансировать программы борьбы с бедностью, а федеральные трансферты не стимулируют институциональное развитие. Только институционально выстроенная модель, в которой цифровой и территориальный доступ встроены в социальную политику и взаимосвязаны, способна обеспечить устойчивое снижение бедности.[38]

Сложившееся положение и отношения на отечественном рынке труда, институциональные условия и предпосылки образуют несколько групп риска:

1. Сохранение значительного количества занятых, чьи доходы не обеспечивают устойчивого выхода из бедности. Анализ демографических показателей показывает, что более половины бедных – это женщины (57,8% или 6,0 млн из 10,4 млн человек). Уровень бедности среди женщин составляет 8,9%, тогда как среди мужчин – 5,6%. Также у женщин сравнительно низкий уровень заработка (в среднем 38 тыс. рублей), это связано с тем, что женщины

[38] Мотыльков А.А. Бедность как институциональный сбой: структурные причины, фискальные ловушки и управляемые сценарии преодоления // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 12 (182). – С. 300-311.

в основном работают в бюджетной и социальной сферах. При этом по данным Росстата, в 2024 году более 12% работающих граждан имели доход ниже прожиточного минимума. Это означает, что труд перестаёт быть гарантией выхода из бедности, а рынок труда – механизмом социальной мобильности.[39]

2. Вторую группу риска формируют молодежь в возрасте 18-25 лет и составляет около 1,2 млн человек (11,5% от общего числа).

3. Многодетные семьи традиционно относятся к группе риска бедности, доля бедных в этой категории 28,4% (1,1 млн семей). При этом велика доля бедных в сельской местности – 37,8%. Несмотря на то, что большинство действующих государственных мер направлены именно на эту категорию, они недостаточны для устойчивого выхода из малообеспеченности семьи.

Проведенный отраслевой анализ подтверждает доминирование вторичного сектора в воспроизводстве бедных. Если в первичном секторе сконцентрированы 11,2% занятых и 3,6% бедных (уровень бедности в секторе в среднем 3,0%), то во вторичном секторе 33,4% занятых аккумулирует 62,0% бедных (уровень бедности в среднем 20,0%).

Региональная дифференциация выражена сильнее, нежели отраслевая. Так, коэффициент вариации бедности занятых по субъектам России по результатам расчета диссертанта составляет 0,47, а ВРП на душу населения имеет отрицательную корреляцию с уровнем бедности (r = -0,72). Высокие значения показателей отмечены в ряде субъектов Северо-Кавказского и Сибирского федеральных округов. При этом выявлено, что географическая удаленность и асимметричные миграционные процессы усиливают неравенство между регионами (рис. 7).

[39] Мотыльков, А. А. Бедность как институциональный сбой: структурные причины, фискальные ловушки и управляемые сценарии преодоления / А. А. Мотыльков // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 12 (182). – С. 300-311.

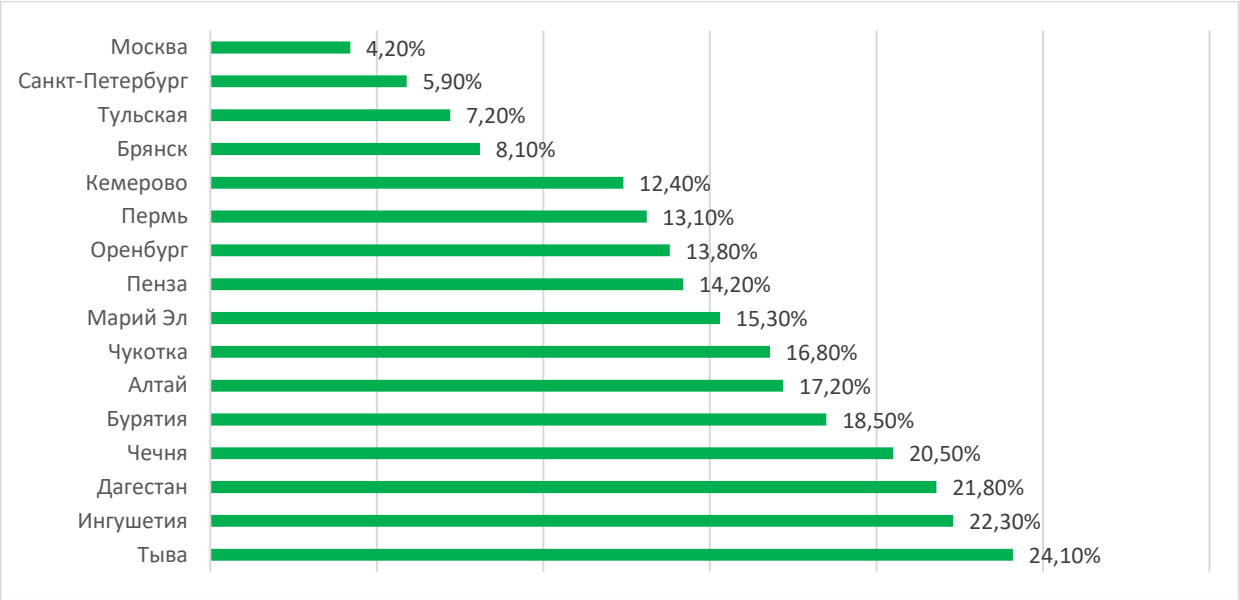


Рисунок 7. – Региональная дифференциация бедности занятых по отдельным субъектам Российской Федерации, 2024 г.

Источник: расчеты автора на основе Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Стат. сб. / Росстат. – М., 2025. – С. 431-436; Неравенство и бедность. ФСГС. https://rosstat.gov.ru/folder/13723

Далее, для эмпирической проверки пороговых эффектов диссертантом была построена логистическая регрессионная модель на панельных данных RLMS за 2015-2024 годы, в котором были использованы 48 тыс. наблюдений (рис. 8).

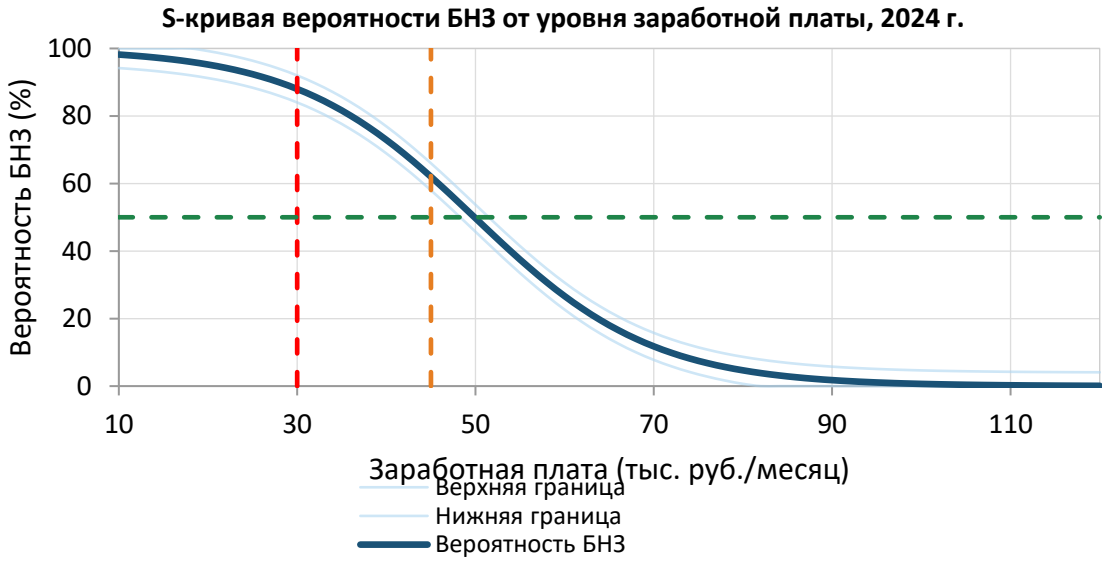


Рисунок 8 – Логистическая кривая вероятности бедности занятых в зависимости от уровня заработной платы, 2024 г.

Источник: составлено автором по данным RLMS на основе оценок логистической регрессии.

Построенная модель подтверждает нелинейный характер зависимости, то есть при заработной плате ниже 30 тыс. рублей вероятность попадания в бедность возрастает в 1,79 раза (отношение шансов OR = 1,79), а для порога ниже 45 тыс. руб. отношение шансов OR составляет 1,53.

Логистическая кривая показывает резкий скачок вероятности в интервале 30-45 тыс. рублей, в этом интервале вероятность снижается с 88% до 62%. Выявленные институциональные ловушки, такие как дуальность рынка труда, квалификационный разрыв и неформальная занятость объясняют до 34,7 % вариации риска. Полученные диагностические тесты (ROC-анализ с AUC 0,847, тесты Хосмера-Лемешова и Бройша-Пагана) также подтверждают высокое качество и устойчивость спецификации по сравнению с линейными аналогами. Полученный эмпирический анализ подтверждает исследовательскую логику, представленную в Главе 1 диссертации.

Проведенное диссертантом имитационное моделирование методом Монте-Карло на период 2025-2027 гг. позволило сформировать три сценария развития сложившегося положения:

1. Если сохранится текущая дуальность на рынке труда и инфляция на уровне 8-10% (приложение 2), то уровень бедности занятых может повыситься до 8,7% уже к 2027 году (консервативный сценарий, вероятность возникновения равен 55%).

2. При умеренном росте ВВП и инфляции на уровне 6-8% показатель может стабилизироваться на уровне 7,9% (базовый сценарий, вероятность возникновения равен 30%)

3. Если будут предприняты ряд реформ и произойдет снижение коэффициента дуальности до 1,9, а также произойдет рост фонда оплаты труда, то уровень бедности занятых может снизиться до 5,8% (оптимистичный сценарий, вероятность возникновения равен 15%).

Диссертантом также проведен панельный анализ Маркова, который показал высокий уровень воспроизводства бедности вплоть до 42% и выход из него возможен только при активном вмешательстве государства.

Таким образом, проведенный анализ динамики и структуры бедности в России показал, что ключевыми факторами воспроизводства бедности являются дуальность рынка труда, низкая мобильности работников и межсекторная асимметрия в оплате труда, неустойчивая и неформальная занятость. Определены несколько групп риска бедности, а также проведен прогноз изменения уровня бедности. Анализ показывает, что происходит сдвиг от бедности к бедности занятых, то есть проблема не в том, что отсутствует работа, а в том, что низкая оплата труда и квалификация занятых не соответствуют требованиям рынка труда.

2.2. Анализ качества занятости и институциональных ограничений рынка труда как элемента механизма формирования трудовых доходов

Несмотря на то, что бедность представляет собой комплексную проблему, охватывающую социальные, экономические, политико-правовые сферы, тем не менее именно рынок труда остается основным механизмом преодоления бедности и минимизации последствий и формирования трудовых доходов домохозяйств.

Однако, в отечественных условиях данный механизм работает недостаточно эффективно. Сравнительно с зарубежными странами, а именно со странами ОЭСР, в России имеется огромный образовательный потенциал населения – 64% занятых имеют высшее образование, тогда как в странах ОСЭР – 42% в среднем. Однако, производительность труда в нашей стране остается сравнительно низкой: 24,5 тыс. долларов на одного занятого в год, тогда как в странах ОЭСР – 54,4 тыс. долларов, то есть производительность труда в нашей стране на 45% ниже. При этом этот разрыв нецелесообразно сводить лишь к технологической отсталости или недостаточному капитальному оснащению в стране. Этот показатель отражает и структурные дисфункции на рынке труда, которые возникли и продолжают функционировать из-за институциональных ловушек, подробно

рассмотренных в параграфе 1.2 главы 1 диссертации.

Решение выявленных проблем имеют важное значение для разработки адресных инструментов совершенствования социально-экономического механизма преодоления бедности, поскольку любые разрабатываемые и реализуемые меры регулирования доходов, в том числе регулирование минимальной заработной платы, субсидирование занятости, внедрение программ переквалификации, должны быть взаимосвязаны и отражать реальные ограничения на рынке труда, также должны быть доработаны и уточнены для групп риска бедности. В данном параграфе проводится детализированный анализ влияния институциональных ловушек на качественные параметры рынка труда в России.

Отраслевая и региональная дифференциация производительности труда в России отличается не только по сравнению со странами ОЭСР, но и различается по видам экономической деятельности, это указывает на неодинаковый уровень капиталоёмкости, технологического развития и качества организации труда. Так, в первичном секторе (добыча полезных ископаемых, финансовые услуги, сфера информационных технологий) формирует до 68% добавленной стоимости при занятости лишь 11,2 % рабочей силы. А производительность труда в этом секторе составляет до 180 тыс. долларов на одного работника в год. Тогда, как во вторичном секторе (розничная торговля, сельское хозяйство, услуги общественного питания) при высокой доле занятости в 45% рабочей силы создаётся лишь 22 % добавленной стоимости, производительность труда доходит лишь до 15 тыс. долларов на работника. Эти различия показывают, что создание стоимости товара или услуги сильно зависит от оплаты труда. Например, в сфере информационных технологий вклад работника в добавленную стоимость выше примерно в 10-12 раз, тогда как заработная плата отличается лишь в 3-4 раза. Это указывает на высокую концентрацию рентных доходов в высокопроизводительных видах деятельности и недостаточно точное оценивание труда в низко производительных секторах.

Диссертантом проведен расчет производительности труда, чтобы выявить сферы с наибольшей структурной неэффективностью. Производительность труда в этих расчетах понимается как отношение добавленной стоимости сектора к численности занятых в нём работников. Пересчёт в доллары был выполнен по среднегодовому курсу 2024 года - 85 рублей за 1 доллар. Высокая концентрация занятых в секторах, в которых низкая производительность свидетельствует о том, что низкий уровень оплаты труда обусловлен не только индивидуальными характеристиками и действиями работника, но и тем, в каком секторе применяется труд. В указанных видах деятельности низкая производительность задаёт верхнюю границу заработной платы, даже при квалификации работников выше минимальных требований к занимаемой должности.

Простое сравнение количества работающих людей не отражает как несправедливо распределяется созданный ими доход. Так, в 2024 году в первичном секторе оплата труда составляла 84,7 тыс. рублей, однако из созданной работником стоимости в виде заработной платы возвращается лишь до 48%. Во вторичном секторе оплата труда в этом же году была сравнительно ниже, около 42,0 тыс. рублей, однако от созданной работником стоимости возвращается 78-100%. Такое явление может указывать на скрытые проблемы – перегрузке работников и неоплачиваемых переработках.

Диссертантом была сделана классификация этих барьеров через показатели мобильности и её детерминанты (табл. 6). Для определения вклада каждого барьера в блокирование мобильности была оценена через логистическую регрессию, в которой зависимая переменная означает факт успешного перехода из вторичного в первичный сектор за период 2019-2024 годы, использовались данные панельных наблюдений RLMS-HSE, N=2 428 наблюдений людей, которые были занятых во вторичном секторе в 2019 году (приложение 3).

Таблица 6 – Вероятность переходов между секторами и основные барьеры, по данным за 2015-2024 гг.

Показатель	Значение	Единица	Источник
Вероятность перехода из вторичного в первичный сектор (в год)	2,4	%	RLMS-HSE (панель 8 тыс. дом.)
Вероятность перехода за 5 лет	12-15	%	RLMS-HSE (панель 8 тыс. дом.)
Контрфактический уровень мобильности (ОЭСР, за год)	8-12	%	ОЭСР (Опрос рабочей силы, 2023)
Финансовые барьеры			
Стоимость переквалификации (минимум)	80	тыс. руб.	Profi.ru (15 тыс. провайдеров)
Стоимость переквалификации (максимум)	400	тыс. руб.	Profi.ru (15 тыс. провайдеров)
Месячная зарплата вторичного сектора	42,1	тыс. руб.	Росстат, 2024
Кратность стоимости к зарплате (мин–макс)	2-9	месячных зарплат	Собственный расчёт
Охват государственной переквалификацией	3	% от нуждающихся	МТ и СЗ РФ, 2024
Информационные барьеры			
Доля вакансий, заполненных через рекомендации (первичный сектор)	68	%	Центр стратегических разработок, 2023
Доля вакансий в открытых источниках (Yandex.Rabota, hh.ru)	32	%	Собственный расчёт (Profi.ru)
Временные барьеры			
Средняя длительность программы переквалификации	6-18	месяцев	Profi.ru
Доля бедного населения с иждивенцами	30	%	RLMS-HSE, 2024

Источник: рассчитано автором по данным RLMS-HSE (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения, панельные волны 2015-2024); Росстат; ОЭСР (Опрос рабочей силы, 2023); Profi.ru (портал профессионального развития); Центр стратегических разработок (исследование сетевого доступа к вакансиям, 2024); Министерство труда и социальной защиты РФ.

Независимыми переменными определены наличие финансовых возможностей для переквалификации, информационного доступа, возраста,

образования и наличия иждивенцев. Результаты регрессионной оценки представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Факторы, влияющие на вероятность перехода из вторичного в первичный сектор по данным логистической регрессии

Фактор	Коэффициент (β)	Коэффициент шансов (OR)	Стандартная ошибка	t-статистика	p-значение
Константа	-3,842	-	0,284	-13,53	<0 001
Наличие финансовых возможностей (фиктивная)	1,286	3,62	0,312	4,12	<0 001
Информационный доступ (родственники в первичном)	0,947	2,58	0,298	3,18	0,001
Возраст (лет)	-0,031	0,97	0,009	-3,44	0,001
Высшее образование (фиктивная)	0,754	2,13	0,276	2,73	0,006
Наличие иждивенцев (фиктивная)	-0,612	0,54	0,287	-2,13	0,033
Модельные показатели					
R^2 (Нагелькерке)	0,287				
AUC (площадь под ROC-кривой)	0,758				
Логарифмическая вероятность	-1 342,8				
Число наблюдений	2 428				

Источник: расчёты автора по данным RLMS-HSE за 2015-2024 годы. В выборку включены 2 428 занятых, находившихся во вторичном секторе в 2019 году. Оценка выполнена методом максимального правдоподобия в программе Stata 17

Так, наличие финансовых возможностей повышает вероятность успешного перехода в первичный сектор почти в 4 раза (при OR=3,62 и p<0,001). Наличие сетевых контактов в первичном секторе, то есть информационных доступ повышает эту вероятность почти в 3 раза (при OR=2,58 и p=0,001). Увеличивает шансы перехода в 2,13 раза и высшее образование (при OR=2,13 и p=0,006), однако наличие высшего образования не устраняет действие остальных барьеров. Наиболее явным барьером

оказался наличие иждивенцев, при которых вероятность перехода снижается, что отражено значением OR=0,54 при p=0,033. Коэффициент детерминации R^2 модели составляет 0,287, то есть выявленные финансовый, информационный, семейный барьеры объясняют около 29% вариации в мобильности, остальные 71 % вариации связаны с другими факторами.

Присутствующие барьеры на рынке труда чаще всего отражаются на жителей в возрасте 30-45 лет, у которых имеется семья, 1-2 ребенка и кредиты, в том числе ипотечные кредиты (35-40%). Смена профессии и прохождение переквалификации становится большим риском: нет возможности оставить работу, нести расходы по обучению. Это сильно уменьшает шансы перейти из вторичного в первичный сектор рынка труда.

Анализ жизнедеятельности, условий труда, уровня доходов и социально-демографического положения позволяет определить механизм воспроизводства низкой мобильности. Так, когда работник молодого возраста (18-24 года) впервые вступает на рынок труда, он выбирает вход либо в первичный, либо во вторичный сектор. Данный выбор предопределяется рядом предпосылок: уровнем образования, социальными связями (семья, друзья, школа), местом проживания (столица или провинция). Если он трудоустроился во вторичный сектор, то начинает накапливать опыт именно во вторичном секторе, а его социальные связи остаются привязаны к этому сектору. Уже к 30 годам человек имеет опыт и квалификацию, которые уверенно применяются именно в данном секторе, и если он попытается к годам 35 перейти в первичный сектор, то это потребует не только приобретения новых знаний и умений, но перестройки своей идентичности, что психологически и экономически очень сложно.

Поэтому качественные параметры занятости, такие как образование, опыт, семейный статус, пол, региональная локация представляют собой не только характеристики работника, но и представляют собой детерминанты его вероятности выхода из бедности (табл. 8).

Таблица 8 – Влияние качественных параметров занятости на вероятность бедности домохозяйств, логистическая регрессия, 2024 г.

Фактор	Коэфф.-т (β)	Коэфф.-т шансов (OR)	Станд. ошибка	t-статистика	p-значение
Константа	0,284	-	0,412	0,69	0,491
Высшее образование (среднее)	-0,856	0,42	0,198	-4,32	<0 001
Общий трудовой стаж (лет)	-0,042	0,96	0,014	-3,00	0,003
Пол: женский (мужской)	0,547	1,73	0,176	3,11	0,002
Семейный статус: в браке (одинок)	-0,623	0,54	0,201	-3,10	0,002
Главный кормилец с детьми (без)	0,612	1,84	0,187	3,27	0,001
Занятость в первичном секторе (вторичный)	-1,247	0,29	0,182	-6,85	<0 001
Регион: Москва (прочие)	-1,851	0,16	0,298	-6,21	<0 001
Регион: Санкт-Петербург (прочие)	-0,934	0,39	0,267	-3,50	<0 001
Регион: Северный Кавказ (прочие)	1,427	4,17	0,241	5,92	<0 001
Модельные показатели					
R^2 (Нагелькерке)	0,418				
AUC (площадь под ROC-кривой)	0,821				
Логарифмическая вероятность	-3 284,5				
Число наблюдений	6 547				

Источник: рассчитано автором по данным RLMS-HSE (волна 2024, N=6 547 домохозяйств); расчёты методом максимального правдоподобия в программе Stata 17.

В формировании доходов образование выступает фактором входа в первичный сектор, а опыт выступает фактором увеличения заработной платы внутри сектора. Пол и семейный статус, по мнению диссертанта, это модификаторы, снижающие доступность позиций (женщины получают меньше за ту же работу, семейные люди менее мобильны), региональная локация при этом представляет собой ограничитель спроса на труд. Каждый из этих параметров коррелирует с бедностью, но механизм этой корреляции различается.

Для лучшего понимания барьеров входа в первичный сектор и их интенсивности, диссертантом разработана модель системы блокады мобильности (рис. 9). Эта модель показывает четыре ключевых механизма:

1. Первый механизм – это образование как возможность перехода в первичный сектор. Анализ показал, что образование имеет сильный эффект на вероятность входа в первичный сектор (β=0,34, p<0,001, по данным, и лишь слабый прямой эффект на доход внутри текущего сектора (β=0,08, p=0,042). То есть высшее образование влияет прежде всего на доступ к высокопроизводительным компаниям первичного сектора, в таких сферах, как финансы, информационные технологии и государственное управление. При этом в розничной торговле и сельском хозяйстве роль высшего образования заметно слабее, поэтому прямой эффект наличия такого образования на производительность и доход внутри таких видов деятельности ограничен.

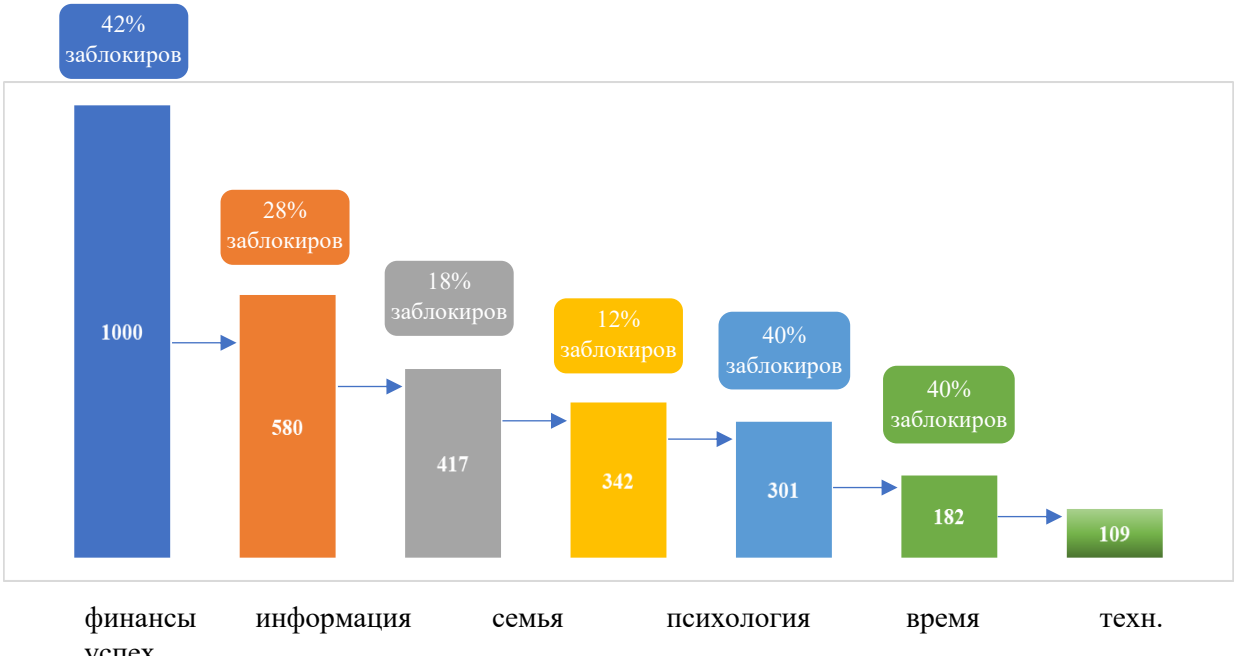


Рисунок 9 – Барьеры входа в первичный сектор и их интенсивность: система блокады мобильности

Источник: RLMS-HSE 2015-2024 (N=8 000 домохозяйств, попытки перехода)[40]

По данным Министерства труда и социальной защиты РФ, реализуемые

[40] Рассчитано автором данным панельного исследования Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» / https://www.hse.ru/rlms

через центры занятости при региональных министерствах государственная система переквалификации охватывает менее 3% жителей, нуждающихся в переквалификации.[41] Программы бесплатны, но имеют строгие критерии отбора, такие, что приоритет отдаётся официально зарегистрированным безработным, а не работающим бедным; людям в возрасте 30-55 лет , молодежь до 30 лет и люди пенсионного возраста исключены из этой возможности; и программы доступны только по определённым специальностям (сварка, токарное дело, водительское мастерство), что не соответствует потребностям первичного сектора в IT, финансах, менеджменте. Государственная переквалификация работает как амортизатор для вынужденных безработных, а не как механизм мобильности для работающих бедных.

Частные программы переквалификации более гибки и предметны, они предлагаются в таких сферах, как IT-курсы, финансовый анализ, Data Science, управление проектами,[42] стоимость которых равна 130-180 тыс. рублям по анализу за 2024-2026 гг.[43] Работник вторичного сектора с месячным доходом 40-45 тыс. рублей не может позволить себе курсы с такой стоимостью, если его семья зависит от этого дохода. Кредиты на образование доступны, но они требуют залога и стабильного дохода, которые работающие бедные не имеют.

Эффективность переквалификации (её способность привести к переходу в первичный сектор и росту дохода) зависит от типа программы и исходного уровня образования. По обновлённым данным исследования Центра стратегических разработок за 2019-2024 гг.,[44] в котором отслеживались 3 200 человек, прошедших переквалификацию получились следующие результаты:

1. Среди тех, кто прошел курсы в области информационных технологий, стоимостью 150-240 тыс. рублей, вероятность перехода в первичный сектор

[41] Министерство труда и социальной защиты РФ: Официальный сайт | Министерство труда и социальной защиты / https://mintrud.gov.ru/
[42] Курс «Специалист по Data Science»: онлайн-обучение профессии Data Scientist с нуля — Яндекс Практикум / https://practicum.yandex.ru/data-scientist/
[43] Маркетплейс онлайн-курсов tutortop. Лучшее обучение и отзывы на курсы. / https://tutortop.ru/
[44] Центр стратегических разработок (ЦСР) / https://www.csr.ru/ru/

рынка труда равен до 52%, средний доход растет до 30-35% за 5 лет. Окупаемость оплаты обучения составляет примерно 3 рубля, то есть на каждый рубль затрат работник получает в среднем 2,5-3,0 рубля прироста дохода в течение 5 лет.

2. Среди тех, кто прошел управленческие программы, которые в среднем составляют 12 месяцев и стоимостью 250-350 тыс. руб., вероятность перехода в первичный сектор возможен для 35-40%, при этом средний рост дохода за 5 лет равен 65%. Окупаемость оплаты обучения равен 1,8.

3. Среди тех, кто прошел языковые курсы сроком 6-12 месяцев, стоимостью 120-180 тыс. руб., вероятность перехода в первичный сектор равен 25-30%, средний рост дохода составляет до 50%, а окупаемость обучения равно 1,5-1,8.

4. Среди тех, кто получил рабочие профессии, сроком обучения 3 месяца, стоимостью 80-120 тыс. руб., вероятность перехода в первичный сектор составляет 10-15%, а средний рост дохода равен 12-20%. Инвестиции на обучение окупаются слабо и равны 0,8-1,1 (табл. 9). Анализ таблицы показывает критическую закономерность: высокую окупаемость обучения имеют только программы, требующие уже высшего образования и нацеленные на первичный сектор (IT, финансы, управление). Программы, доступные людям со средним образованием (рабочие профессии, языки, часть управленческих), имеют окупаемость обучения близкой к 1,0 или ниже, что означает, что инвестиция в переквалификацию не окупается через рост дохода. В то же время окупаемость государственных программ находится в диапазоне 0,5-0,8, что указывает на их ограниченную результативность с точки зрения перехода в первичный сектор и прироста дохода.

В результате, для работников вторичного сектора без высшего образования возникает структурное ограничение доступа к эффективной переквалификации. Стоимость IT-курсов в размере 180-240 тыс. руб. соответствует 4-6 месячным заработкам, тогда как альтернативные программы, доступные при среднем образовании, как правило, не

обеспечивают сопоставимого доходного эффекта и нередко характеризуются окупаемостью обучения ниже 1,0.

Таблица 9 – Стоимость, эффективность и окупаемость переквалификации по типам обучения, 2019-2024 гг.

Тип программы	Длит.-ть (мес.)	Ст.-ть (тыс. руб.)	Целевой сектор	Вер.-ть входа (%)	Ср. рост дохода за 5 лет (%)	ROI (раз)	N (выборка)
IT-курсы (Python, Data Science, Web)	3-6	150-240	Первичный (IT, финансы)	48-52	+78-85	2,6-2,8	1 240
Управленческие программы	12	250-350	Первичный (крупные компании)	35-40	+60-65	1,7-1,9	420
Языковые курсы (английский B2–C1)	6-12	120-180	Первичный (IT, МНЦ, туризм)	25-30	+45-50	1,5-1,8	380
Финансовые курсы (бухучёт, CFO)	6-9	100-200	Первичный (финансы, компании)	32-38	+55-62	1,9-2,2	180
Рабочие профессии (сварка, электромонтаж)	3	80-120	МСП + редко первичный	10-15	+12-20	0,8-1,1	980
Государственные программы (центры занятости)	3-6	0 (бесплатно)	Первичный (редко)	6-10	+10-15	0,5-0,8	<3% охвата

Источник: рассчитано автором по данным Центра стратегических разработок (2023, исследование 3 200 человек, 2019-2024 гг.); Profi.ru (2024-2025, агрегирование цен); НИУ ВШЭ программы переподготовки (2025); SkillFactory, Яндекс Практикум, Skillbox (2024-2025, стоимость программ); Министерство труда и социальной защиты РФ (2024); собственные расчёты ROI.

Тем самым переквалификация выступает механизмом восходящей мобильности прежде всего для более ресурсно-обеспеченных групп, уже располагающих высшим образованием либо семейной финансовой поддержкой. Для работающих бедных она в значительной мере остаётся ограниченно доступной.

2. Второй механизм связан с опытом, существенно повышающим уровень заработной платы ($\beta=0,18$, $p<0,001$). Так, каждый дополнительный год работы в текущем секторе позволяет увеличить заработную плату примерно на 1,8%. Однако, в то же время влияние опыта на вероятность перехода в первичный сектор практически отсутствует ($\beta=0,02$).

3. Третьим механизмом является гендерная дискриминация как модификатор всех эффектов. Например, женщины имеют на 12% меньше шансов чем мужчины, чтобы перейти в первичный сектор при одинаковом образовании (β=-0,12, p<0,001), и имеют на 9% меньше дохода внутри вторичного сектора (β=-0,09 эффект на доход, p=0,001).

4. Четвёртый механизм – это региональные диспропорции в оплате труда. Так, в г. Москве оплата труда на 37% выше, чем в других регионах (β=0,37, p<0,001)[45], это отражает как более высокую производительность в столичных организациях и предприятиях, так и концентрацию первичного сектора в столице. И напротив, оплата труда на Северном Кавказе ниже, чем в других регионах на 28% (β=-0,28, p<0,001). Часть этого эффекта объясняется различием в структуре секторов (в столице больше возможностей для работы в первичном секторе), но существенная часть остаётся необъяснённой и может отражать локальные преимущества (социальные связи, доступ к лучшим работодателям, культурный капитал).

Водопадная структура разработанной структуры барьеров показывает, какой объём потенциальных переходов теряется на каждом последующем этапе. Например, если исходить из 1000 человек, занятых во вторичном секторе и стремящихся перейти в первичный, то финансовый барьер преодолевают 580 человек, или это составляет 58%. Такая возможность у них может появиться по двум основным причинам: либо они располагают сбережениями, либо получают кредит. Далее, из этих 580 человек только 417, то есть 72 % от их числа, преодолевают информационный барьер и находят подходящую программу переквалификации либо вакансию. Из этих же 417 человек лишь 342, то есть 82 % имеют возможность преодолеть семейные ограничения и получить согласие семьи на переезд либо интенсивное обучение. Уже из этих 342 человек только 301, то есть 88%, имеют возможность преодолеть психологический барьер и приступают к обучению.

[45] Рынок труда, занятость и заработная плата. https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

Из 301 человека, начавшего обучение, завершают переквалификацию лишь 182, или 60 %. Затем из этих 182 человек только 109, то есть 60 %, в действительности переходят в первичный сектор и находят там работу. Таким образом, вероятность успешного перехода составляет лишь 10,9%, то есть из 1000 человек лишь 109, что близко к эмпирическому уровню 12-15 %.[46]

Полученные диссертантом результаты показывают, что система барьеров устроена так, что преодоление одного из них само по себе не решает проблему. Так, при реализации отдельной меры, например, бесплатной переквалификации, остальные ограничения продолжают препятствовать переходу из вторичного в первичный сектор. Именно поэтому предпринимаемые в настоящее время государственные меры не решают проблему бедности в комплексе. Допустим, благодаря государственным мерам финансируется обучение и тем самым снимается финансовый барьер для 100% нуждающихся, однако информационный барьер может оставаться. Если попытаться решить проблему информационного барьера, то человек не может оставить работу на время обучения из-за семейных обязательств, переквалификация также не происходит. Следовательно, более эффективные меры по преодолению бедности должны быть ориентированы на одновременное преодоление нескольких барьеров.

Проведенный анализ рынка труда как звена механизма формирования доходов выявил трёхмерную структуру дисфункций. Во-первых, это неэффективное распределение рабочей силы между первичным и вторичным секторами, что приводит к низкой производительности труда (45 % от среднего уровня ОЭСР). Во-вторых, выявлена система взаимозависимых барьеров мобильности (среди них финансовые, информационные, территориальные и другие), которая блокирует переход рабочей силы из одного сектора в другой, и соответственно, высокая вероятность низкой траектории формирования дохода. В-третьих, такие факторы, как семейное происхождение,

[46] Рассчитано автором по данным панельного исследования Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» / https://www.hse.ru/rlms

территориальная расположенность, пол, возраст, воспроизводит неравенство доходов и дифференцированный доступ к первичному сектору.

Таким образом, механизм воспроизводства бедности представляет собой не только низкие заработки в определённых профессиях, это структурная блокада трудовой мобильности, превращающая выбор первичного или вторичного сектора рынка труда в предопределение качества дальнейшей трудовой жизни и уровня жизни.

2.3. Сравнительная оценка дисфункций и результативности программ социальной поддержки на федеральном и региональном уровнях

Анализ реализующейся в настоящее время государственной социальной поддержки показал, что формально принимаемые меры представляют собой ключевую подсистему механизма преодоления бедности. Однако, они уделяют внимание отдельным проблемам бедности, без учета структуры бедности, институциональных условий, в которой она проявляется. Так, бедность в современной России смещена в сторону домохозяйств с детьми и работающих бедных, у которых присутствует и недостаточность доходов, и иждивенческая нагрузка. Государственная поддержка должна иметь не только компенсационный характер, но и способствовать изменению поведения домохозяйств, стимулировать вовлечение населения в формальную занятость, стремление использовать инвестиционные инструменты в улучшении условий жизни.

В настоящее время в России предпринимается ряд мер по преодолению бедности, среди основных – это социальный контракт, поддержка социально уязвимых категорий жителей в рамках национальных проектов, в частности в рамках национального проекта «Семья», в том числе единое пособие для семей с детьми и беременных женщин, поддержка многодетных семей, различные программы обучения и переобучения.

В рамках национального проекта «Семья» реализуются меры поддержки

многодетных семей, в том числе оказавшихся в трудной жизненной ситуации, позволяет своевременно получить необходимые средства или консультацию специалиста. Можно также заключить социальный контракт: в зависимости от условий, он подразумевает помощь в поиске работы, ведении личного подсобного хозяйства и организации бизнеса. Кроме того, многодетные семьи могут оформить выплату на погашение ипотеки: ее сумма составляет до 450 тысяч рублей, а в ряде регионов ее увеличили до 1 миллиона рублей.[47]

Целью оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта является повышение качества жизни малоимущих граждан за счет собственных активных действий по получению постоянных самостоятельных источников дохода в денежной форме, позволяющих преодолеть трудную жизненную ситуацию и улучшить материальное положение заявителя (семьи заявителя). Мероприятиями, по которым заключается социальный контракт, в соответствии с пунктом 3 статьи 8.1. Федерального закона №178-ФЗ (далее - основные мероприятия), а также в соответствии с Правилами предоставления субсидий являются: поиск работы, осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности, ведение личного подсобного хозяйства, осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации.[48]

Для преодоления бедности применяются также налоговые механизмы, например, налоговый вычет для работающих родителей, прогрессивная шкала НДФЛ. В 2026 году введена и семейная налоговая выплата, которая позволяет вернуть часть уплаченных налогов НДФЛ и фактически снижает налог с 13% до 6%. Получить выплату можно в случае, если размер среднедушевого дохода семьи не превышает 1,5-кратную величину прожиточного минимума на душу населения, установленную в регионе по месту жительства (пребывания) или

[47] Многодетная семья. Национальный проект «Семья». Национальные проекты России. https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/mnogodetnaya-semya/

[48] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 3 августа 2021 г. №536 "Методические рекомендации по оказанию государственной социальной помощи на основании социального контракта". https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401489688/

фактического проживания заявителя.[49]

Ключевым вопросом в предоставлении социальной поддержки представляет собой и то, насколько и как учтены нуждающиеся в этой поддержке, насколько эта помощь для них доступна и можно ли оценить влияние этих мер на материальное благополучие конкретного гражданина. Именно для этого было создано и внедрено «социальное казначейство».[50] Социальное казначейство – это новый формат взаимодействия государства и гражданина при назначении мер поддержки. Он предполагает адресную, комплексную и простую в получении помощь (приложения 4, 5).

Государство обладает достаточно набором данных и технологий, чтобы не заставлять гражданина собирать справки. Поэтому, объединив данные информационных систем на единой платформе ЕГИССО (Единая государственная информационная система социального обеспечения), можно по одному заявлению или без него назначать меры поддержки, предлагать гражданину помощь и анализировать, как она повлияла на доходы семьи. При этом все меры поддержки проектируются адресно. Вводя выплаты, пособия, льготы, государство ставит целью улучшить условия жизни получателей мер поддержки и довести поддержку до гражданина. Поэтому социальное казначейство предполагает, что для получения поддержки достаточно только заявления, а в некоторых случаях можно обойтись даже без первичного обращения.

Сейчас такой подход уже реализован при выдаче материнского капитала. После регистрации рождения ребенка сертификат просто приходит матери в личный кабинет на госуслугах.

В целом социальная поддержка в последние годы претерпевает масштабные трансформации. В том числе введено единое пособие,

[49] Семьи с двумя и более детьми будут получать ежегодную семейную выплату. Федеральный закон от 13.07.2024 №179-ФЗ «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей». https://www.consultant.ru/law/hotdocs/85563.html

[50] Антон Котяков: социальное казначейство подключится к борьбе с бедностью. Минтруд России. https://mintrud.gov.ru/

объединяющее ранее разрозненные выплаты семьям с детьми и беременным женщинам, также установлены дифференцированные размеры в 50, 75 и 100 % регионального прожиточного минимума, а назначение выплаты при этом связано с комплексной оценкой нуждаемости и имущественным критерием. Вместе с этим активно развивается институт социального контракта как формы активной адресной помощи малоимущим гражданам, направленной на трудоустройство, открытие собственного дела и преодоление трудной жизненной ситуации. Так, с 2024 года государственная социальная помощь на основании социального контракта реализуется с привлечением средств федерального бюджета в 88 регионах, включая Луганскую и Донецкую Народные Республики, Херсонскую и Запорожскую области, а также в Москве исключительно за счет средств субъекта. Всего в 2025 году из федерального и консолидированных бюджетов регионов на реализацию этого механизма было направлено 47 млрд рублей.51 За счет оказанной поддержки, по предварительным данным, заключено 238,7 тыс. социальных контрактов (на 16,6 % больше, чем в 2024 году), социальной помощью в рамках данных контрактов охвачено 657,7 тыс. малоимущих граждан (на 19 % больше показателя 2024 года). По итогам 2025 года 74,8 % граждан, реализовавших СК, смогли повысить свои доходы, а 44,4 % – вышли из бедности.

Институт социального контракта встраивается в этот контур как инструмент активной помощи малоимущим. По информации Счетной палаты и Минтруда России, в 2021-2022 годах было заключено свыше 558 тыс. социальных контрактов, а с учетом всех членов домохозяйств поддержка охватила около 1,8 млн россиян. В 2023 году, по данным Т. Голиковой, было заключено около 245 тыс. контрактов, а общее число охваченных граждан составило 671-717 тыс. человек. Качественно важен не только масштаб, но и структура результатов: аудиторы Счетной палаты фиксируют, что примерно у 59-60 % участников наблюдается устойчивая положительная динамика роста

[51] Счетная палата: в 2025 году соцконтрактом охвачено 657,7 тыс. малоимущих граждан.https://ach.gov.ru/checks/

доходов, а порядка 24 % домохозяйств по итогам действия контракта выходят за пределы черты бедности. На отдельных выборках, озвученных Правительством РФ, доля преодолевших бедность достигает 40-41 %.

Совокупный эффект мер поддержки отражается в агрегированных показателях бедности. За период с 2017 по 2022 годы, по оценке Т. Голиковой, благодаря комплексу государственных мер из черты бедности вышли около 3,6 млн. человек. Если сопоставить это с сокращением официального уровня бедности с двузначных значений конца 2010-х годов до 7,2 % в 2024 году, становится очевидно, что вклад социальной политики носит системный характер. В то же время такие данные не позволяют детализировать, какая часть снижения обусловлена ростом трудовых доходов, а какая - перераспределительными механизмами. Для целей настоящего исследования этот разрыв принципиален: совершенствование механизма требует понимания, какие инструменты действительно изменяют структуру занятости и доходов, а какие лишь компенсируют недостаток ресурсов на кратком отрезке времени.[52]

Несмотря на видимые успехи, переход к полноценному более активному выявлению нуждающихся требует более широкой интеграции информации о жизненной ситуации домохозяйства и использования таких данных не только для назначения выплаты, но и для раннего выявления устойчивых рисков бедности.

Таким образом, основные проблемы реализуемых мер социальной поддержки заключаются в следующем:

1. Недостаточность цифровой инфраструктуры и отсутствие прогностического мониторинга. Принимаемые решения о назначении пособий и заключении социальных контрактов во многих случаях принимаются на основании бумажных документов и деклараций заявителя, а встроенные

[52] Голикова: за пять лет из бедности вышли 3,6 млн россиян - Ведомости / https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/03/29/968628-golikova-bednosti-vishli-rossiyan; Правительство: в России рекордно мало бедных / https://prosto.rabota.ru/post/pravitelstvo-v-rossii-rekordno-malo-bednyh/

цифровые инструменты оценки рисков бедности используются точечно, что значительно уменьшает доступ к большему спектру показателей и характеристик истинного положения дел в домохозяйствах. По причине отсутствия единой информационной среды, которая объединяла бы данные о доходах, имуществе, занятости и долговой нагрузке, цифровые данные невозможно использовать в построении каких-либо прогнозов. Это, в свою очередь, не позволяет заранее выявлять домохозяйства с устойчивым риском бедности при сочетании нестабильной занятости и обращений за фрагментарной, разовой помощью.

2. Довольно серьезной проблемой является и бюджетная асимметрия, региональная неоднородность. Поскольку дифференцированное развитие регионов присутствовало всегда, имеется также колоссальный разрыв в региональных расходах на одно бедное домохозяйство (так, нижняя граница составляет порядка 5,8 тыс. руб. в год в регионах с ограниченным налоговым потенциалом и 20-24,5 тыс. рублей в субъектах с высоким фискальным ресурсом). В ряде субъектов России среднесрочные программы носят декларативный характер. Анализ показывает, что объем направляемого финансирования сам по себе не является предиктором снижения бедности. Например, на территориях с моноструктурной экономикой и высокой долей низкооплачиваемых рабочих мест дополнительное бюджетное финансирование работает как временный амортизатор макроэкономических шоков, при этом не меняет структуру регионального рынка труда.

3. Системные дисфункции адресности. При реализации социальных мер в настоящее время имеется оценка недостаточно согласованных критериев нуждаемости и реальной структуры бедности, которые могут породить ошибки первого рода, когда в список нуждающихся в социальной поддержке включаются домохозяйства со скрытыми ресурсами, и второго рода, когда напротив исключаются уязвимые семьи из-за формальных признаков, например, наличие автомобиля, который приобретен в кредит или наличие жилья, который может быть ветхим, но не признан таковым местным

самоуправлением. Также жесткие требования к минимальному трудовому доходу и «нулевым периодам» не позволяют участвовать в получении такой поддержки семьи, чья бедность вызвана институциональными барьерами рынка труда. В этих условиях возникает «пограничная зона» бедности, когда работающие бедные с нестабильной или сезонной занятостью формально признаются «обеспеченными», но фактически вынуждены экономить на базовых потребностях, образовании и здоровье.

4. Недостаточное количество реализуемых мер количеству действительно нуждающихся. Так, несмотря на позитивные результаты в отдельных субъектах России реализуемых мер, масштаб активных мер остается на порядок ниже реальной численности нуждающихся: число бедных исчисляется миллионами, а социальную поддержку могут получить лишь сотни человек. Могут быть и разрыв между получаемым пособием домохозяйства и возможностью его использования. Например, получение финансирования на обучение не значит, что у человека имеется доступ к переобучению, или возможность участия в курсах без привязки к работодателям. В сельской местности социальные контракты и субсидии ЛПХ применяются фрагментарно из-за отсутствия доступа к кредитам, консультациям и каналам сбыта.

5. Социальная помощь и механизмы регулирования доходов, а также активизации предпринимательской деятельности институционально изолированы друг от друга. Так, содержание и структура пособий созданы для домохозяйств так, что у них появляется своеобразный «налог на бедность», то есть каждый дополнительный рубль официального заработка сопряжен с частью трансфертов, часто именно это демотивирует работающих в теневом секторе выйти из него. Меры социальной поддержки, программы занятости и развитие предпринимательства реализуются будто изолировано друг от друга и слабо интегрированы в единой цели – снижение уровня бедности.

На уровне регионов выявленные ранее дисфункции лишь усиливаются. Согласно методическим рекомендациям Министерства труда и социальной

защиты РФ53 субъектам РФ предписано разрабатывать собственные программы снижения доли населения с доходами ниже границы бедности, включающие анализ структуры бедности, оценку глубины малообеспеченности, ранжирование групп риска и подбор комплекса мероприятий по росту доходов и развитию социальной помощи. Целью региональной программы является обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции и достижение целевых значений показателя «Уровень бедности», отраженных в составе Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. №2765-р (далее - Единый план), для двукратного сокращения уровня бедности по сравнению с показателем 2017 года.

Ожидаемыми результатами реализации региональной программы являются построение эффективной системы мер, направленных на вывод граждан из трудной жизненной ситуации (в том числе недопущения перехода низкодоходных групп граждан в категорию малообеспеченных) посредством обеспечения устойчивого роста реальных денежных доходов, повышения адресности предоставления мер социальной поддержки, содействия занятости, достижение в субъектах Российской Федерации к 2030 году целевых значений показателей «Уровень бедности», определенных Единым планом.

В ряде субъектов РФ уже утверждены среднесрочные программы, которые рассчитаны до 2030 года и объединяют меры содействия занятости, развитие социального контракта и адресную поддержку населения. Тем не менее, степень их включённости в бюджетный процесс и систему мониторинга

[53] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 3 марта 2023 г. №128 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 июня 2020 г. №326 и внесенных в него изменений» https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406404769/

заметно различается (табл.).[54] В одних регионах такие программы выступают как рабочий инструмент, в других сохраняют в основном декларативный характер, поскольку перечень мероприятий не всегда обеспечен ресурсами, а система целевых ориентиров нередко ограничивается воспроизведением федеральной задачи по снижению бедности в два раза по отношению к уровню 2017 года.[55]

Однако выявленные дисфункции не сводятся только к объёму финансирования. Проблема носит институциональный характер и проявляется в слабой согласованности между параметрами рынка труда и содержанием и структурой социальных программ, в ограниченном использовании многомерных критериев нуждаемости, а также в недостаточной развитости инструментов мониторинга долгосрочных результатов. Именно в этой взаимосвязи возникает необходимость формирования предложений для совершенствования механизма воспроизводства бедности.[56]

Региональные программы снижения бедности в субъектах Российской Федерации разрабатываются в рамках единых методических рекомендаций

---

[54] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 3 марта 2023 г. N 128 "Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 июня 2020 г. N 326 и внесенных в него изменений" | Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ.РУ / https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406404769/; Приказ Минтруда России от 03.03.2023 N 128 "Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу приказа Министерства труда и социальной... \ КонсультантПлюс / https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449512/; Мониторинг уровня бедности и реализации ... / https://vcot.info/research/28

[55] Ульяновская область - Законодательство и нормативные акты / https://law.ulgov.ru/doc/19731; Приказ Минтруда России от 03.03.2023 N 128 "Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу приказа Министерства труда и социальной... / КонсультантПлюс / https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449512/; Об утверждении региональной программы "Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности", методики оценки эффективности реализации региональной программы "Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности" и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 01 июня 2023 - I. Общие положения - docs.cntd.ru. https://docs.cntd.ru/document/406676492/titles/1NAO3C1; Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 3 марта 2023 г. N 128 "Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 июня 2020 г. N 326 и внесенных в него изменений" | Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ.РУ / https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406404769/

[56] События / https://portalkso.ru/news/novosti/1430898/; Приказ Минтруда России от 03.03.2023 N 128 "Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу приказа Министерства труда и социальной... \ КонсультантПлюс / https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449512/

Минтруда России (табл. 10), утверждённых приказом № 128 от 3 марта 2023 г., что предопределяет их общую структуру и сопоставимый набор базовых мер поддержки.[57]

Таблица 10 – Типовые региональные модели реализации социальной политики по снижению бедности

Форма поддержки	Краткая характеристика	Преобладающие инструменты	Риски и ограничения
Пассивная компенсационная	Основной акцент на выплатах и льготах; активные меры представлены эпизодически; характерна для регионов с ограниченным фискальным ресурсом	Единое пособие, региональные выплаты, компенсации по оплате ЖКУ, натуральная помощь	Слабое влияние на структуру занятости; сохранение высокой доли работающих бедных; зависимость домохозяйств от трансфертов; низкая устойчивость выхода из бедности после прекращения выплат
Активизационная	В центре – социальный контракт и меры содействия занятости; выстраивается логика перехода от получения пособий к формальной занятости и самозанятости	Социальный контракт, программы профессионального обучения и переобучения, субсидии на самозанятость, поддержка малого бизнеса и микропредпринимательства	Риск селективности в пользу домохозяйств с более высоким человеческим капиталом; повышенные требования к качеству администрирования и межведомственного взаимодействия; необходимость устойчивого финансирования
Декларативно-смешанная	На уровне документов декларируется комплексная модель, но ресурсная и институциональная база ограничена; значительная часть активных мер реализуется в пилотном режиме	Формально – весь спектр: единое пособие, социальный контракт, программы занятости, региональные выплаты; фактически – преобладание базовых выплат и разовых проектов	Низкий охват активными мерами; слабый мониторинг результатов; достижение целевых индикаторов по бедности в большей степени за счёт федеральных трансфертов и макрофакторов, чем за счёт качественных изменений механизмов

Источник: составлено автором по результатам анализа региональных программ снижения бедности, нормативных актов субъектов РФ и практики применения социального контракта, программ занятости и адресной поддержки в 2020-2024 гг.

[57] Единое пособие на детей: условия получения и размер выплат в 2025 году. ГАРАНТ.РУ / https://www.garant.ru/article/1817325/; Министерство труда и социальной защиты РФ: Минтруд представил правила назначения единого детского пособия для семей с низкими доходами / https://mintrud.gov.ru/social/family/319

При этом результаты мониторинга региональных программ показывают, что на практике их содержание нередко строится вокруг стандартного набора мероприятий, тогда как степень их системной увязки с параметрами регионального рынка труда остаётся ограниченной. Вследствие этого меры содействия занятости, профессионального обучения, социального контракта и адресной поддержки часто реализуются как функционально близкие, но организационно разобщённые направления.[58]

Эффективность региональных программ снижения бедности во многом зависит от того, обеспечивается ли непрерывное сопровождение домохозяйств. В тех субъектах, где последовательно выстроена цепочка от выявления нуждающихся до включения в меры поддержки, последующего сопровождения и оценки результатов, доля успешно завершённых социальных контрактов и устойчивых выходов из бедности оказывается выше.

Существенное значение имеет этап первичной идентификации домохозяйств с высокими рисками малообеспеченности: используются данные органов социальной защиты, служб занятости, образовательных и медицинских организаций, результаты выборочных обследований, сведения о задолженности по жилищно-коммунальным услугам.

Чем точнее определяется состав целевой группы, тем выше вероятность того, что ресурсы будут направлены на домохозяйства, обладающие реальным потенциалом изменить своё положение при наличии адресной поддержки. Чем точнее формируется контур целевой группы, тем выше вероятность, что ресурсы будут направлены на домохозяйства с реальным потенциалом к изменению своего положения при наличии адресной поддержки.

Следующим элементом является качество индивидуального

[58] Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 3 марта 2023 г. №128 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 июня 2020 г. №326 и внесенных в него изменений». Документы ленты ПРАЙМ: ГАРАНТ.РУ / https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406404769/; Приказ Минтруда России от 03.03.2023 №128 "Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу приказа Министерства труда и социальной... / КонсультантПлюс / https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449512/; Мониторинг уровня бедности и реализации ... / https://vcot.info/research/28

планирования. В одних регионах планы, заключаемые в рамках социальных контрактов, носят формальный характер и слабо учитывают специфику домохозяйства: предлагаются типовые наборы мероприятий, не согласованные с локальными условиями рынка труда и компетенциями членов семьи. В других субъектах применяется более дифференцированный подход: при формировании плана учитывается профессиональный опыт, уровень образования, состояние здоровья, наличие ухода за детьми или пожилыми родственниками, транспортная доступность потенциальных мест работы. В таких случаях вероятность успешного выхода домохозяйства за границу бедности возрастает, поскольку меры поддержки соответствуют реальным возможностям и ограничениям семьи.

В ряде регионов контроль ограничен проверкой формальных показателей: освоения выделенной суммы, предоставления отчётных документов, сохранения минимального уровня доходов. Более продвинутые практики включают отслеживание динамики занятости, структуры доходов, долговой нагрузки, использования полученных активов через год и более после завершения контракта. Наблюдения показывают, что реализуемые меры имеют одну и ту же тенденцию, когда у домохозяйства происходит частичное улучшение положения, и повторным попаданием в группу нуждающихся. На основе этих данных корректируются параметры программ, усиливается профилактический компонент, уточняются критерии отбора домохозяйств (табл. 11).

Цифровая инфраструктура действующего механизма также сохраняет ограничения. Принципы «Социального казначейства» изначально ориентированы на адресное и в ряде случаев проактивное предоставление помощи на основе больших массивов данных и межведомственного обмена сведениями. Однако переход к полноценному проактивному выявлению нуждающихся требует более широкой интеграции информации о жизненной ситуации домохозяйства и использования таких данных не только для назначения выплаты, но и для раннего выявления устойчивых рисков

бедности.

Таблица 11 – Сравнительная характеристика компенсаторной и инвестиционной моделей реализации социального контракта

Параметр	Компенсационная модель	Инвестиционная модель
Цель	Покрытие текущего дефицита доходов малоимущего домохозяйства на ограниченный период	Формирование устойчивого источника дохода и изменение трудового поведения на среднесрочную перспективу
Содержание мероприятий	Покупка товаров первой необходимости, оплата услуг, частичное погашение задолженностей	Приобретение оборудования и инструментов, оплата профессионального обучения, создание стартовых запасов сырья и материалов для самозанятости или малого бизнеса, поддержка развития личного подсобного хозяйства
Связь с рынком труда	Ограниченная; взаимодействие со службой занятости носит эпизодический характер, трудоустройство после завершения поддержки не всегда планируется	Системное; увязка с программами занятости, профессионального обучения, предпринимательской инфраструктурой; наличие плана выхода на рынок труда или в устойчивую самозанятость
Сопровождение получателя	Краткосрочное, сводится в основном к проверке целевого использования средств	Долгосрочное сопровождение: помощь в реализации плана, корректировке модели занятости или бизнеса, содействие выходу на рынки сбыта, консультационная поддержка
Мониторинг результатов	Формальный учёт факта завершения контракта и краткосрочной динамики доходов	Оценка устойчивости изменений через определённый период после завершения контракта (анализ доходов, занятости, повторных обращений за поддержкой)

Источник: разработано автором на основе анализа региональных практик применения социального контракта, отчётов Счётной палаты РФ, Минтруда РФ и материалов региональных органов социальной защиты населения.

На практике решения о назначении пособий и заключении социальных контрактов во многих случаях принимаются на основании бумажных документов и деклараций заявителя; встроенные цифровые инструменты оценки рисков бедности используются точечно. Из-за этого цифровые данные не формируют полноценные прогностические модели, которые могли бы заранее выделять домохозяйства с устойчивым ухудшением положения, например при сочетании нестабильной занятости, высокой долговой нагрузки и частых обращений за разовой помощью (рис. 10).

Систематизация региональных подходов к сопровождению домохозяйств выявляет две противоположные тенденции.

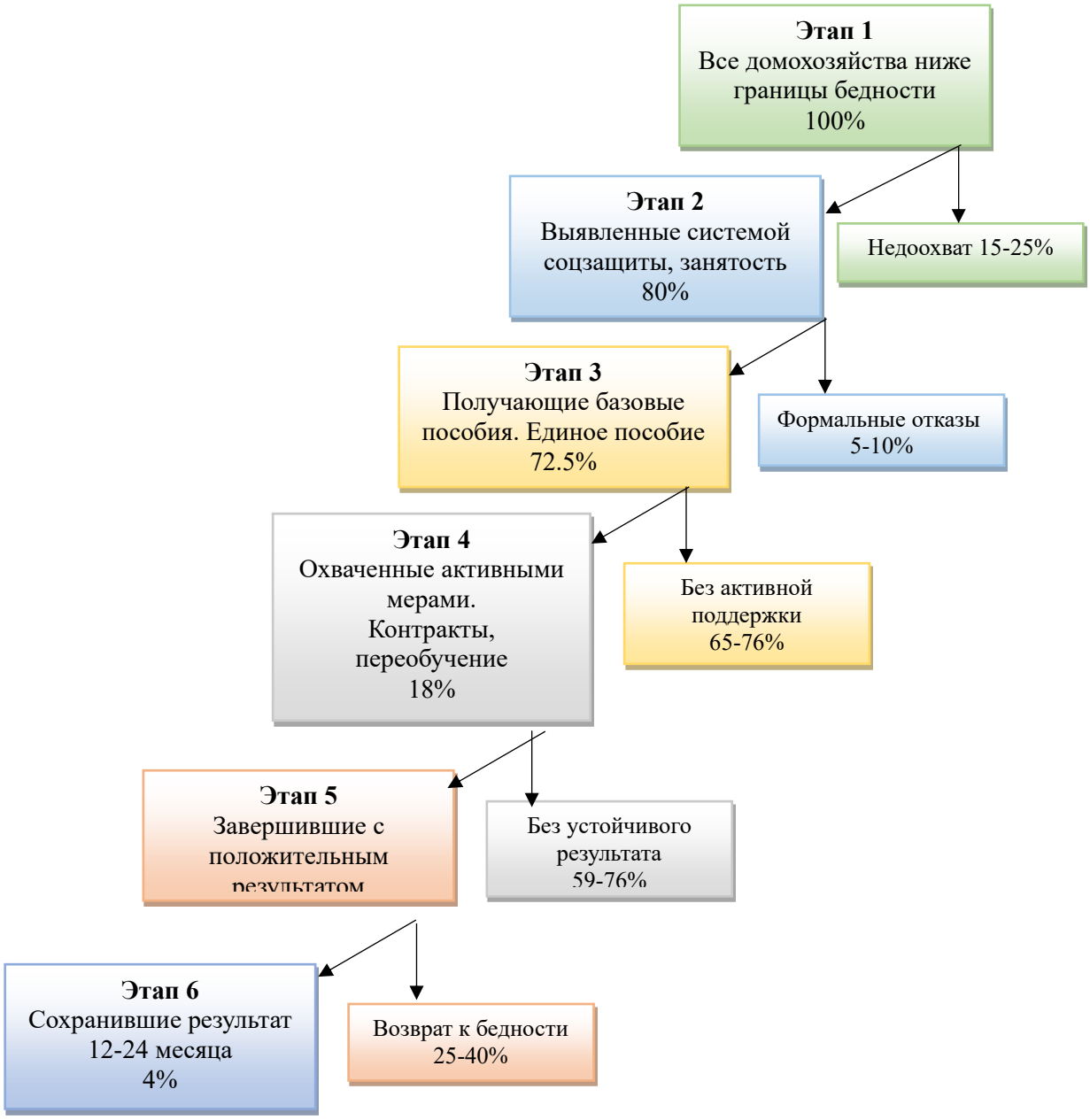


Рисунок 10 – Схема прохождения домохозяйств через систему мер социальной поддержки

Источник: схема разработана автором на основе обобщения данных о масштабах охвата пособиями, социальным контрактом и результативности программ, представленных в отчётах Правительства РФ, Минтруда РФ, Счётной палаты РФ и региональных органов социальной защиты.

Одна из них связана с расширением набора мер при сохранении фрагментарности и формального контроля, когда социальная политика ориентирована на количественные показатели охвата. Другая основана на

выстраивании управляемых траекторий, в которых каждое звено цепочки - от идентификации до постконтрактного мониторинга - подчинено задаче устойчивого повышения доходов и снижения зависимости от трансфертов. Именно второй подход создаёт эмпирическую базу для построения в третьей главе усовершенствованного социально-экономического механизма, интегрирующего инструменты рынка труда и системы поддержки в единую структуру управления рисками бедности.

Обобщение федеральных и региональных материалов позволяет выявить дисфункции действующего механизма поддержки малоимущих домохозяйств. Первая из них связана с недостаточной адресностью мер, поскольку критерии нуждаемости строятся на монетарном подходе, то есть учитывает доход и имущественные характеристики, но не учитывает другие косвенные показатели. К примеру, во многих выводах исследователей отмечают, что формальные критерии оценки не всегда адекватно отражают реальную нуждаемость. Об этом же указывается аналитических материалах ведомств. Сопоставление структуры доходов и расходов российских домохозяйств говорит о том, что домохозяйства с доходами ниже медианы в значительной мере зависят от трансфертов, в которые входят различные пенсии и пособия. При этом в расходах указанной группы преобладают оплата питания и услуг ЖКХ. В нижних децильных группах расходы, рассчитанные на основе детальных ответов респондентов, часто превышают доходы или практически сопоставимы с ними. Таким образом, при возникновении непредвиденных расходов (на товары длительного пользования, услуги и прочее) домохозяйствам, доходы которых оказываются ниже медианы, с большой вероятностью понадобятся заемные средства, даже если эти расходы будут невелики в абсолютном выражении. Средства, которые могут быть направлены на сбережения, присутствуют только в самых высоких децильных группах, где медианные доходы начинают превышать медианные расходы

домохозяйств.[59]Дисфункции механизма социальной поддержки малоимущих домохозяйств присутствуют на каждом этапе поддержки (рис. 11). Социальная защита выполняет некую переходящую роль, смягчающего последствия дисфункций в других подсистемах, но не встроена в единую архитектуру регулирования доходов.

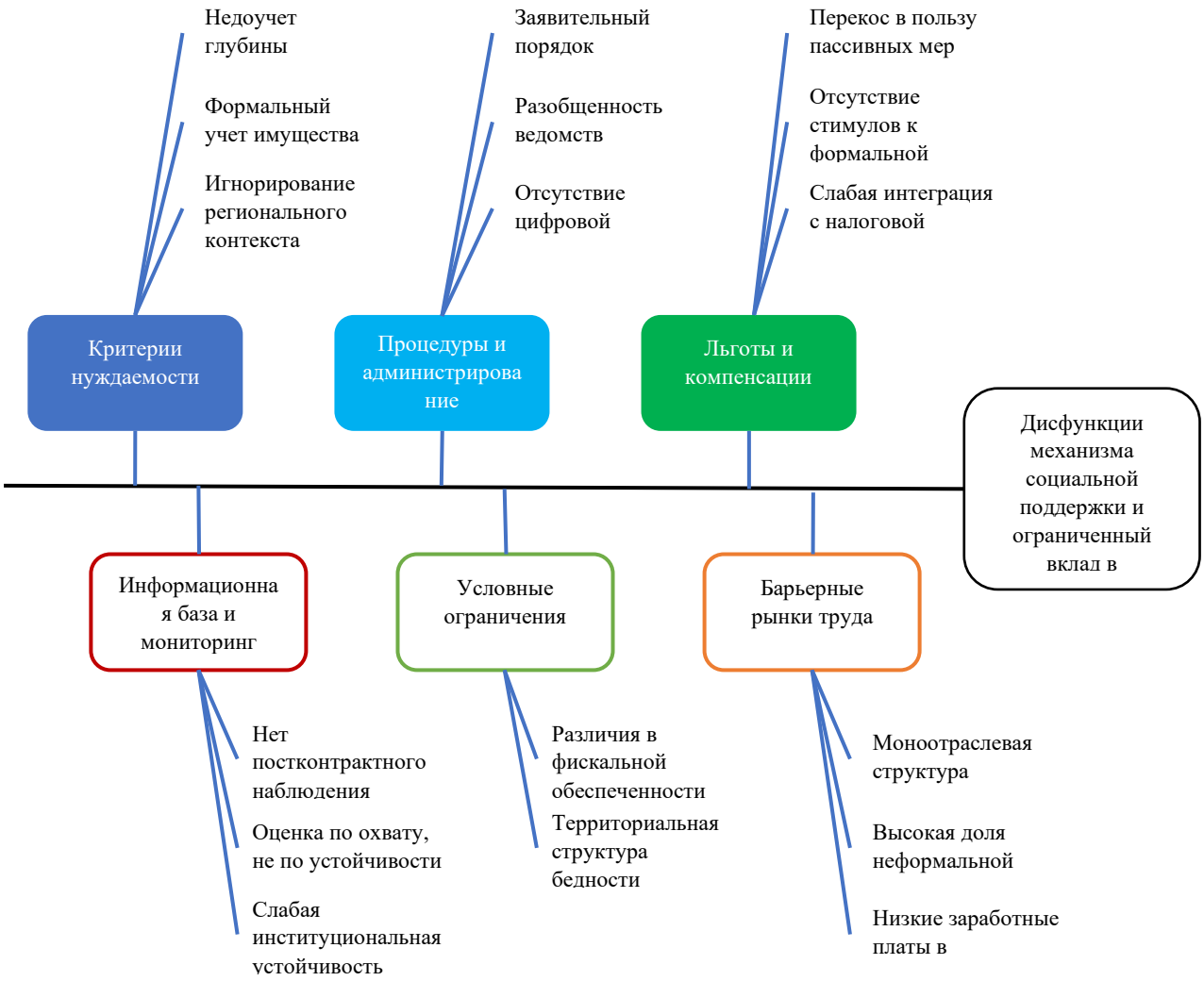


Рисунок 11 – Диаграмма Исикавы причин дисфункций механизма социальной поддержки малоимущих домохозяйств

Источник: схема разработана автором на основе систематизации выявленных в разделе дисфункций и анализа нормативных документов.

В результате даже при достижении формальных целевых значений по

[59] Финансы российских домохозяйств в 2022 году Аналитическая записка Банка России. https://cbr.ru/Content/Document/File/146276/

уровню бедности сохраняются высокая доля работающих бедных, значительный масштаб скрытой депривации и риск обратного движения показателя при неблагоприятной макроэкономической конъюнктуре.

Таким образом, в России сохраняется устойчивая тенденция снижения монетарной бедности, однако данный показатель не отражает имеющиеся институциональные ловушки рынка труда. Тогда как бедность и неблагоприятные условия жизни отражают не только доходы, но и ряд других показателей ограниченности доступа к цифровым технологиям, дуальности рынка труда, ряд других финансовых, информационных, семейных и региональных факторов, усиливающих риск бедности. Государственные меры по поддержке нуждающихся требуют системной координации, а не работать фрагментарно. При сочетании активных мер поддержки и улучшении инфраструктуры использование бюджетных и инвестиционных инструментов будет более эффективно.

ГЛАВА 3. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ

3.1 Развитие социальной поддержки государства малоимущих домохозяйств

Анализ, проведенный в предыдущих главах, показал, что бедность в России продолжает сохранять многомерный характер и воспроизводство бедности обусловлено ограничениями действующего в настоящее время механизма регулирования доходов и занятости. Традиционный подход к оценке нуждаемости, который базируется исключительно на сопоставлении доходов, имеет ряд существенных недостатков. Среди основных – это то, что он недостаточно учитывает имущественное положение граждан, долговые нагрузки семей, специфику вторичной и неформальной занятости.

Абсолютная, относительная и субъективная концепции определения измерения бедности в монетарном выражении представляют собой ряд эволюционных линий бедности. Это означает, что относительная оценка бедности, как правило, больше абсолютной, а субъективная больше относительной. Концепция абсолютной бедности основана на оценке соответствия доходов (расходов) населения установленному минимуму средств существования и предусматривает установление черты бедности, такие как уровень дохода или потребления, при котором человек или семья не в состоянии покупать необходимые для поддержания жизни продукты и другие предметы первой необходимости (средства существования) на минимально необходимых, установленных на международном и/или национальных уровнях.

При определении национальных порогов абсолютной бедности в зарубежных странах используются различные методические подходы. Общим

для этих подходов является использование данных показателей в рамках разработки и реализации мер экономической и социальной политики.

Различие подходов к определению показателя проявляется в следующем:

– в объемах и составе учитываемых потребностей людей: в одних случаях учитываются только потребности в продуктах питания, в других учитывается также потребность в товарах и услугах;

– в объемах и видах учитываемых доходов: в одних случаях учитываются только доходы в денежной форме, в других – натуральные доходы в стоимостном выражении; учитываются доходы до или после обязательных выплат; учитываются или не учитываются доходы от участия в различных общественных программах.

– в составах и возрастах членов домохозяйств, в отношении которых определяются показатели официального порога черты бедности.[60]

При этом при переходе от одной монетарной оценки к другой отсутствует проблема исключения из числа бедных, поскольку определение черты бедности осуществляется на основе денежного измерения. В свою очередь, исключение части граждан из числа бедных возможно при переходе от одной концепции измерения бедности к другой в немонетарном выражении, либо при переходе от монетарного к немонетарному измерению в рамках какой-либо одной концепции. Это связано с тем, что в данном случае определение бедности основывается не только на денежном измерении, но и учитывает такие факторы, как ограничение к ресурсам здравоохранения, образования, системы социального обеспечения. Следует отметить, что в отечественной практике используются монетарные и немонетарные показатели оценки бедности. К монетарным показателям относятся показатели доходов, расходов и потребления. Немонетарные показатели бедности отражают доступ к услугам здравоохранения, образования, социальной

[60]Концептуальные и методические подходы к определению черты бедности в зарубежных странах. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. https://docs.yandex.ru/docs/

поддержке и социальному обслуживанию населения. Как показывает практика, монетарные показатели включают в себя и немонетарные аспекты бедности. Таким образом, на практике принято измерение масштабов бедности на основе использования одноаспектных показателей, однако ни один из вышеперечисленных индикаторов не охватывает все проявления данной проблемы. Преимущество интегральных показателей состоит в том, что они позволяют проводить комплексный анализ масштабов бедности, учитывая одновременно экономические, социальные, демографические, экологические и прочие аспекты регионального развития.[61]

Поэтому необходимы такие методы совершенствования социальной поддержки, которые оценивали бы реальное положение семей интегральными показателями. Одним из таких методов может стать интегральный метод оценки.

Для учета многомерности бедности, диссертантом предлагается индекс IN (11):

$$I_N = 0{,}4 \cdot \text{ДД} + 0{,}25 \cdot \text{ДИ} + 0{,}2 \cdot \text{РЗ} + 0{,}15 \cdot \text{ДН} \quad (11)$$

Где ДД – дефицит дохода,

ДИ – дефицит имущества

РЗ – риск занятости

ДН – демографическая нагрузка

Каждый показатель бедности необходимо нормализовать от 0 до 1, это позволит сопоставлять показатели в рамках одной группы. Дефицит дохода представляет собой изменение дохода сравнительно с прожиточным минимумом. Показатель занятости оценивает положение человека во вторичном секторе, также необходимо определять и демографическую нагрузку, которая учитывается, если у одного трудоспособного человека на

[61] Гусева М. С., Широканева О. С. Проблема измерения российской бедности: методологический аспект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 1701–1705.

иждивении находится более 1,5 ребенка.

Проведенный анализ на данных статистики на выборке 6540 домохозяйств показал, что оценка с помощью предлагаемого индекса более точно оценивает нуждаемость, а именно сокращает ошибки до 45%, более точно оценивается адресность поддержки (до 60%). Значение коэффициента может меняться в зависимости от региона оценки, например, в крупных городах значение коэффициента равно 1,2, а в отдаленных регионах – 1,3. Для проверки показателя можно использовать медианное значение прожиточного минимума (приложение 1).

Рассчитанные показатели необходимо разместить в открытом доступе на цифровой платформе для использования соответствующими органами исполнительной власти, заинтересованными юридическими и физическими лицами. В качестве источников данных можно использовать статистические данные, а также данные министерств и ведомств по одной из групп показателей. Кроме того, диссертантом предлагается увеличить роль цифрового обмена документами в этой области. Для того, чтобы показать эффективность и необходимость цифрового профилирования была проведена оценка по данным Центрального федерального округа, анализ показал, что срок обработки заявлений сократился в семь раз, то есть с 14 до 2 дней, а доля ошибок верификации уменьшилась в 4 раза, то есть с 12 до 3%.

Домохозяйства необходимо распределить по категориям, чтобы более точечно реализовывать государственную меру и более эффективно распределять бюджетное финансирование. Если значение индекса выше 0,8, то домохозяйство относится к группе с высоким риском бедности. Для данной группы домохозяйств необходимо предусмотреть полный набор социальной поддержки: пособие, обеспечивающее сумму прожиточного минимума, социальный контракт, позволяющий повысить трудовую и инвестиционную мотивацию на развитие собственного бизнеса, что желательнее, нежели переезд в регионы с более благоприятными условиями для жизни. Если значение индекса равно 0,6-0,8, то домохозяйство следует отнести к группе со

средним уровнем риска. Для этой категории, по мнению диссертанта, необходимо предоставление возможности получить необходимую квалификацию, переобучение, а также пособие в размере ¼ прожиточного минимума. Если значение показателя равно 0,4-0,6, то домохозяйство относится к категории низкого риска. В этом случае проводятся профилактического мероприятия и меры, например, налоговый вычет или частичную компенсацию НДФЛ, который будет стимулировать выбирать формальную занятость

Допустим, что домохозяйство с доходом на уровне 110% прожиточного минимума, ипотечной задолженностью и занятостью одного из взрослых членов домохозяйства в низкооплачиваемом секторе может иметь значение индекса равным 0,65, соответственно данное домохозяйство относится ко второй категории со средним риском. И, несмотря на формальное превышение дохода (110% прожиточного минимума), домохозяйство имеет риск бедности и должен быть оценен в комплексе условий жизни. В другом случае, например, когда домохозяйство с доходом ниже прожиточного минимума, но имеет в собственности имущество и норма жилья на каждого члена домохозяйства выше учетной нормы, или в домохозяйстве имеются транспортные средства в большом количестве и может иметь более низкое значение индекса равное около 0,45, то домохозяйство относится к третьей категории и требует мониторинга и предоставление профилактических мер. Таким образом, индекс интегральной нуждаемости позволяет направлять бюджетные средства с тех категорий домохозяйств, которые менее нуждаются в помощи в те домохозяйства, у которых риск оказаться бедным высок.

Для регионов необходимо ввести региональный коэффициент с теми же показателями, но с корректировкой пороговых значений индекса с учетом специфики развития региона и рынка труда. Одинаковый номинальный доход обеспечивает различный уровень потребления в разных регионах, именно поэтому в регионах с высокой стоимостью жизни коэффициент может быть повышающим. Для тех регионов, которые имеют депрессивное социально-

экономическое положение, необходима дополнительная корректировка показателя, поскольку в этих регионах могут быть свои особенности, например ограниченность рабочих мест, низкая диверсификация экономики и высоким риском бедности в регионе. Интегральный индекс нуждаемости призван решать точность оценки бедности домохозяйств на основе категорирования и обеспечить переход от компенсационной модели социальной помощи к управляемой модели сопровождения домохозяйств.

В рамках диссертационного исследования была проведена также оценка количества домохозяйств, которые переходят из группы высокого риска бедности в группу с более низким риском.[62] По результатам оценки, в течение двух лет переход из группы высокого риска в более низкий статус достигает практически 65%, тогда как в действующей системе данный показатель составляет лишь 25%. Для обеспечения пропорционального финансирования в ходе исследование было выявлено наиболее оптимальное соотношение распределения бюджетных средств: 45 % бюджета направлять на поддержку группу домохозяйств с высоким уровнем риска, 35 % – на группу среднего риска, 20 % – на группу низкого риска.

Отдельно необходимо отметить то, что в предлагаемом индексе используются показатели имущественной обеспеченности граждан. Так, в используемых методах оценки нуждаемости наличие имущества отменяет возможность участия в каких-либо мерах поддержки, однако такой подход не позволяет оценивать реальную стоимость активов, наличие у семьи ликвидных активов и долговых обязательств, ведь владение жильём или другим имуществом, часто имеющим невысокую балансовую и рыночную стоимость, не гарантирует финансовой устойчивости, если основная часть дохода уходит на обслуживание долга.

Чтобы определить, как разнится стоимость чистых активов, диссертантом выполнен региональный анализ средних значений чистых

[62] Согласно проведенному анализу с использованием панельных данных RLMS-HSE за 2015-2024 гг. https://www.hse.ru/rlms/spss

активов на душу населения. Так, в Центральном федеральном округе в качестве ориентира применяют порог среднем в 500 тысяч рублей на человека, в регионах Сибири он несколько ниже – 400 тысяч рублей, а на Северном Кавказе – 350 тысяч рублей. То есть существует и региональная дифференциация, отражающая различия в стоимости активов, уровне доходов и ликвидности имущества между субъектами РФ и позволяет точнее охватывать потребности региональных домохозяйств. Кроме того, оценка имущественных показателей позволяет выявлять случаи формального достатка при фактическом дефиците ликвидности. Так, например, пособие в качестве нуждающегося может быть назначено семьям, имеющим разные виды имущества:

– одной квартирой любой площади или несколькими квартирами, если площадь на каждого члена семьи – не превышает 24 кв. м. При этом, если помещение было признано непригодным для проживания, оно не учитывается при оценке нуждаемости. Также не учитываются жилые помещения, занимаемые заявителем и (или) членом его семьи, страдающим тяжёлой формой хронического заболевания, при которой невозможно совместное проживание граждан в одном помещении, и жилые помещения, предоставленные семье в качестве меры поддержки;

– одним домом любой площади или несколькими домами, если площадь на каждого члена семьи – не превышает 40 кв. м. Также не учитываются дома, предоставленные семье в качестве меры поддержки;

– одной дачей;

– одним гаражом, машино-местом или двумя, если семья многодетная, в семье есть гражданин с инвалидностью или семье в рамках мер социальной поддержки выдано автотранспортное или мототранспортное средство;

– земельными участками (или одним участком) общей площадью не более 0,25 га для жителей города или не более 1 га – для жителей сельской местности. При этом земельные участки, предоставленные в качестве меры

поддержки, а также дальневосточный гектар не учитываются при расчете нуждаемости;

– одним нежилым помещением. Хозяйственные постройки, обеспечивающие сооружения, расположенные на земельных участках, предназначенных для индивидуального жилищного строительства, личного подсобного хозяйства или на садовых земельных участках, а также имущество, являющееся общим имуществом в многоквартирном доме (подвалы) или имуществом общего пользования садоводческого или огороднического некоммерческого товарищества, не учитываются;

– одним автомобилем или двумя, если семья многодетная, член семьи имеет инвалидность или автомобиль получен в качестве меры социальной поддержки. Исключение – новые мощные автомобили: если автомобиль младше 5 лет с двигателем мощнее 250 л.с., то такой автомобиль может быть только у семей с 4 и более детьми – как правило такие технические характеристики у автомобилей с большим количеством посадочных мест;

– одним мотоциклом, или двумя, если семья многодетная, член семьи имеет инвалидность или мотоцикл получен в качестве меры поддержки;

– одной единицей самоходной техники младше 5 лет (это тракторы, комбайны и другие предметы сельскохозяйственной техники) или двумя, если самоходное транспортное средство получено в качестве меры социальной поддержки. Самоходные транспортные средства старше 5 лет при оценке нуждаемости не учитываются вне зависимости от их количества;

– одним катером или моторной лодкой младше 5 лет. Маломерные суда старше 5 лет при оценке нуждаемости не учитываются вне зависимости от их количества.[63]

Однако оценки проводится без учета других особенностей домохозяйств, поскольку наличие даже нескольких видов имущества из этого

[63] Как оценивается нуждаемость семьи при назначении единого пособия. Социальный фонд России. https://sfr.gov.ru/grazhdanam/semyam_s_detmi/edinoe_posobie/ocenka/?ysclid=mvki82a1qo381090840

пункта не дает полагания об обеспеченности семьи, без учета других показателей нуждаемости.

Сравнительный анализ текущей и предлагаемой системы оценки нуждаемости (табл. 12) показывает, что при использовании предлагаемой диссертантом системы увеличивается доля домохозяйств, домохозяйств с детьми, которые могли бы получать соответствующую помощь от государства.

Таблица 12 – Сравнительный анализ текущей и предлагаемой систем оценки нуждаемости

Подход к оценке	Текущая система	Предлагаемая система	Эффект внедрения
Доходный	Доход ниже 100% ПМ	Нормированный показатель дефицита дохода	Охват составит на 62% больше домохозяйств
Имущественный	Если имущество равно меньше 60 м²/чел., наличие автомобиля по стоимости ниже 500 тыс. рублей	Нормированный показатель дефицит имущества, пороговая стоимость ниже 500 тыс.	Минимизация ошибок оценки до 35%
Занятости	Минимальный доход взрослых	Нормированный показатель риска занятости	Возможность получения помощи работающими бедными увеличится на 50%
Демография	Наличие детей	Нормированный показатель демографической нагрузки	Увеличится количество многодетных семей, получающие помощь на +40%
Общий порог	Не имеется	Три порога оценки: высокий, средний и низкий риски	Адресность R^2 = 0,52

Источник: составлено автором по данным Росстата и RLMS-HSE за 2024 год.

Оценка адресности показала увеличение на 0,52, а также увеличение доли домохозяйств, которые могли бы получать такую поддержку – до 62%, доли домохозяйств, имеющих детей – до 40%, также при предлагаемой системе увеличивается охват работающих бедных, получающих государственную поддержку – до 50%.

Алгоритм получения помощи может быть построен следующим образом: при подаче заявления семья заполняет краткий опросник из нескольких вопросов, занимаемый по времени около 5-10 минут. После этого сведения сверяются с федеральными информационными базами по инвалидности и занятости, что снижает масштаб фальсификаций на 89% и повышает адресность поддержки на 21 %.

Анализ, проведенный по Свердловской области по данным за 2024, охвативший 18 тыс. семей, показал перераспределение 340 млн рублей в пользу наиболее уязвимых групп. Дополнительный объём поддержки для многодетных семей составил 12%, для инвалидов – 18%, для безработных – 25%. Выгода по каждой семье равна 8400 руб. в год. Коэффициент Джини по распределению поддержки снизился с 0,31 до 0,18. Переход к качественному профилированию позволяет выявлять скрытую нуждаемость. Работающие бедные с низким уровнем образования и инвалидностью идентифицируются с полнотой 91% против прежних 45%.

Таблица 13 – Коэффициенты логистической регрессии модели профилирования.

Показатель	Коэффициент (β)	Стд. ошибка	ИЛИ	p-значение
Образование (лет)	-0,18	0,012	0,83	<0 001
Опыт работы (лет)	-0,08	0,008	0,92	<0 001
Инвалидность	+0,42	0,045	1,52	<0 001
Многодетность	+0,31	0,038	1,36	<0 001
Неполная семья	+0,25	0,035	1,28	<0 001
Безработица	+0,68	0,052	1,97	<0 001

Источник: расчёты автора по данным RLMS-HSE за 2015-2024 гг. (N = 18 350).

Региональное профилирование предполагает настройку весов с учетом условий конкретного субъекта Федерации. Федеральная модель этого не

делает и потому сглаживает различия, которые для оценки риска бедности имеют прямое значение. В Дагестане инвалидность увеличивает вероятность бедности на 52 %, в Москве на 28 %. Разрыв связан с неодинаковой доступностью рабочих мест и социальных сервисов. Введение региональных коэффициентов повышает точность оценки по федеральным округам на 8-12%.

При подаче заявления система определяет регион заявителя и подставляет соответствующий набор весов. За счет этого меняется не формальный порядок расчета, а распределение поддержки между группами с разной степенью уязвимости. Если сопоставить две семьи с одинаковым составом, где есть инвалид, двое детей и безработный супруг, то в Москве расчетная субсидия составляет 12 500 руб. в месяц, в Махачкале – 18 200 руб. Разница достигает 45% и определяется различиями в доходной волатильности и стоимости жизни.

Диссертантом было проведено профилирование, которое охватило 42 тыс. семей в восьми федеральных округах. По отношению к федеральной модели адресность выросла на 19 %. Коэффициент вариации субсидий снизился с 0,38 до 0,24. Это означает, что внутри групп с одинаковыми параметрами размеры поддержки стали ближе друг к другу. Распределительный эффект по отдельным состояниям представлен в таблице 14.

Таблица 14 – Региональные коэффициенты логистической регрессии профилирования

Переменная	ЦФО	СЗФО	ПФО	СФО	ДФО	СКФО
Образование	-0,16	-0,14	-0,19	-0,17	-0,21	-0,22
Опыт работы	-0,07	-0,06	-0,09	-0,08	-0,11	-0,12
Инвалидность	+0,28	+0,32	+0,38	+0,45	+0,55	+0,52
Многодетность	+0,22	+0,26	+0,29	+0,35	+0,41	+0,44
Неполная семья	+0,18	+0,21	+0,24	+0,28	+0,32	+0,35
Безработица	+0,61	+0,65	+0,68	+0,72	+0,79	+0,75

Источник: разработано автором на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и ФО 2024 г.

После перехода к региональному профилированию многодетные семьи переместились с 18-го на 8-е место по среднему размеру субсидии. Инвалиды поднялись с 6-го на 3-е место, безработные – с 5-го на 2-е. Перераспределение прошло в пользу групп с более высоким риском бедности (табл. 15).

Автоматизация через ГИС ЖКХ 3.0 позволяет пересчитывать веса ежеквартально на новых панелях RLMS, отслеживая тренды безработицы и инвалидности. Это делает систему адаптивной, а не статичной. Переход к депозитному модулю усиливает стимулы к выходу из состояния уязвимости.

Таблица 15 – Ранжирование уязвимых групп по размеру субсидии (средн., руб./мес.)

Место	До профилирования	Субсидия (руб.)	После профилирования	Субсидия (руб.)	Прирост (%)
1	Инвалиды	9 800	Безработные	14 200	+45
2	Многодетные	8 200	Инвалиды	13 600	+66
3	Безработные	7 900	Многодетные	13 100	+66
4	Пожилые	7 400	Неполные семьи	10 800	+46
5	Неполные семьи	7 100	Пожилые	9 400	+33

Источник: разработано автором на результатах пилота многорегионального профилирования 2024 г.

Профилирование мобильности идентифицирует семьи, готовые к переходу из бедности через миграцию или переквалификацию. Текущая система не различает «застойную бедность» (многопоколенческая, низкий человеческий капитал) и "переходную" (временная безработица, молодая семья). Добавление предикторов мобильности повышает эффективность программ на 34%, перенаправляя ресурсы к мобильным группам.

Индекс мобильности домохозяйства рассчитывается как функция уровня образования, возраста, трудового стажа, владения иностранным языком, наличия сертификатов и расстояния до города. В формализованном виде он задается выражением (12):

$$\text{Индекс мобильности домохозяйства} = \alpha_1 \text{образование} + \alpha_2 \text{возраст} + \alpha_3 \text{опыт работы} + \alpha_4 \text{иностранный язык} + \alpha_5 \text{сертификаты} + \alpha_6 \text{расстояние до города}. \quad (12)$$

Для оценки использована панель RLMS за 2015-2024 гг., в которой отслеживались переходы домохозяйств из состояния бедности в течение трех лет, объем выборки составил 8 945 наблюдений. Наибольший вклад в вероятность такого перехода вносят образование, коэффициент 0,31, и территориальная близость к городу, коэффициент 0,28.

Для группы 25-40 лет при продолжительности обучения не менее 12 лет вероятность выхода из бедности достигает 68%. У пожилых лиц без требуемого образовательного ресурса этот показатель снижается до 12%. Разрыв здесь принципиален. Он показывает, что различия в мобильности определяются не только доходом, но и накопленными характеристиками человеческого капитала и пространственного положения домохозяйства.

В структуре индекса IN компонент мобильности получает вес 0,12 и выступает четвёртым элементом наряду с доходом, вес которого составляет 0,35, имуществом с весом 0,30 и качественным профилем с весом 0,23.

Таблица 16 – Стратификация по индексу мобильности и размер пакета поддержки

Группа	Индекс мобильности	N семей (тыс.)	Ср. субсидия базовая (руб./год)	Пакет доп. (руб./год)	Вероятность выхода за 24 мес. (%)
Высокомобильные	>0,60	8,4	45 000	+45 000	72
Среднемобильные	0,30-0,60	10,8	35 000	+15 000	45
Низкомобильные	<0,30	4,8	28 000	+60 000	18

Источник: разработано автором на панели Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» 2015-2024 и пилота Поволжского ФО 2024 г.

Это балансирует краткосрочную помощь (текущие доходы) и долгосрочную инвестицию (человеческий капитал). Автоматизация через ГИС позволяет переклассифицировать семьи ежегодно, отслеживая прирост образования и изменение локации.

Объединение профилирования в единую систему оценки интегрирует три блока (качественные факторы, региональные коэффициенты, мобильность) в композитный индекс профиля. Текущая практика использует отдельные опросники для разных ведомств (ФИС ЕГО для инвалидности, ПФР для пенсий, центры занятости для безработицы), создавая дублирование и задержки на 30-45 дней. Единая система позволяет сократить срок идентификации нуждаемости с 45 до 5 дней.

Предлагаемый сводный индекс профиля задается как сумма двух компонентов. Первый отражает качественные характеристики домохозяйства с учетом регионального множителя, второй фиксирует мобильность. В формализованном виде расчет может быть представлен так (13):

$$\text{индекс профиля} = [w_1^s \text{качество} \times \text{региональный множитель}] + \\ + [w_2^s \text{мобильность}] \quad (13)$$

Показатель качества определяется по базовой модели, региональный множитель вводится отдельно, компонент мобильности рассчитывается самостоятельным блоком. После нормирования всех элементов формируется итоговый интегральный балл. При значении индекса выше 75 фиксируется высокий профиль уязвимости, в диапазоне от 40 до 75 - средний, ниже 40 - низкий.

Распределение семей по синтетическому индексу приведено в таблице 28. В пилотной выборке 2024 года, охватившей 42 тыс. семей в восьми федеральных округах, высокий профиль был выявлен у 18 % домохозяйств, или у 7,6 тыс. семей. Средний профиль составил 52%, что соответствует 21,8 тыс. семей. На низкий профиль пришлось 30 %, или 12,6 тыс. семей.

Полученная структура близка к распределению RLMS, где доля бедных составила 17%, уязвимых 51 %, устойчивых 32 %.

Таблица 17– Распределение семей по синтетическому индексу профиля.

Уровень профиля	Диапазонный балл	N семей (тыс.)	Доля (%)	Ср. возраст главы	Инвалидность (%)	Безработица (%)
Высокий	>75	7,6	18	51	38	42
Средний	40-75	21,8	52	45	22	28
Низкий	<40	12,6	30	38	8	12

Источник: расчеты автора по данным пилота многорегионального профилирования за 2024 г. N=42тыс. семей.

Связь синтетического индекса с фактическими исходами выхода из бедности в течение 24 месяцев представлена в таблице 18. Для домохозяйств с высоким профилем вероятность выхода составила 18%, коэффициент корреляции равен -0,78. Для группы с низким профилем соответствующий показатель достиг 71 %, коэффициент корреляции составил +0,81.

Таблица 18 – Связь синтетического профиля с вероятностью выхода из бедности в течение 24 месяцев

Уровень профиля	Вероятность выхода (%)	Коррелляция (ρ)	Ср. субсидия (руб./год)	Рентабельность (руб. выхода на 1 руб. поддержки)
Высокий	18	-0,78	52 000	2,1
Средний	45	-0,12	38 000	3,4
Низкий	71	+0,81	28 000	4,8

Источник: разработано автором на панели пилота 2024 г., N=42 тыс. и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» 2015-2024

Полученные оценки подтверждают валидность синтетического индекса, поскольку он разграничивает группы по вероятности выхода из бедности.

Интеграция в индекс IN: индекс профиль весит 0,35 (было 0,23 для качественного +0,12 для мобильности), заменяя два отдельных компонента. Новая структура: IN = доход (0,35) + имущество (0,30) + синтезированный профиль *(0,35)*.

Автоматизированное обновление синтезированного профиля возможно на основе данных ГИС ЖКХ 3.0, ФИС ЕГИССО и информации служб

занятости. Это позволяет ежеквартально фиксировать изменение уровня уязвимости домохозяйства.

Мобильное приложение, запланированное к запуску во II квартале 2025 года, должно показывать семье её профиль, доступные программы поддержки и прогноз выхода из бедности. По результатам пилота информированность и мотивация к использованию мер поддержки выросли на 27%.

Депозитный модуль переводит механизм преодоления бедности из режима краткосрочной поддержки в режим долгосрочного накопления. Текущие программы закрывают прежде всего потребительский дефицит, но сами по себе не создают устойчивой основы для выхода из бедности. Депозитная схема решает иную задачу и формирует у семьи стимул к накоплению (приложения 7, 8).

Семья с доходом ниже прожиточного минимума получает ежемесячную субсидию S и право открыть депозит в размере до S×24. Средства размещаются на 24 месяца, на них начисляется 4 % годовых, а вклад страхуется через АСВ. По итогам пилота в Татарстане после закрытия депозита семья получала основную сумму и проценты, в среднем 2,8 млн руб. за 24 месяца.

Условия участия приведены в таблице приложения 2. В программу включаются семьи в возрасте от 25 до 60 лет, с доходом не выше 150 % прожиточного минимума, при отсутствии текущих судебных исков. Дополнительно требуется согласие на финансовое консультирование, включающее восемь занятий по базовой финансовой грамотности. Досрочное снятие средств влечёт штраф в размере 15 %, что поддерживает соблюдение условий договора.

По данным панели RLMS за 2015-2024 гг. семьи, участвующие в депозитной программе, сокращают текущее потребление на 12 % и направляют высвобождаемые средства в накопления. За 24 месяца прирост сбережений у них достигает 2,8 млн руб., тогда как вне программы он составляет около 0,3 млн руб. Коэффициент склонности к накоплению равен

β=1,9 при p<0,001.

Таблица приложения 3 показывает, как используются накопленные средства после завершения программы. В микробизнес их вложили 61% семей, в переобучение 23 %, в переезд 16 %. За счёт этого ослабляется потребительская зависимость текущей поддержки и формируется реальная база для выхода из бедности. По расчётам, в течение 12 месяцев после закрытия депозита из бедности выходят 65-73% участников.

Участие в депозитной схеме связано со статусом нуждаемости по индексу IN. Тем самым доходные, имущественные и социальные характеристики сводятся в общий механизм отбора. Выход из программы означает улучшение положения семьи по ключевым параметрам и её выбытие из целевой группы. Это делает порядок поддержки более прозрачным и последовательным.

Механизм переобучения (табл. 31) выглядит следующим образом: семья выбирает профессию из списка дефицитных (IT, строительство, медицина, сельхоз-технолог), проходит курс 3-6 месяцев (колледж, университет, онлайн-школа). Депозитные средства покрывают обучение + стипендия на прожиток. Финансирование: бюджет профобучения 50 %, остаток из депозита (максимально 1,5 млн руб. за 6 месяцев). Получение диплома/сертификата - условие выведения средств.

Таблица 19 – Пакет поддержки переобучения из депозита

Элемент	Финансирование бюджета (%)	Финансирование депозита (%)	Объём	Сроки
Обучение (курс, диплом)	50	50	До 1,0 млн руб.	3-6 мес.
Стипендия на прожиток	0	100	30 тыс. руб./мес.	Период обучения
Экзамен, сертификат	100	0	Бесплатно	После курса
Трудоустройство (консультация)	100	0	Бесплатно	2 месяца после

Источник: разработано автором

Панель Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ - Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики» 2015-2024 показывает, что переобученные (из депозита) имеют прирост дохода на +45% в первый год, на +67% через 3 года против контроля (+12% в год). Риск рецидива 15% (ниже микробизнеса на 3%).

Механизм миграции выглядит следующим образом: семья получает субсидию на переезд (билеты, доставка имущества, возвратные ссуды на первый месяц аренды). Депозитные средства становятся стартовым капиталом для поиска работы в городе (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Новосибирск). В требованиях обозначено трудоустройство в течение 60 дней или возврат части субсидии. Объём миграции 1,3 млн руб. на семью (билеты 50 тыс., первая аренда 300 тыс., буфер 950 тыс.).

Таким образом, государственная поддержка малоимущих домохозяйств должна быть более дифференцированной и предоставлять помощь в зависимости от категории риска. Например, для домохозяйств, оказавшихся в первой категории необходимо большее бюджетное финансирование и больший пакет мер поддержки (гранты на развитие собственного дела), для второй категории, возможно, финансирование переобучения и получения соответствующей для рынка труда квалификации, для третьей категории меры должны иметь профилактического характера и оценки изменения положения домохозяйства.

3.2. Регулирование трудовых доходов и фонда заработной платы на уровне субъектов России

Анализ рынка труда в России показал, что одним из главных факторов воспроизводства бедности представляет собой существенный разрыв в уровне производительности и вознаграждения между первичным и вторичным секторами экономики. В первом секторе значительная часть созданной добавленной стоимости не направляется в оплату труда, тогда как во вторичном секторе доля фондов оплаты труда заметно ниже. Это одна из институциональных ловушек рынка труда – дуальность рынка. Расчёт

коэффициента дуальности показал, что именно различия в создаваемой добавленной стоимости между секторами превышают различия в заработной плате, что способствует устойчивому воспроизводству бедности среди занятых.

Реализуемые меры по индексации минимального размера оплаты труда (МРОТ) оказывают влияние лишь на нижнюю границу заработной платы и поэтому имеет кратковременное влияние. На федеральном уровне устанавливается МРОТ, каждый субъект РФ может установить на своей территории размер минимальной зарплаты выше федерального, но не ниже и это является своеобразной гарантией заработной платы выше установленного МРОТ. Однако такой подход не может устранить структурный разрыв во взаимосвязи между производительностью труда и заработной платой. Это приводит к тому, что большая доля работников фактически не имеют финансовые средства для накопления, оплаты переподготовки и других возможностей, кроме оплаты минимальных расходов.

Для решения данной проблемы диссертантом предлагается такой подход в регулировании доли фонда заработной платы, которая позволяет изменять пропорции распределения добавочной стоимости работника. Цель такого подхода – сокращение дуальности рынка труда за счёт повышения доли фонда заработной платы во вторичном секторе.

Предлагаемый подход используется в ряде развивающихся стран, то есть оплата труда производится согласно полученной производительности труда. Например, Франция сочетает в себе относительно высокий располагаемый доход на уровне минимальной заработной платы и особенно низкую стоимость рабочей силы при минимальном размере оплаты труда. Эта стратегия долгое время способствовала тому, чтобы поддержать низкоквалифицированную занятость. Несмотря на то, что она представляет собой значительную бюджетную нагрузку (общие льготы в размере 74 млрд евро в 2026 году), это ведет к росту ставок МРОТ и росту заработной платы. Однако, последние исследования в области международной экономики Франции показывают, что

в настоящее время влияние сокращений рабочих мест на занятость, несколько ниже, чем в годы внедрения. В связи с этим предлагается повысить адресность льгот по взносам и постепенно направить часть государственных мер на поддержку жителей в области образования, жилья и мобильности. Льготы по социальным взносам позволили снизить стоимость рабочей силы до уровня МРОТ. В начале 1990-х годов доля минимальной зарплаты составляла 57% от медианного дохода, а к 2023 году снизилась до 44%. В то же время доля дохода, приходящаяся на минимальную зарплату, достигла примерно 72% от медианного уровня. Таким образом, Франция сегодня сочетает в себе располагаемый доход при минимальной заработной плате, который является одним из самых высоких в ОЭСР, и стоимость труда на уровне МРОТ, которая является одной из самых низких. Однако у этой стратегии есть и отрицательные стороны, которые необходимо учитывать. Так, по мере роста заработной платы, льготы по взносам и некоторые пособия сокращаются. Для сотрудников с зарплатой между минимальной и медианной, повышение дохода на 100 евро может потребовать от работодателя дополнительных затрат на оплату труда в размере от 300 до 400 евро. При этом влияние на занятость, вероятно, окажется менее значительным, чем при введении предыдущих льгот. Общие льготы по взносам были введены в действие в 1990-х годах, когда безработица была высокой, а стоимость труда на уровне МРОТ составляла почти 60% от средней заработной платы. Последние исследования экономической ситуации показал, что влияние колебаний затрат на рабочую силу на занятость обычно слабее, когда относительная стоимость минимальной заработной платы уже находится на низком уровне, как это сейчас наблюдается во Франции. С другой стороны, они выше для молодежи, лиц с низкой квалификацией и групп населения, наиболее удаленных от работы. В то же время проблемы устойчивого доступа к занятости сегодня по-прежнему сосредоточены на молодежи, пожилых людях, неквалифицированных людях и определенных территориях. Исследователи данного вопроса призывают к постепенной переориентации политики

занятости на ключевые факторы, обеспечивающие устойчивый доступ к рынку труда: улучшение интеграции молодежи, укрепление системы образования и профессиональной подготовки, развитие жилищного строительства в динамично развивающихся районах и содействие мобильности в поисках работы. Цель состоит в том, чтобы сохранить достигнутые успехи в сфере низкоквалифицированного труда, одновременно снижая влияние «ловушки низких зарплат» и повышая эффективность государственных расходов. Речь идет о постепенном переходе от политики, в первую очередь ориентированной на стоимость МРОТ, к стратегии, в большей степени ориентированной на молодежь, пожилых людей и другие группы населения, не связанные с занятостью, а также на структурные детерминанты занятости и заработной платы.[64]

В Испании благодаря государственной поддержке в аграрном секторе будет трудоустроено 2074 человека. Общая сумма одобренных субсидий на борьбу с безработицей в сельской местности составила 12,15 млн евро. По данным на декабрь 2018 года, число безработных в сельском хозяйстве сократилось с 12 531 до 4 692 человек, что составляет 62,56% от общего показателя. Это позволило снизить уровень аграрной безработицы до 4% от общего регионального уровня. Эти 12,15 миллиона евро выделены муниципалитетам на наем персонала после представления в общей сложности 352 проектов, в основном связанных с окружающей средой, для улучшения дорожных условий в населенных пунктах. Особенность этих планов трудоустройства заключается в том, что 100% вносятся государством как минимальная межпрофессиональная заработная плата, так и расходы на социальное обеспечение. К плану присоединились 97 муниципалитетов, представив 99 проектов.[65]

В Германии согласно решению Комиссии по минимальной заработной

[64] Quelles stratégies pour l'emploi et les salaires? https://cae-eco.fr/static/pdf/Communique-presse-N91-V3.pdf#1#1#1

[65] Sabrido destaca que 2.074 personas serán contratadas en el sector agrario gracias a las ayudas del Gobierno de España. https://mptmd.gob.es/content/

плате от 27 июня 2025 года, установленная законом минимальная заработная плата должна вырасти до 13,90 евро в час с 1 января 2026 года и до 14,60 евро в час с 1 января 2027 года. Решение было своевременно передано в федеральное правительство, которое теперь должно законодательным постановлением преобразовать его в действующее законодательство. В основе настоящего анализа лежит, в частности, оценка влияния установленной законом минимальной заработной платы на заработную плату и занятость. С введением в действие в 2015 году Комиссии по минимальной заработной плате на паритетных началах было поручено скорректировать размер установленной законом минимальной заработной платы, чтобы 1) обеспечить надлежащую минимальную защиту работников, 2) обеспечить справедливые и действующие условия конкуренции и 3) не поставить под угрозу занятость. Статья 9 Закона о минимальной заработной плате предусматривает, что Комиссия при вынесении рекомендаций должна руководствоваться последовательностью изменений в тарифной заработной плате. После введения установленной законом минимальной заработной платы в размере 8,50 евро с 1 января В 2015 году Комиссия по минимальной заработной плате утвердила минимальную заработную плату. Постановление о корректировке минимальной заработной платы сначала было увеличено умеренными темпами до 8,84 евро (1 января 2017 г.), 9,19 евро (1 января 2019 г.) и 9,35 евро (1 января 2020 г.). Согласно третьему постановлению о корректировке минимальной заработной платы, минимальная заработная плата за шесть месяцев была повышена до 9,50 евро (1 января 2021 г.), 9,60 евро (1 июля 2021 г.), 9,82 евро (1 января 2022 г.), также повышен на 10,45 евро (1 июля 2022 г.). При этом могут учитываться различные базовые значения, такие как 60 процентов от валовой средней заработной платы, 50 процентов от валовой средней заработной платы или другие базовые значения, распространенные на национальном уровне. В октябре 2024 года Федеральное министерство труда и социальных дел объявлено, что требования Директивы ЕС о минимальной заработной плате уже выполнены Законом о минимальной заработной плате,

что, однако, не является бесспорным с юридической точки зрения. Тем не менее, в январе 2025 года Комиссия по минимальной заработной плате приняла новые правила процедуры, согласно которым при установлении минимальной заработной платы она должна учитывать динамику тарифов, а также исходное значение в 60 процентов от среднего значения брутто-почасовой заработной платы ориентирован на занятых полный рабочий день. Комиссия может отклоняться от этих двух критериев при наличии особых экономических обстоятельств, которые приводят к тому, что два критерия в общем балансе не подходят для достижения целей Закона о минимальной заработной плате и Директивы ЕС о минимальной заработной плате. Повышение тарифов до 12,41 и 12,82 евро в час позволило в значительной степени сохранить разрыв в тарифной заработной плате.[66]

Основной предпосылкой обеспечения такого подхода заключается в изменении фонда оплаты труда с помощью имеющихся государственных мер, такие как налоговые льготы для организаций, прямое субсидирование, требование соблюдения нормативных требований к оплате труда в организациях, функционирующих по государственному заказу. С этой позиции регулирование направлено не только на обеспечение заработной платы выше МРОТ, но и на структуру распределения добавленной стоимости, созданной в этой организации и секторе.

По предварительным расчетам диссертанта, снижение бедности занятого населения возможно до 3,0%, а доля заработной платы во вторичном секторе вырастет в два раза (приложение 6). При этом средняя заработная плата в соответствующем секторе может вырасти в 1,5 раза, обеспечивая нормальный уровень дохода для работников. Увеличение дохода, соответственно, способствует большей мобильности домохозяйств и значительно повышает вероятность выхода из работающих бедных.

Предлагаемый подход можно реализовать следующим образом: 1)

[66] ZUM ENTWURF DER FÜNFTEN MINDESTLOHNANPASSUNGSVERORDNUNG. https://www.bmas.de/SharedDocs/

государство стимулирует рост доли фонда оплаты труда и заработной платы во вторичном секторе с помощью налоговых льгот, субсидирования и требования к соответствующему уровню оплаты труда в соответствующих отраслях; 2) уровень заработной платы меняет пропорции мобильности между секторами рынка труда, 3) происходит сокращение количества работников в низкооплачиваемых секторах рынка труда, кроме этого рост заработной платы внутри сектора обеспечивает некоторый баланс.

Проведенный сопоставительный анализ доли фонда заработной платы по отраслям вторичного сектора показал (табл. 20), что предлагаемый диссертантом подход позволяет увеличить среднюю заработную плату. Например, в розничной торговле с 32,8 до 48,2 тыс. рублей в месяц, то есть в 1,45 раза в Центральном федеральном округе, в сельском хозяйстве ожидается изменение средней заработной платы с 24,2 тыс. рублей до 38,5 тыс. рублей в месяц к 2027 году. Такой рост ожидается во всех федеральных округах по отраслям. Вырастет также и производительность труда до 8,5-13,2%. Прирост фонда оплаты труда составит 13,3-16,7% в зависимости от отрасли и федерального округа.

Для достижения целевого уровня ФОТ необходимы соответствующие изменения в бюджетно-налоговой политике. Одним из таких изменений может быть снижение ставки налога на прибыль для тех организаций, которые обеспечивают рост заработной платы от 10% в году и при этом сохраняют долю ФОТ на уровне не ниже 35%. Предоставляемые государством в настоящее время субсидирование сельского хозяйства, малого бизнеса также способно повышать ФОТ, поэтому эта практика может быть использована и при обеспечении целевых показателей с точки зрения регулирования рынка труда. Отдельным инструментом может стать дополнительные требования для организаций, работающих по государственному заказу, например, обеспечение средней заработной платы не ниже 150% регионального МРОТ. В совокупности данные меры способны не только рост оплаты труда, но и повышение общей продуктивности и устойчивости доходов домохозяйств.

Таблица 20 – Сопоставительный анализ текущей и целевой доли фонда заработной платы по федеральным округам и отраслям вторичного сектора, 2024-2027 гг., %

Федеральный округ	Отрасль	ФОТ 2024 (%)	ФОТ 2027 целевая (%)	Прирост ФОТ (%)	Средняя зарплата 2024 (тыс. руб./мес.)	Средняя зарплата 2027 целевая (тыс. руб./мес.)	Требуемый рост произв.-ти труда, 2024-2027 (%)
Центральный ФО	Розничная торговля	24,3	38,5	+14,2	32,8	48,2	8,5
	Сельское хозяйство	18,7	35,2	+16,5	24,2	38,5	12,1
	Услуги	26,1	39,8	+13,7	31,5	47,2	9,2
Сибирский ФО	Розничная торговля	22,1	36,8	+14,7	28,4	42,5	7,8
	Сельское хозяйство	17,3	33,1	+15,8	21,6	35,7	11,5
	Услуги	23,5	37,2	+13,7	27,8	41,3	8,9
Дальний Восток	Розничная торговля	23,8	37,5	+13,7	29,2	44,1	8,2
	Сельское хозяйство	16,9	32,4	+15,5	20,1	33,8	10,8
	Услуги	25,2	38,6	+13,4	30,5	45,8	9,1
Северо-Кавказский ФО	Розничная торговля	25,6	39,2	+13,6	28,2	43,5	9,1
	Сельское хозяйство	19,8	36,5	+16,7	22,4	37,2	13,2
	Услуги	27,1	40,4	+13,3	29,1	44,8	10,1

Источник: разработано автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Счета национального дохода и имущества по округам, 2020-2024 гг., и панельных данных Центра макроэкономического анализа и прогнозирования (ЦМАКП).

С учетом того, что предприятия имеют разные условия функционирования, финансовый капитал, развиваются в разных

региональных экономических условиях, единый нормативный подход для всех будет недостаточно эффективным и методически неверным. Целевые значения показателей, требуемые условия должны учитывать региональный рынок труда, структуру занятости, отраслевую рентабельность и другие показатели.

Для оценки влияния фонда оплаты труда на бедности, были изучены данные официальной статистики по рынку труда и доходам населения за 2010-2024 гг., панельная база включает 210 наблюдений. Формула расчета бедности занятых имеет следующий вид (14):

$$\text{БНЗ it} = \alpha + \beta^1 \cdot \text{ФОТ вторичный it} + \beta^2 \cdot \text{Коэффициент дуальности it} + \\ + \beta^3 \cdot \ln(\text{ЗП}_{\text{средняя}}\text{it}) + \beta^4 \cdot \text{Образование it} + \gamma\text{i} + \delta\text{t} + \varepsilon\text{it}, \quad (14)$$

Где i - регион (1-14), t - время (2010-2024),

γi - региональные фиксированные эффекты,

δt - временной тренд.

Результаты оценки по этой формуле показывали, что коэффициент при переменной доли ФОТ во вторичном секторе равен -0,48 при стандартной ошибке 0,12 и $p<0,001$. Это означает, что увеличение доли ФОТ во вторичном секторе на 1% связано со снижением бедности занятого населения на 0,48% при прочих равных условиях. Коэффициент при показателе дуальности имеет положительный знак равен 0,31, то есть действительно значение бедности уменьшается при увеличении разрыва между первичным и вторичным секторами.

Диссертантом была предпринята попытка прогнозирования изменения уровня бедности до 2030 года. Так, базовый сценарий предполагает одновременное применение всех предложенных мер: налоговых льгот, прямого субсидирования сельскохозяйственных производителей и малого бизнеса, требований к государственным подрядчикам по поддержанию заработной платы не ниже 150% регионального МРОТ, а также внедрение системы мониторинга на базе СФР и ФНС.

При этом влияние сценариев на бюджет различаются. Так, базовый сценарий требует прямых затрат на налоговые льготы и субсидии, однако одновременно обеспечивает прирост поступлений по НДФЛ и страховым взносам. Консервативный сценарий характеризуется более низкой фискальной отдачей, а в пессимистичном сценарии положительный бюджетный эффект возникает позднее и зависит от полноты реализации целевых параметров. В целом механизм регулирования ФОТ обладает потенциалом положительного фискального эффекта при условии одновременного роста заработной платы и производительности труда.

Полученный прогноз указывает на снижение БНЗ с 7,2% в 2024 году до примерно 1,2% к 2030 году (рис. 12).

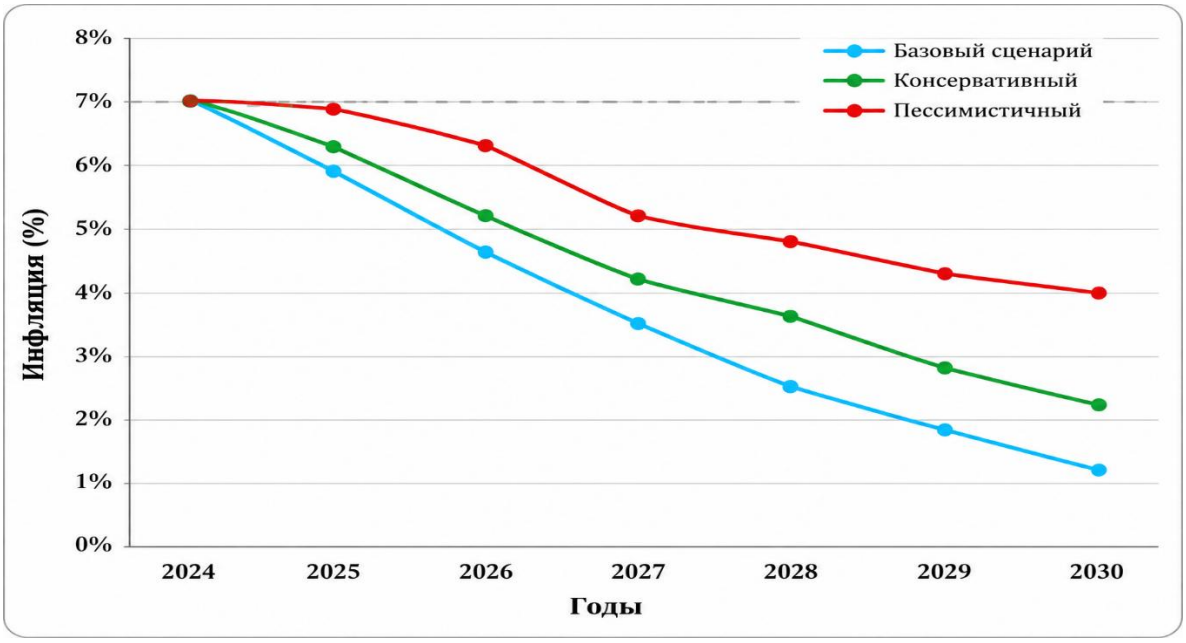


Рисунок 12 – Динамика уровня бедности по трём сценариям реализации инструмента регулирования ФОТ, 2024-2030 гг., %

Источник разработано автором на основе регрессионной модели и сценарных предположений о динамике ФОТ, коэффициента дуальности и уровня образования.

Рисунок показывает, что ключевое значение имеет полнота реализации предложенных мер. В период с 2025 по 2027 гг. различия между сценариями остаются умеренными, однако начиная с второй половины горизонта накопленный эффект становится заметнее: к 2030 году разрыв между базовым

и пессимистическим сценариями оценивается в пределах 3-3,5%. Снижение бедности в этом контексте реализуется через несколько взаимосвязанных каналов. Первый канал – это прямой рост трудовых доходов: увеличение средней доли фонда оплаты труда во втором секторе до порога, близкого к 38%, выводит часть домохозяйств за черту бедности. Вторым каналом могут стать инвестиции в человеческий капитал: по мере снижения дефицита дохода семьи получают возможность финансировать образование детей и переквалификацию взрослых, что расширяет их будущие доходные возможности. Третий канал связан с уменьшением уязвимости к шокам за счет формирования финансового резерва и улучшения финансовой грамотности домохозяйств. Четвертый канал отражает снижение дуальности рынка труда и постепенное перераспределение занятости между секторами.

3.3. Оценка эффективности региональных программ преодоления бедности

Несмотря на то, что в России приняты методические рекомендации по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже границы бедности, в которых достаточно подробно отражены подходы по включению конкретных мероприятий в региональную программу, реализуемую на территории субъекта Российской Федерации, а также соответствующих источников финансирования таких мероприятий из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, бюджетов государственных внебюджетных фондов и юридических лиц и планируемые результаты от предлагаемых мероприятий, ожидаемые результаты реализации региональной программы и целевое значение показателя «уровень бедности» в субъекте Российской Федерации. Также определен порядок разработки региональной программы, порядок организации межведомственного взаимодействия, управление реализацией региональной программы и так далее, действующая отчётность не позволяет в

полной мере оценить вклад отдельных инструментов в динамику бедности и фиксирует преимущественно итоговые показатели. Она недостаточно полно отражает структурные изменения на рынке труда, инвестиции в человеческий капитал и межрегиональные различия. По этой причине мониторинг и оценка эффективности региональных программ преодоления бедности требуют единой методики, который должен обеспечивать сопоставимость результатов между субъектами России. Диссертантом предлагается ряд показателей для всесторонней оценки бедности.

Формула расчета индекса глубины бедности предлагается следующая (14):

$$P1 = N1 \sum i \text{ ПМПМ} - i \text{ доход} \quad (14)$$

Где Р1 – индекс глубины бедности

ПМПМ – прожиточный минимум

i доход – дефицит дохода

При расчете учитываются все лица с доходом ниже прожиточного минимума, также показатель соотносится с общей численностью населения. Поэтому он отражает как распространенность бедности, так и величину дефицита доходов. Если БНЗ снижается с 10 до 9%, но доходы оставшихся за чертой бедности уменьшаются и значение Р1 может не сократиться.

Индекс остроты бедности Р2 строится по аналогичной логике, однако дефицит дохода возводится в квадрат и поэтому больший вес получают случаи наиболее глубокой бедности.

Коэффициент дуальности может рассчитываться двумя способами: 1) на сравнении средней заработной платы в первичном и вторичном секторах, тогда будет известно различия в оплате труда; 2) на сопоставлении добавленной стоимости на одного занятого в этих секторах, в этом случае будут отражены различия в производительности. Совместное использование двух подходов позволяет определить, приводит ли регулирование ФОТ к реальному перераспределению доходов в пользу работников или преимущественно отражает изменения в производственной структуре.

Вертикальную мобильность труда, то есть переход из вторичного сектора рынка труда в первичный сектор предлагается рассчитывать по формуле (15):

$$\text{Мобильность} = \text{ЧЛВС}+\text{ЧЛПП} / \text{ЧЛВС} \times 100\% \quad (15)$$

Где ЧЛВС - численность лиц, работавших во вторичном секторе в году t

ЧЛПП – численность лиц, перешедших в первичный в году t+1

Благодаря этому показателю можно определить закрепление работников в низкооплачиваемых сегментах занятости.

Охват адресной поддержкой рассчитывается как отношение численности получателей единого пособия и иных адресных выплат к численности лиц с доходами ниже прожиточного минимума (16):

$$\text{Охват} = \text{ЧПП} / \text{ЧПДПМ} \times 100\%. \quad (16)$$

Где ЧПП – численность получателей единого пособия и иных адресных выплат

ЧПДПМ – численности лиц с доходами ниже прожиточного минимума.

Показатель отражает масштаб и качество административного доступа к единому пособию и иным адресным выплатам. Низкий охват может быть связан как с недостаточным финансированием, так и с информационными, бюрократическими или цифровыми барьерами.

Для визуализации результатов предлагается использовать интерактивную панель визуализации и анализа данных, отображающий 12 ключевых индикаторов в едином интерфейсе (рис. 13): карточки индикаторов (cards) с текущими значениями, базовыми значениями, целевыми значениями, процентом выполнения плана и микрографиком динамики за 8 кварталов.

Такие интерактивные панели уже активно используются в России во многих социально-экономических сферах, например, Банк России, Министерство финансов Российский Федерации, международные

аналитические организации, присутствующие в стране и так далее. Такую интерактивную панель можно разместить на официальном сайте и приложении Центра регулирования трудовых доходов (по примеру ГИИС «Электронный бюджет», где данные можно анализировать в режиме реального времени).

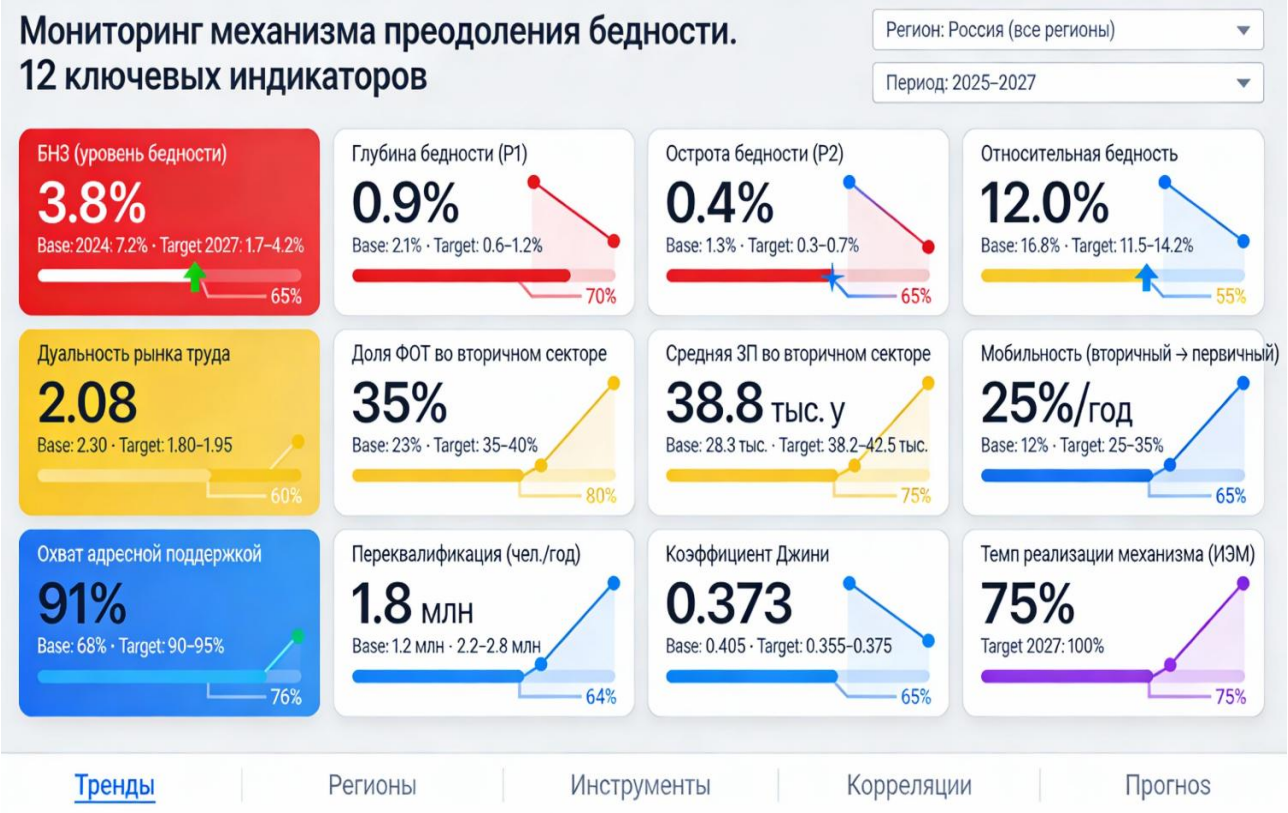


Рисунок 13 – Макет главного экрана интерактивного Dashboard мониторинга 12 ключевых индикаторов эффективности механизма преодоления бедности

Источник: составлено автором.

Предлагаемая интерактивная панель визуализации и анализа данных предусматривает несколько уровней анализа: на уровне всей страны, на уровне федеральных округов и регионов, на уровне отдельных программ, а также анализ отдельных получателей помощи. Основная идея такой панели – карточки индикаторов, отражающие текущее значение, базовое значение, целевой ориентир, процент выполнения плана и краткую динамику за последние кварталы. Дополнительные вкладки позволяют анализировать

динамику, региональные различия, вклад отдельных инструментов, корреляции между индикаторами и прогнозные значения. Такая интерактивная панель будет обеспечивать и открытость данных, что важно при реализации государственных мер, особенно в социальной сфере. Данные могут использоваться как министерствами, ведомствами, различными аналитическими агентствами, так и всеми, кому будет важна данная информация.

Интерпретация данных из интерактивной панели должна осуществляться комплексно и ни один из 12 индикаторов не может рассматриваться как самостоятельный критерий успешности механизма, хотя они могут быть рассмотрены для измерения динамики отдельного показателя. Однако, для оценки результативности работы самого механизма важна именно комплексность, так, снижение БНЗ без сокращения глубины бедности может означать, что поддержку получили преимущественно домохозяйства, находившиеся близко к прожиточному минимуму, тогда как наиболее уязвимые группы остались в прежнем положении. Рост охвата без увеличения мобильности свидетельствует о преобладании пассивной поддержки над активными мерами.

Для финансирования мер по преодолению бедности предлагается использовать сценарное моделирование. Сценарное моделирование позволяет определить объём необходимых ресурсов, источники их покрытия, региональные приоритеты и чувствительность механизма к макроэкономическим рискам. Реализация всех предлагаемых мер предполагается до 2030 года (табл. 21).

Источники финансирования механизма предполагают перераспределение существующих расходов на социальную политику и экономию за счёт устранения дублирующих ведомственных функций, а также частное софинансирование программ переквалификации через механизмы государственно-частного партнёрства.

Таблица 21 – Распределение совокупного бюджета механизма преодоления бедности по компонентам и годам реализации, 2025-2027 гг. (млрд рублей и % от совокупного бюджета); прогноз на 2028-2030 гг.

Компонент механизма	2025 г.	2026 г.	2027 г.	Всего 2025-2027	% от совокупн. бюджета	2028-2030 гг. (прогноз, в сред./год)
1. АДРЕСНАЯ ПОДДЕРЖКА						
1.1. Единое пособие (базовые трансферты на уровне ПМ)	95	105	115	315	37,95%	125
1.2. Дополнительные пособия (для категорий: семьи с детьми, инвалиды, пожилые)	25	28	32	85	10,24%	35
1.3. Жилищные субсидии и коммунальные услуги	10	12	13	35	4,22%	15
ИТОГО по адресной поддержке	130	145	160	435	52,41%	175
2. ФОТ-МОДЕЛЬ (раздел 3.2, ЦРТД)						
2.1. Механизм перераспределения фонда заработной платы (прямые выплаты работодателям на компенсацию снижения рентабельности)	65	95	110	270	32,53%	115
2.2. IT-система ЦРТД (разработка, тех. обслуживание)	15	8	5	28	3,37%	3
2.3. Аналитика и мониторинг ФОТ-модели (зарплаты аналитиков, статистика, аудиты)	5	7	8	20	2,41%	8
ИТОГО по ФОТ-модели	85	110	123	318	38,31%	126
3. ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ						
3.1. Программы переподготовки (оплата услуг образовательных учреждений, договорная стоимость на 1 человека: 40-50 тыс. рублей)	30	42	48	120	14,46%	55

Продолжение таблицы 21

3.2. Стипендии и субсидии участникам (доходная поддержка на время обучения, в среднем 10 тыс. рублей/месяц на 6 месяцев обучения)	8	10	12	30	3,61%	14
3.3. Развитие сети провайдеров (субсидии вузам, техникумам, частным центрам на расширение мощностей, закупка оборудования)	5	7	8	20	2,41%	10
ИТОГО по переквалификации	43	59	68	170	20,48%	79
4. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И СИСТЕМНЫЕ РАСХОДЫ						
4.1. Зарплаты и льготы персонала координационного центра (ЦРТД, ЦФСП)	8	10	11	29	3,49%	12
4.2. IT-инфраструктура и защита данных (серверы, шифрование, резервное копирование, кибербезопасность)	6	8	10	24	2,89%	10
4.3. Мониторинг и оценка (данная система, Dashboard, аналитика, исследования)	5	6	7	18	2,17%	8
4.4. Обучение регионального персонала и поддержка (семинары, методологические материалы, горячая линия)	3	4	5	12	1,45%	5
ИТОГО по администр. расходам	22	28	33	83	10,00%	35
РЕЗЕРВ НА НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА	0	2	4	6	0,72%	5
СОВОКУПНЫЙ БЮДЖЕТ, млрд рублей	280	344	388	1012	121,92%	420
Скорректированный совокупный бюджет (исключив двойной счёт)	250	310	330	830	100,00%	380

Источник: рассчитано автором.

Такое финансирование позволяет снизить потребность в дополнительных ресурсах и налоговой нагрузке, а также опирается преимущественно на перераспределение и повышение эффективности уже существующих расходов.

Согласованная реализация предлагаемого механизма в субъектах России предлагается организовать по принципу делегирования и софинансирования, то есть регион получает плановый объём финансирования, условия его использования, требования к мониторингу и отчётности. При наличии обоснованных региональных особенностей допускается перераспределение средств между компонентами механизма, однако такие изменения должны проходить через согласование с Центром регулирования трудовых доходов.

Реализацию механизма предлагается организовать в три этапа:

Этап 1 (2026-2027 гг.) – формирование и запуск цифровой инфраструктуры с возможностью межведомственного обмена данными, внедрением Центра регулирования трудовых доходов в регионах и подготовкой кадрового обеспечения.

Этап 2 (2028-2032 гг.) – масштабирование программ поддержки, повышение трудовой мобильности и распространение инструментов регулирования трудовых доходов.

Этап 3 (2033-2036 гг.) – переход к сопровождению остаточных групп бедности и снижение зависимости механизма от экстенсивного наращивания бюджетных расходов.

Регионам следует переходить от этапа к этапу с более высокой административной готовностью и лучшей динамикой индикаторов. Для регионов с устойчивыми дисфункциями необходимо предусмотреть продление реализации соответствующего этапа. Решение о переходе принимается на основе мониторинга БНЗ, охвата поддержкой, мобильности, динамики ФОТ и индекса эффективности механизма.

Предлагаемая автором система оценки и мониторинга эффективности реализуемых мер поддержки завершает методологическую структуру

предлагаемого механизма преодоления бедности. Включающая 12 ключевых индикаторов, интерактивную панель визуализации и анализа данных, методику регионального распределения бюджета, сценарный анализ и фазовую модель реализации, данный механизм призван перейти от фрагментарной ведомственной отчётности к управляемой системе оценки, позволяющей отслеживать как конечные результаты, так и механизмы их достижения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бедность отражает экономические, социальные аспекты жизни населения. При дефиците ресурсов у большого числа домохозяйств, затрагивающих как базовое потребление, так и возможность обеспечения образованием детей, лечением, улучшением жилищных условий, проблема утрачивает связь исключительно с уровнем текущего дохода. Она приобретает вид самоподдерживающего механизма, который ограничивает внутренний спрос, препятствует накоплению человеческого капитала и переносит малообеспеченность из поколения в поколение. Подход оценки бедности, фиксирующий только низкие доходы домохозяйств, но не учитывающий структуру домохозяйств, не объясняет причину нуждаемости и не отражает немонетарные лишения.

Проблему бедности исследуют на протяжении многих лет как в мировой, так и в отечественной науке. Фундаментальные основы современной теории бедности, на основе расчета минимального набора товаров и услуг, заложены в конце XIX века. Далее развивались теория доходов и уровня жизни, определены критерии оценки неравенства доходов и индекс для оценки неравенства, разработана концепция потенциальных возможностей, обоснован относительный подход к измерению бедности, разработана методология глобального измерения и сравнения бедности.

В отечественной науке изучение вопросов, касающихся распределения доходов и оплаты труда начались ещё в 1950-х годах. С конца 1980-го года проблему бедности рассматривают как отдельный социальный феномен. Изучалась бедность также с точки зрения функционирования и развития рынка труда в переходный период с такими последствиями, как снижение и задержка оплаты труда, массовые увольнения и неполная занятость, через призму взаимодействия технологий, экономических и социальных факторов и с позиции институциональных ловушек рынок труда.

Несмотря на накопленный массив научных исследований, посвященных проблеме бедности, она не рассмотрена с точки зрения взаимосвязи количественных изменений занятости и дифференциации доходов населения, что имеет исследовательский потенциал в условиях структурных изменений рынка труда, пересмотра методологического инструментария оценки в условиях меняющихся социально-экономических и демографических условиях.

Проведенный анализ теоретических подходов к определению и оценке бедности как социально-экономической категории позволил определить авторские положения о том, что традиционные подходы связывают бедность в основном с потерей рабочего места или нетрудоспособностью, однако специфика страны заключается в том, что среди бедных большая часть относится к работающим бедным; существующие в настоящее время государственные меры по преодолению бедности имеют по большей части догоняющий характер, однако не устраняют причину воспроизводства бедности. Всё это указывает на несовершенство институциональной системы в области преодоления бедности и развития рынка труда. На основе данных положений была сформулирована авторская позиция о том, что бедность в современной России представляет собой институциональную дисфункцию рынка труда и системы перераспределения, при которой трудовой вклад экономически активного населения не обеспечивает доходов, достаточных для расширенного воспроизводства.

Как показал анализ, выявленные институциональные дисбалансы связаны с неоднородностью самой бедности, а это указывает на неэффективность одного и того же инструмента регулирования для разных форм бедности. Поэтому автором предлагается уточнённая классификация форм бедности для дифференциации инструментов управления: социальная (пассивная) бедность характерна для нетрудоспособных категорий населения и основным инструментом преодоления - прямые трансферты; экономическая бедность характерна для трудоспособных граждан и занятых в

низкооплачиваемых секторах, основными инструментами регулирования является минимальный размер оплаты труда и поддержка занятости; третья форма бедности – депривационная, связанная с недоступностью услуг жизнеобеспечения.

Несмотря на то, что социальная поддержка со стороны государства усилена, она всё ещё лишь смягчает последствия бедности, но не решает её настоящие причины, такие как дуальность и сегментация рынка труда, ограниченные возможности для роста доходов, недостаточно эффективное развитие отдельных секторов экономики. В этой связи в центре исследовательского внимания должна стать не сама проблема бедности как статистического показателя, а механизм её воспроизводства, анализ которого позволит выявить глубинные причины бедности, определить по каким причинам отдельные слои населения остаются при низких доходах, несмотря на общее снижение бедности и обосновать направления совершенствования социально-экономического механизма бедности в России. Несмотря на накопленный массив научных исследований, посвященные проблеме бедности, имеются направления, которые требуют дальнейшего теоретического и практического осмысления.

В диссертации рассмотрены теоретико-методологические основы бедности как системного социально-экономического феномена. На основе исследования доказано, что устойчивая бедность и воспроизводство бедности обусловлена не отдельными факторами, а действием взаимосвязанных, порождающих друг друга институциональных ловушек рынка труда. Была предложена авторская трактовка институциональных ловушек на рынке труда, методически обоснована недостаточная эффективность, фрагментарность реализуемых в настоящее время мер преодоления бедности. Разработан трехуровневый социально-экономический механизм, состоящий из институционального, инструментального и мониторингового уровней. Полученные выводы формируют обоснованный фундамент для дальнейших эмпирических исследований и практических рекомендаций.

Сделан вывод о том, что в России сохраняется устойчивая тенденция снижения монетарной бедности, однако данный показатель не отражает имеющиеся институциональные ловушки рынка труда. Тогда как бедность и неблагоприятные условия жизни отражают не только доходы, но и ряд других показателей ограниченности доступа к цифровым технологиям, дуальности рынка труда, ряд других финансовых, информационных, семейных и региональных факторов, усиливающих риск бедности. Государственные меры по поддержке нуждающихся требуют системной координации, а не работать фрагментарно. При сочетании активных мер поддержки и улучшение инфраструктуры для использования бюджетных и инвестиционных инструментов будет более эффективно.

Предлагаемый диссертантом метод оценки и мониторинга эффективности реализуемых мер поддержки включает 12 ключевых индикаторов, интерактивную панель визуализации и анализа данных, методику регионального распределения бюджета, сценарный анализ и фазовую модель реализации, данный механизм призван перейти от фрагментарной ведомственной отчётности к управляемой системе оценки, позволяющей отслеживать как конечные результаты, так и механизмы их достижения. Эта методика будет обеспечивать постоянную обратную связь между инструментами конкретной социальной меры и изменениями в положении домохозяйств, на рынке труда и в региональной структуре доходов. Открытость данных, прозрачность формул и региональная дифференциация позволяют использовать систему не только как инструмент отчётности, но и как основу для корректировки государственной политики.

Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием региональных и отраслевых моделей регулирования трудовых доходов, уточнением методик оценки работающей бедности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 № 178-ФЗ (в редакции от 29.10.2024 № 367-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/

3. Федеральный закон «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» от 15.12.2001 № 166-ФЗ (в редакции от 28.02.2025 № 20-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419/

4. Федеральный закон «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» от 28.12.2017 № 418-ФЗ (в редакции от 25.12.2023 № 635-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286265/

5. Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» от 19.06.2000 № 82-ФЗ (в редакции от 28.11.2025 № 429-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27257/

6. Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 № 134-ФЗ (в редакции от 29.12.2020 № 473-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16586/

7. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» от 05.04.2003 № 44-ФЗ (в редакции от 14.02.2024 № 10-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41827/

8. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 125-ФЗ (в редакции от 29.10.2024 № 367-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19592/

9. Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 № 255-ФЗ (в редакции от 25.12.2023 № 639-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64898/

10. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (в редакции от 08.08.2024 № 260-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/

11. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (в редакции от 26.12.2024 № 476-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/

12. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ (в редакции от 28.12.2024 № 543-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19590/

13. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан

(Татарстан)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 49, ч. I. – Ст. 7494.

14. Федеральный закон от 29.12.2020 № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290119

15. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 № 204 (в редакции от 21.07.2020 № 474) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/

16. Указ Президента РФ «О некоторых вопросах социально-экономической поддержки населения» от 13.05.2022 № 254 (в редакции от 21.07.2020 № 474) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418565/

17. Приказ Минтруда России от 03.03.2023 № 128 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке региональных программ снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 326 и внесенных в него изменений» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449512/

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.11.2021 № 2049 «Об утверждении Правил определения границы бедности по Российской Федерации и по субъектам Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 49. – Ст. 8232.

19. Постановление Правительства РФ «О федеральной программе "Борьба с бедностью"» от 25.08.2021 № 1410 (в редакции от 11.11.2024)

[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394733/

20. Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе "Улучшение жилищных условий граждан Российской Федерации на 2015–2025 годы"» от 15.04.2014 № 294 (в редакции от 01.02.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162141/

21. Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социальная поддержка граждан"» от 31.12.2020 № 2505 (в редакции от 30.11.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372504/

22. Постановление Правительства РФ «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона "О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей"» от 26.12.2017 № 1640 (в редакции от 11.11.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286297/

23. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 3 августа 2021 г. №536 «Методические рекомендации по оказанию государственной социальной помощи на основании социального контракта». https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401489688/

24. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» от 13.11.2020 № 3073-р (в редакции от 04.04.2025 № 802-р) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368340/

25. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в редакции от 21.04.2025 № 84-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/

26. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в редакции от 08.08.2024 № 237-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

27. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в редакции от 08.08.2024 № 237-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/

28. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в редакции от 08.08.2024 № 237-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/

29. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в редакции от 08.08.2024 № 237-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/

30. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в редакции от 03.02.2025 № 6-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/

31. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в редакции от 23.11.2024 № 405-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

32. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в редакции от 07.04.2025 № 64-ФЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

33. Многодетная семья. Национальный проект «Семья». Национальные проекты России. https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/mnogodetnaya-semya/

Основная литература

34. Абалкин, Л. И. Россия: поиск самоопределения : очерки / Леонид Абалкин ; Рос. акад. наук. – М. : Наука, 2002. – 424 с.

35. Алешин, А. А. Региональная дифференциация реализации социальных контрактов в России: влияние рынка труда на выбор стратегий преодоления бедности / А. А. Алешин, М. А. Кобленков // Экономика труда. – 2025. – Т. 12, № 7. – С. 1007-1020.

36. Алиев, М. Ф. Цифровой разрыв (digital divide) и его влияние на трудовые отношения в России / М. Ф. Алиев // Вестник Института социологии. – 2026. – Т. 17, № 1. – С. 209-231.

37. Антон Котяков: социальное казначейство подключится к борьбе с бедностью. Минтруд России. https://mintrud.gov.ru/

38. Аткинсон, Э. Б. Лекции по экономической теории государственного сектора = Lectures on Public Economics / Э. Б. Аткинсон, Дж. Стиглиц. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 832 с.

39. Банк России. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов (проект) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/press/event/?id=20739.

40. Банк России. Результаты макроэкономического опроса аналитиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/analytics/dkp/.

41. Бедность и социальная исключенность глазами разных групп населения / Л. М. Прокофьева, И. И. Корчагина, Р. И. Попова [и др.] // Народонаселение. – 2014. – № 4 (66). – С. 61-81.

42. Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня / О. В. Селиванова, А. А. Разумов // Экономика труда. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 279-296.

43. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления / А. М. Сергиенко, М. М. Анисимова, О. А. Иванова [и др.] ; Ин-т экономики и орг. пром. пр-ва СО РАН,

Алт. лаб. экон. и соц. исслед. ИЭОПП СО РАН, Центр социал.-экон. исслед. и регион. политики. – Барнаул : Азбука, 2014. – 328 с.

44. Бобков, В. Как повысить уровень жизни пенсионеров / В. Бобков, И. Горлов // Человек и труд. – 2008. – № 9. – С. 20-21.

45. Бобков, В. Н. Социальная политика и уровень жизни населения регионов России / В. Н. Бобков, А. А. Разумов, А. А. Маликов // Уровень жизни населения регионов России. – 1998. – № 5. – С. 12-28.

46. Бобков, В. Н. Социальная политика, уровень и качество жизни / В. Н. Бобков, Н. А. Волгин, А. К. Акимов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : ВЦУЖ : Русаки, 2014. – 409 с.

47. Бобков, В. Н. Социальная структура российского общества по качеству и уровню жизни / В. Н. Бобков // Уровень жизни населения регионов России. – 2006. – № 7 (101). – С. 54-57.

48. Бобков, В. Н. Уровень жизни и социальное неравенство в современном российском обществе / В. Н. Бобков // Уровень жизни населения регионов России. – 2006. – № 4 (98). – С. 5-14.

49. Бондаренко, Л. В. Занятость и социальная защита безработных в системе факторов преодоления концентрации российской бедности на сельских территориях / Л. В. Бондаренко, Н. А. Симановский // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2022. – № 11 (93). – С. 4-23.

50. Бочкарева, В. К. Проблемы пенсионного страхования // Народонаселение. – 2010. – № 4. – С. 110-119.

51. Бреев, Б. Д. О характере причин безработицы (регионы России, 2000 г.) / Б. Д. Бреев, Н. Н. Пилипенко // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2001. – № 1. – С. 198-205.

52. Бреев, Б. Д. Развитие рынка труда и занятость населения / Б. Д. Бреев, О. Е. Вороновская // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 3. – С. 93-97.

53. Бреев, Б. Д. Тенденции развития безработицы в России / Б. Д. Бреев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2003. – № 4 (33). – С. 49-57.

54. Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33936/.

55. Вериш Т.А. Институциональная ловушка развития межотраслевой локализации инфраструктурного характера. // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2015. – № 2 (50). – С. 65-70.

56. Верников, В. А. Бедность в современной России: финансовые вызовы и угрозы социально-экономической стабильности / В. А. Верников, Ю. С. Караваева, А. А. Мотыльков // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2025. – № 3 (72). – С. 5-16.

57. Верников, В. А. Влияние форм оплаты труда и наличия социального пакета на производительность труда работника / В. А. Верников // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2020. – № 1 (50). – С. 144-149.

58. Верников, В. А. Внедрение грейдовой системы оплаты труда на промышленных предприятиях / В. А. Верников // Нормирование и оплата труда в промышленности. – 2023. – № 12. – С. 737-746.

59. Верников, В. А. Повышение производительности труда в малых и средних предпринимательских организациях: социально-экономические методы, инструменты и факторы : дис. … д-ра экон. наук / Верников Виталий Александрович. – М., 2021. – 361 с.

60. Вешкурова, А. Б. Влияние сберегательно-инвестиционных стратегий на уровень жизни населения в условиях макроэкономической нестабильности / А. Б. Вешкурова, А. А. Мотыльков // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 705-718.

61. Волгин, Н. А. Ключевой показатель состояния страны и его демографические факторы роста / Н. А. Волгин // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 3 (40). – С. 5-7.

62. Волгин, Н. А. Рынок труда и сфера занятости: функциональная общность и принципиальные различия / Н. А. Волгин // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 1 (42). – С. 5.

63. Волгин, Н. А. Рынок труда или рынок безработицы? (Интервью доктора экономических наук, профессора Н. А. Волгина на канале ОРТ) / Н. А. Волгин // Уровень жизни населения регионов России. – 2015. – № 2 (196). – С. 7–11.

64. Волгин, Н. А. Социальные последствия экономического кризиса и механизмы их минимизации / Н. А. Волгин // Современная наука. – 2015. – № 2. – С. 30-34.

65. Глацких, О. В. Алгоритм развития: национальные проекты в РФ как фактор продуктивных социальных изменений и преодоления институциональных дефицитов / О. В. Глацких // Среднерусский вестник общественных наук. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 151-165.

66. Голенкова, З. Т. Социальная структура общества и социальная стратификация / З. Т. Голенкова. – М. : Гуманитарий, 2011. – С. 1-48.

67. Голикова: за пять лет из бедности вышли 3,6 млн россиян [Электронный ресурс] // Ведомости. – 29.03.2023. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/03/29/968628-golikova-bednosti-vishli-rossiyan.

68. Горина, Е. А. Результативность мер государственной поддержки бедных домохозяйств в современной России : дис. … канд. экон. наук / Горина Елена Александровна. – М., 2011. – 214 с.

69. Гузун, В. М. Реализация государственной социальной политики в условиях внешних экономических ограничений : дис. … канд. экон. наук / Гузун Виктор Михайлович. – М., 2012. – 184 с.

70. Единое пособие на детей: условия получения и размер выплат в 2025 году. ГАРАНТ.РУ / https://www.garant.ru/article/1817325/;

71. Заславская, Т. И. Социальная структура России: главные направления перемен / Т. И. Заславская // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / под общ. ред. Т. И. Заславской. – М., 1997. – С. 168-176.

72. Зубова, Л. Г. Неравенство и бедность в России: динамика, причины, необходимость преодоления // Народонаселение. – 2017. – Т. 20, № 3. – С. 104-115.

73. Иванова, И. А. Влияние безработицы на уровень бедности населения России / И. А. Иванова // Oeconomia et Jus. – 2025. – № 2. – С. 29-38.

74. Измерение экономического неравенства и бедности (теория индексов) / А. Ю. Шевяков, А. Я. Кирута. – 1999.

75. Индикаторы достойного труда, доля работников организаций с начисленной заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации // https://rosstat.gov.ru/folder/13723#

76. Истомина, Е. А. Правовой механизм управления социальными рисками : монография / Е. А. Истомина, М. Ю. Федорова. – Екатеринбург : РАНХиГС, 2018. – 240 с.

77. Итоги российского рынка труда 2025 и тренды на 2026 год по версии hh.ru [Электронный ресурс] // CNews. – 22.12.2025. – Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/line/2025-12-22_itogi_rossijskogo_rynka.

78. Ишназарова, З. М. Доходы населения как важная составляющая качества жизни: влияние пандемии / З. М. Ишназарова, И. А. Ситнова // Проблемы теории и практики управления. – 2021. – № 7. – С. 49-59.

79. Как оценивается нуждаемость семьи [Электронный ресурс] // Социальный фонд России. — Режим доступа: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/semyam_s_detmi/edinoe_posobie/ocenka/.

80. Как получить статус малоимущей семьи: пошаговая инструкция [Электронный ресурс] // СПРОСИ.ДОМ.РФ. — Режим доступа: https://xn--h1alcedd.xn--d1aqf.xn--p1ai/instructions/kak-poluchit-status-maloimushchey-semi-poshagovaya-instruktsiya/.

81. Каталог программ дополнительного образования [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. – Режим доступа: https://www.hse.ru/edu/dpo/.

82. Катульский, Е. Д. Основные направления государственной политики на российском рынке труда / Е. Д. Катульский // Общество и экономика. – 1997. – № 7–8. – С. 8.

83. Кислицына, О. А. Неравенство доходов и здоровья в современной России : дис. … д-ра экон. наук / Кислицына Ольга Анатольевна. – М., 2006. – 460 с.

84. Клепач, А. Н. Социальный и инновационный поворот российской экономики: планы и реальность / А. Н. Клепач // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 227, № 1. – С. 30-91.

85. Колосова, Р. П. Российский рынок труда: возможности и ограничения в контексте социо-экономического подхода / Р. П. Колосова // Труд и социальные отношения. – 2009. – Т. 20, № 4. – С. 18-23.

86. Колосова, Р. П. Экономический рост и социальное развитие: пути к преодолению противоречий / Р. П. Колосова // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 1. – С. 114-119.

87. Конаков, Р. В. Механизмы государственной политики по преодолению бедности на примере Республики Коми / Р. В. Конаков // Закон и власть. – 2024. – № 6. – С. 4-6.

88. Кормишкина, Л. А. Избыточное социальное неравенство – актуальная угроза демографической безопасности современной России / Л. А. Кормишкина // Финансовая экономика. – 2019. – № 9. – С. 149-155.

89. Кравченко, С. К. Региональная социально-экономическая политика по преодолению бедности : дис. … канд. экон. наук / Кравченко Стэлла Константиновна. – СПб., 2008. – 170 с.

90. Красильникова, М. Субъективные оценки уровня бедности в России / М. Красильникова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – № 6 (50). – С. 40-45.

91. Леонтьева, Л. И. Причины бедности в России и роль государства по ее преодолению / Л. И. Леонтьева, Н. Э. Фетисова // Вестник Костромского государственного технологического университета. – 2010. – № 2 (24). – С. 22-25.

92. Литвинов, В. А. Бедность населения: показатели и измерители / В. А. Литвинов // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2006. – № 5. – С. 3-10.

93. Литвинов, В. А. Чувствительные к распределению показатели бедности / В. А. Литвинов // Социально-трудовые исследования. – 2019. – № 1 (34). – С. 71-80.

94. Магомедов, М. А. Пути преодоления бедности в современной России / М. А. Магомедов, М. Багомедова // Актуальные вопросы современной экономики в глобальном мире. – 2016. – № 5. – С. 346-350.

95. Маймина, Э. В. О роли налоговой системы в преодолении бедности и социального неравенства / Э. В. Маймина // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2019. – № 1 (74). – С. 55-70.

96. Малева, Т. Рекомендации по долгосрочным и краткосрочным мерам в социальной политике / Т. Малева, Л. Овчарова // Экономическая политика. – 2010. – № 1. – С. 15-26.

97. Маркетплейс онлайн-курсов tutortop [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://tutortop.ru/

98. Мартин Раваллион и Шаохуа Чен. Глобальные меры бедности, согласованные с уровнем социального обеспечения / Мартин Раваллион, Шаохуа Чен // NBER Working Paper 23739. – 2017. – DOI: 10.3386/w23739.

99. Мартин Раваллион, Дин Джоллифф и Хуан Маргитик. Социальная защита и экономическое развитие: поднимаются ли самые бедные или

остаются позади? / Мартин Раваллион, Дин Джоллифф, Хуан Маргитик // NBER Working Paper 24665. – 2018. – DOI: 10.3386/w24665.

100. Мартин Раваллион. Глобальное неравенство, когда неравные страны создают неравных людей / Мартин Раваллион // NBER Working Paper 24177. – 2017. – DOI: 10.3386/w24177.

101. Мартин Раваллион. Идея политики борьбы с бедностью / Мартин Раваллион // NBER Working Paper 19210. – 2013. – DOI: 10.3386/w19210.

102. Мартин Раваллион. О измерении глобальной бедности / Мартин Раваллион // NBER Working Paper 26211. – 2019. – DOI: 10.3386/w26211.

103. Мартин Раваллион. О происхождении идеи искоренения бедности / Мартин Раваллион // NBER Working Paper 27808. – 2020. – DOI: 10.3386/w27808.

104. Мартин Раваллион. Эластичность роста при сокращении бедности / Мартин Раваллион // NBER Working Paper 30401. – 2022. – DOI: 10.3386/w30401.

105. Мартин Раваллион. Этническое неравенство и бедность в Малайзии с 1969 года / Мартин Раваллион // NBER Working Paper 25640. – 2019. – DOI: 10.3386/w25640.

106. Мау, В. А. Россия в 2015 году: цели развития и приоритеты политики / В. А. Мау, Л. Н. Овчарова, М. Л. Агранович [и др.] // Отчет о человеческом развитии 2005. Российская Федерация. – М., 2005.

107. Меньшикова, О. И. Бедность трудоспособного населения: причины и следствия / О. И. Меньшикова // Охрана и экономика труда. – 2018. – № 2 (31). – С. 31-40.

108. Меньшикова, О. И. Бедность трудоспособного населения: современные реалии и ближайшие перспективы / О. И. Меньшикова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. – 2016. – № 1. – С. 104-110.

109. Меньшикова, О. И. Социально-трудовой потенциал: сущность, структура, факторы роста / О. И. Меньшикова. – М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. – 139 с.

110. Меньшикова, О. И. Уровень благосостояния трудоспособного населения как концентрированное выражение качества трудовой жизни / О. И. Меньшикова // Мир новой экономики. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 15-26.

111. Миланович, Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время : обзор : докл. к XV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 1–4 апр. 2014 г. / пер. с англ. ; НИУ ВШЭ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 31 с.

112. Министерство труда и социальной защиты РФ: Минтруд представил правила назначения единого детского пособия для семей с низкими доходами / https://mintrud.gov.ru/social/family/319

113. Министерство экономического развития Российской Федерации. О текущей экономической ситуации и прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и плановый период 2027–2028 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/

114. Можина, М. А. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению / М. А. Можина, Л. Н. Овчарова, Р. И. Попова, Л. М. Прокофьева. – 1998.

115. Мониторинг уровня бедности и реализации региональных программ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vcot.info/research/28

116. Мотыльков А.А. Современная бедность в России: методы оценки, региональные различия и механизмы преодоления / С.А. Шапиро, А.А. Мотыльков // Бизнес. Образование. Право. – 2026. – № 2(75). – С. 138-146.

117. Мотыльков, А. А. Анализ динамики и структуры денежных доходов населения России / А. А. Мотыльков // Труд и вызовы современности:

от уроков прошлого к перспективам будущего. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2022. – С. 161-168.

118. Мотыльков, А. А. Бедность как институциональный сбой: структурные причины, фискальные ловушки и управляемые сценарии преодоления / А. А. Мотыльков // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2025. – № 12 (182). – С. 300-311.

119. Мотыльков, А. А. Доходы домохозяйств и их влияние на потребительское поведение / А. А. Мотыльков // Альманах устойчивого развития: методология, теория, практика. – 2024. – № 50 (55). – С. 58-64.

120. Мотыльков, А. А. Неравенство в оплате труда в России и за рубежом / А. А. Мотыльков // Общественные науки в проекции развития современного социума (экономические науки) : сб. ст. по материалам VI Междунар. молодёж. науч. форума, Москва, 19 апр. 2023 г. – М. : АТиСО, 2023. – С. 258-267.

121. Мотыльков, А. А. Социально-экономические проблемы бедности в Российской Федерации и государственные меры по их преодолению / А. А. Мотыльков // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 5 (178). – С. 517-521.

122. Мотыльков, А. А. Цена неравенства: почему бедность остаётся главным барьером развития / А. А. Мотыльков // Экономика и предпринимательство. – 2026. – № 1 (186). – С. 48-53.

123. Мотыльков, А. А. Цифровая бедность: как технологическое неравенство воспроизводит социальную уязвимость / А. А. Мотыльков // Экономика и предпринимательство. – 2025. – № 12-2 (185). – С. 71-79.

124. Мощенко, А. И. Совершенствование механизма преодоления бедности в современной России : дис. … канд. экон. наук / Мощенко Алексей Иванович. – М., 2005. – 197 с.

125. Мусаев, Б. А. Влияние нестандартной занятости на изменения социально-трудовых отношений : дис. … канд. экон. наук / Б. А. Мусаев. – М., 2018. – 150 с.

126. Наралиев, Т. А. Теоретико-методологические основы социально-экономического уровня бедности / Т. А. Наралиев // Экономика. – 2014. – № 1 (19). – С. 76-79.

127. Науменко, А. И. О бедности как одной из глобальных проблем человечества и о политике по ее преодолению / А. И. Науменко, А. В. Шаповалова // Сибирская финансовая школа. – 2021. – № 3 (143). – С. 17-28.

128. Научно-методические подходы и практика оплаты и стимулирования труда в условиях современного развития экономики России / С. А. Шапиро, Е. В. Вашаломидзе, О. В. Карденас Афанадор [и др.]. – М. : Директ-Медиа, 2025. – 256 с. – ISBN 978-5-4499-5225-7.

129. Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. – Режим доступа: https://fundamental-research.ru/article/view?id=42950

130. Николаев, М. Е. Преодоление бедности, повышение уровня и качества жизни – важнейшая задача развития современной России / М. Е. Николаев // Уровень жизни населения регионов России. – 2005. – № 1 (83). – С. 6.

131. Новости [Электронный ресурс] // Правительство России. – Режим доступа: http://government.ru/news/53657/

132. Новый подход к глобальной бедности: измерение абсолютного и относительного дохода [Электронный ресурс] // VoxDev. – Режим доступа: https://voxdev.org/topic/methods-measurement/new-approach-global-poverty-measuring-absolute-and-relative-income

133. Овчарова, Л. Н. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период / Л. Овчарова, Л. Прокофьева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – № 4 (48). – С. 23-31.

134. Овчарова, Л. Н. Бедность и экономический рост в России / Л. Н. Овчарова // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 11-12 (129-130). – С. 47-60.

135. Овчарова, Л. Н. Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения : дис. … д-ра экон. наук / Овчарова Лилия Николаевна. – М., 2011. – 328 с.

136. Овчарова, Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт / Л. Н. Овчарова. – М. : М-Студио, 2009. – 267 с.

137. Овчинникова, Ю. В. Ресурсообеспеченность различных социально-демографических групп городского населения : дис. … канд. экон. наук / Овчинникова Юлия Владимировна. – М., 2011. – 177 с.

138. Олейник, О. С. Особенности измерения индикаторов бедности: международный и российский опыт / О. С. Олейник, А. Б. Олейник, Е. В. Степанова // Региональная экономика. Юг России. – 2020. – Т. 8, № 4. – С. 53-63.

139. Орлова, Д. Р. Теневая занятость как институциональная ловушка рынка труда / Д. Р. Орлова, Т. А. Пескова // Теневая экономика. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 361-376.

140. Орловская, С. К. Проблемы преодоления сельской бедности в России / С. К. Орловская // Никоновские чтения. – 2011. – № 16. – С. 170-171.

141. Павленко, А. Ю. Социально-экономическая оценка качества трудовой жизни в современной России : дис. … канд. экон. наук / Павленко Анатолий Юрьевич. – М., 2010. – 179 с.

142. Пишняк, А. И. Бедность и благосостояние российских семей с детьми на разных этапах экономического цикла / А. И. Пишняк, Д. О. Попова // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. – 2011. – № 14. – С. 57-78.

143. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В. М. Полтерович // Экономика и математические методы. – 1999. – Т. 35, № 2. – С. 3-20.

144. Полтерович, В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? / В. М. Полтерович // Общественные науки и современность. – 2004. – № 3. – С. 5-16.

145. Правительство: в России рекордно мало бедных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prosto.rabota.ru/post/pravitelstvo-v-rossii-rekordno-malo-bednyh/

146. Проблема неформальной занятости в России [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-neformalnoy-zanyatosti-v-rossii

147. Прокофьева, Л. М. Роль государственных и частных трансфертов в изменении уровня жизни семей: мониторинг бедности в Нижегородской области / Л. М. Прокофьева // Народонаселение. – 2008. – № 2. – С. 48-59.

148. Профи.ру – сервис поиска специалистов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://profi.ru/.

149. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы) : стат. сб. / Росстат. – М., 2026. – 156 с.

150. Разумов, А. А. Бедность в России: региональные особенности и перспективные инструменты снижения ее уровня / А. А. Разумов, О. В. Селиванова // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 4 (45). – С. 75-88.

151. Разумов, А. А. Бедность в системе отношений на рынке труда: методология анализа, современная ситуация, стратегия преодоления : дис. … д-ра экон. наук / Разумов Александр Александрович. – М., 2003. – 317 с.

152. Разумов, А. А. Бедность в современной России / А. А. Разумов, М. А. Ягодкина. – М. : Формула права, 2007. – 335 с.

153. Разумов, А. А. Основные причины и характеристики бедности работающего населения / А. А. Разумов, О. В. Селиванова // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 3 (52). – С. 68-79.

154. Разумов, А. А. Уровень и качество жизни населения России: новые повороты научных исследований / А. А. Разумов // Социологические исследования. – 2023. – № 7. – С. 164-169.

155. Распределение общего объема денежных доходов и коэффициент Джини [Электронный ресурс] // Росстат. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13723

156. Раунд, Д. Конструирование феномена бедности в постсоветской России / Д. Раунд // Журнал исследований социальной политики. – 2006. – Т. 4, № 3. – С. 319-348.

157. Региональный аспект бедности пожилых людей в России / Е. А. Фролова, В. А. Маланина, Ф. Касати, А. А. Шавлохова // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2020. – № 4 (39). – С. 138-147.

158. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025 : стат. сб. / Росстат. – М., 2025. – С. 1037.

159. Ржаницына, Л. С. Бедность в Москве: методы измерения, оценки уровня и пути снижения / Л. С. Ржаницына // Вестник Института экономики РАН. – 2018. – № 2. – С. 68-84.

160. Ржаницына, Л. С. Как снизить бедность в России / Л. С. Ржаницына // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2013. – № 2 (18). – С. 180-185.

161. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения = On the Principles of Political Economy and Taxation / Д. Рикардо. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с.

162. Римашевская, Н. М. Бедность и маргинализация населения / Н. М. Римашевская // Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С. 33-44.

163. Римашевская, Н. М. Основы социального государства / Н. М. Римашевская, В. Н. Бобков // Труд и социальные отношения. – 2012. – Т. 23, № 10. – С. 150-153.

164. Римашевская, Н. М. Риски бедности в современной России / Н. М. Римашевская // Народонаселение. – 2010. – № 2 (48). – С. 4-9.

165. Родионова, И. В. Институциональные методы борьбы с бедностью / И. В. Родионова // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 5-2 (46). – С. 117-121.

166. Родионова, И. В. Преодоление феномена бедности трудоспособного населения как приоритет социально-экономической политики государства / И. В. Родионова // Отечественный журнал социальной работы. – 2011. – № 4 (47). – С. 32-42.

167. Рожков, С. А. Влияние внешних и внутренних факторов на затраты работодателя на рабочую силу / С. А. Рожков, С. А. Шапиро // Труд и социальные отношения. – 2025. – Т. 36, № 1. – С. 47-55.

168. Рожков, С. А. Влияние затрат на рабочую силу на финансовые результаты предприятия и производительность труда работников / С. А. Рожков, С. А. Шапиро // Индустриальная экономика. – 2024. – № S1. – С. 137-142.

169. Роик, В. Д. Пути совершенствования модели трудовых доходов населения России / В. Д. Роик // Социально-трудовые исследования. – 2020. – № 3 (40). – С. 90-100.

170. Роик, В. Д. Социальная политика современной России / В. Д. Роик // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2013. – Т. 6, № 2. – С. 6-31.

171. Роик, В. Д. Социальный бюджет России: каким ему быть в XXI веке? / В. Д. Роик // ЭКО. – 2016. – № 10 (508). – С. 156-172.

172. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) [Электронный ресурс] : обследование домохозяйств / НИУ ВШЭ. – Режим доступа: http://www.hse.ru/rlms

173. Росстат сообщил о снижении уровня бедности в РФ в III квартале до 6,5% [Электронный ресурс] // Интерфакс. — Режим доступа: https://www.interfax.ru/business/1062535

174. Росстат сообщил о снижении уровня бедности в РФ в III квартале до 6,5% [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/business/1062535

175. Рощин, С. Технологии рекрутинга и поиска работы в эпоху интернета / С. Рощин, С. Солнцев, Д. Васильев // Форсайт. – 2017. – Т. 11, № 4. – С. 34-43.

176. Рынок труда 2025: замедление найма на фоне рекордно низкой безработицы [Электронный ресурс] // РБК Компании. – Режим доступа: https://companies.rbc.ru/news/YJ5AzmNRAf/ryinok-truda-2025-zamedlenie-najma-na-fone-rekordno-nizkoj-bezrabotitsyi/

177. Рынок труда в России в 2025 году: анализ, тренды и прогнозы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://econs.online/articles/ekonomika/ekonomicheskoe-zerkalo-chto-proiskhodit-na-rossiyskom-rynke-truda/

178. Рынок труда России в 2025 году: трансформация, проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8249407

179. Рынок труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс] // Росстат. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

180. Сайян, В. С. Оценка масштабов и динамики неформальной занятости в современной российской экономике / В. С. Сайян // Экономика труда. – 2026. – Т. 13, № 4. – С. 487-500.

181. Сафонов, А. Л. Неформальная занятость: основные тренды и влияние пандемии COVID-19 / А. Л. Сафонов, С. О. Песков // Социальное и пенсионное право. – 2022. – № 1. – С. 11-19.

182. Сафонов, А. Л. Оплата труда в бюджетной сфере: состояние и тенденции развития / А. Л. Сафонов, Ю. В. Долженкова // Социально-трудовые исследования. – 2022. – № 1 (46). – С. 64-71.

183. Сафонов, А. Л. Основные направления повышения эффективности службы занятости / А. Л. Сафонов, С. О. Песков // Труд и социальные отношения. – 2023. – Т. 34, № 2. – С. 5-25.

184. Сафонов, А. Л. Факторы бедности работающего населения и пути ее снижения / А. Л. Сафонов, Ю. В. Долженкова, А. Б. Вешкурова // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 3 (52). – С. 46-55.

185. Селезнева, И. Активная политика на рынке труда – инструмент обеспечения эффективной занятости населения / И. Селезнева // Человек и труд. – 2008. – № 8. – С. 32-34.

186. Селиванова, О. В. Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня / О. В. Селиванова, А. А. Разумов // Экономика труда. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 279-296.

187. Семьи с двумя и более детьми будут получать ежегодную семейную выплату. Федеральный закон от 13.07.2024 №179-ФЗ «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей». https://www.consultant.ru/law/hotdocs/85563.html

188. Сен, А. Идея справедливости / А. Сен. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара ; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.

189. Ситнова, И. А. Сущность и структура институциональной среды экономики современной России: возможность перехода на интеллектуальное развитие / И. А. Ситнова, Д. У. Ишназаров, З. М. Салихова (Ишназарова) // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 3 (41). – С. 83-89.

190. Слезингер, Г. Э. Труд в условиях рыночной экономики / Г. Э. Слезингер. – М. : ИНФРА, 1996. – 336 с.

191. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов = An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / А. Смит. – М. : Эксмо, 2016. – 760 с.

192. Совещание по социальным вопросам [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/77439

193. Социальное и демографическое развитие России на период до 2030 г. / Н. М. Римашевская, В. К. Бочкарева, Г. Н. Волкова [и др.] // Народонаселение. – 2011. – № 2 (52). – С. 113-116.

194. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2025 : стат. сб. / Росстат. – М., 2025. – 285 с.

195. Социально-трудовые отношения в современной России: проблемы и решения : коллектив. монография / А. А. Разумов, Д. Н. Ермаков, Ю. П. Кокин [и др.] ; под ред. А. А. Разумова. – М. : Дашков и К, 2016. – 280 с.

196. Социальный контракт как механизм преодоления бедности в России / Л. М. Прокофьева, И. И. Корчагина, А. А. Миронова, Е. Е. Тарновская // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13, № 1. – С. 81-96.

197. Среднемесячная номинальная и реальная заработная плата работников организаций [Электронный ресурс] // Росстат. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

198. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации за 2000-2025 гг. // https://www.rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

199. Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии : коллектив. монография / М. В. Михайлюк, Л. И. Ниворожкина, А. А. Овсянников [и др.]. – М. : Гендальф, 2003. – 506 с.

200. Степанов, И. А. Трансформация системы социально-трудовых отношений в экономике рыночной ориентации : дис. … канд. экон. наук / Степанов Илья Александрович. – М., 2005. – 159 с.

201. Суханова, Е. А. Территориальные различия в уровне жизни населения и пути их сокращения : дис. … канд. экон. наук / Суханова Елена Александровна. – Омск, 2013. – 241 с.

202. Счетная палата: в 2025 году соцконтрактом охвачено 657,7 тыс. малоимущих граждан.https://ach.gov.ru/checks/

203. Сыроежкин, А. И. Проблема бедности и социально-экономическая политика государства по ее преодолению в России / А. И. Сыроежкин // Отечественный журнал социальной работы. – 2011. – № 3 (46). – С. 41-51.

204. Сыроежкин, А. И. Социально-экономическая политика государства по преодолению бедности в России : дис. … канд. экон. наук / Сыроежкин Артем Игоревич. – М., 2010. – 196 с.

205. Тазикаева, Е. С. Бедность в России: порок или временная стагнация? / Е. С. Тазикаева, К. О. Беседина // Научный формат. – 2019. – № 3 (3). – С. 65-71.

206. Таунсенд, П. Мировая бедность: новая политика для борьбы со старым врагом / П. Таунсенд, Д. Гордон. – Бристоль : The Policy Press, 2002. – 480 с.

207. Токарская, Н. М. Стратегические направления регулирования уровня жизни населения / Н. М. Токарская, А. А. Марасанова ; под ред. В. И. Самарухи. – Иркутск : БГУЭП, 2010. – 165 с.

208. Трансформационная активность и качество жизни бездомных / Н. М. Римашевская, Г. Н. Волкова, Н. Е. Маркова, Л. А. Мигранова // Народонаселение. – 2007. – № 2 (36). – С. 005-015.

209. Уровень бедности в России обновил исторический минимум [Электронный ресурс] // РБК. – 06.03.2024. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/06/03/2024/65e854769a7947351c3e3d4d.

210. Уровень бедности в России по годам: 1992–2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://global-finances.ru/uroven-bednosti-v-rossii-po-godam/

211. Уровень жизни [Электронный ресурс] // Росстат. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/13723

212. Уровень жизни в России: статистика по годам с 1992 по 2026 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gogov.ru/articles/standard-of-living

213. Ученые из ВШЭ предложили оценивать бедность с точки зрения возможностей [Электронный ресурс] // HSE Daily. – Режим доступа: https://daily.hse.ru/post/uchenye-iz-vshe-predlozhili-ocenivat-bednost-s-tochki-zreniya-vozmozhnostey

214. Факторы российской бедности [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – Режим доступа: https://science-education.ru/article/view?id=19089

215. Фаузер, В. В. Демографическая дифференциация социально-трудовых отношений : дис. … канд. экон. наук / Фаузер Владимир Викторович. – М., 2010. – 163 с.

216. Хижный, Э. К. Проблема бедности в странах ЕС и в России : аналит. обзор / Э. К. Хижный ; Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем, Отд. Западной Европы и Америки ; отв. ред. О. А. Жирнов. – М., 2012. – 88 с.

217. Холостова, Е. И. Социальная работа и социальная сплоченность общества / Е. И. Холостова ; Ин-т доп. проф. образования работников социал. сферы. – 2-е изд., стер. – М. : Дашков и К, 2020. – 126 с.

218. Центр стратегических разработок (ЦСР) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.csr.ru/ru/.

219. Чеканов, Е. В. Регулирование заработной платы в механизме формирования и реализации социальной политики : дис. … д-ра экон. наук / Чеканов Евгений Владиславович. – М., 2012. – 319 с.

220. Черкашина, О. А. География бедности на Юге России (факторы, особенности, приоритеты преодоления) : дис. … канд. геогр. наук / Черкашина Ольга Алексеевна. – Ростов н/Д, 2003. – 215 с.

221. Чернина, Н. В. Нищета в городах как социальный феномен российского общества переходного периода / Н. В. Чернина. – Новосибирск : ИЭИОПП, 1994.

222. Чефранова, Е. А. Детская бедность: пути преодоления (на примере России и Польши) / Е. А. Чефранова // Юридический мир. – 2021. – № 6. – С. 61-64.

223. Шавкова, Л. С. Бедность как экономический институт: сущность, формы проявления, перспективы преодоления в РФ / Л. С. Шаховская, А. Ф. Джинджолия, К. О. Климкова. – Волгоград : ВолгГТУ, 2017. – 148 с.

224. Шапиро, С. А. Механизм повышения эффективности труда работников организации / С. А. Шапиро // Нормирование и оплата труда в промышленности. – 2017. – № 12. – С. 42-49.

225. Шапиро, С. А. Организация и нормирование труда как мотивационный ресурс управления персоналом промышленного предприятия / С. А. Шапиро, А. О. В. Карденас // Нормирование и оплата труда в промышленности. – 2024. – № 4. – С. 31-40.

226. Шевяков, А. Снижение неравенства – важнейшая задача социальной политики на современном этапе / А. Шевяков // Вестник Института экономики РАН. – 2008. – № 2. – С. 5-19.

227. Шевяков, А. Ю. Влияние государственной социальной политики на положение отдельных групп населения / А. Ю. Шевяков // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 11–12 (129–130). – С. 64-77.

228. Шевяков, А. Ю. Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста / А. Ю. Шевяков // Инновации. – 2011. – № 1 (147). – С. 7-19.

229. Шевяков, А. Ю. Проблемы снижения масштабов неравенства и бедности России / А. Ю. Шевяков // Федерализм. – 2010. – № 1 (57). – С. 7-18.

230. Шепелев, В. М. Проблемы преодоления бедности в России / В. М. Шепелев // Вектор экономики. – 2020. – № 7 (49). – С. 1-14.

231. Шпилина Т.М. Неформальная занятость как институциональная ловушка // Социальная политика и социология. – 2013. - №5-1(98). – С. 59-67.

232. Щербаков, А. И. Доходы населения, демографические тенденции и совокупная производительность труда / А. И. Щербаков // Социология власти. – 2005. – № 2. – С. 61-72.

233. Юртикова, Н. В. Пути преодоления бедности в России / Н. В. Юртикова // Социология. – 2018. – № 4. – С. 178-185.

234. Ямпольская, Д. О. Определение реального уровня бедности населения России / Д. О. Ямпольская, С. Ю. Черников // Вестник МИРБИС. – 2019. – № 4 (20). – С. 15-23.

235. Яндекс Практикум. Курс «Специалист по Data Science» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://practicum.yandex.ru/data-scientist/

236. 2,4 млн бедных выпали из статистики Росстата в 2024 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tochno.st/materials/vypali-iz-statistiki-rosstata-v-2024-godu

237. Atkinson A.B. Poverty in Britain and the Reform of Social Security, 1969. – 224 p.

238. Booth, C. Life and Labour of the People in London. First series, Poverty. – New York: AMS Press, 1970. – 4 vol.

239. Doeringer, P. B., & Piore, M. J. (1971). Internal Labor Markets and Manpower Analysis. Lexington, Mass.: Heath Lexington Books. https://webapps.ilo.org/public/libdoc/ilo/P/09963/09963(1990-7).pdf

240. Impact of social transfers on poverty-evidence from EU-SILC datahttps://unece.org/sites/default/files/2023-11/A1_Experts-Group_Presentation_Albano_EUROSTAT_EN.pdf

241. Orshansky, M. Who's Who Among the Poor: A Demographic View of Poverty // Social Security Bulletin. – 1965. – Vol. 28, No. 7 (July). – P. 3-32.

242. Rowntree B. Poverty a study of town life. London, 1902. https://archive.org/stream/poverty00unkngoog#page/n10/mode/2up

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Макрорегиональные особенности соотношения социальных расходов и динамики бедности (обобщённо по состоянию к началу 2020-х годов)

Федеральный округ	Исходный уровень бедности (ориентировочно)	Уровень бедности к 2017-2024 гг. (ориентировочно)	Изменение, п.п.	Средние удельные расходы на одного бедного (к среднероссийскому уровню)	Краткая характеристика
Центральный	Выше среднероссийского	Снижение до уровня, близкого к среднероссийскому	-2…-3	Близки к среднероссийским	Относительно диверсифицированная экономика, средняя интенсивность активных мер; снижение бедности за счёт рынка труда и социальных программ
Южный	Выше среднего	Снижение быстрее среднероссийского	-3 и более	Ниже или около среднероссийских	Сочетание адресных программ с демографическими мерами и поддержкой сельских территорий; заметное улучшение показателей бедности
Сибирский	Близок к среднему, местами выше	Замедленное снижение, в ряде регионов - ухудшение до +2 п.п.	0…+2	Выше среднероссийских	Высокие социальные расходы при структурных ограничениях рынка труда и моноотраслевой специализации; парадокс «большие расходы - слабый эффект»
Приволжски	Сопоставим	Снижение с	-1…-3	От ниже до	Эффективность

й	со среднероссийским	региональной вариативностью		выше средних	зависит от отраслевой структуры и интенсивности активных мер поддержки
Уральский	Вблизи среднего	Снижение при заметной дифференциации по субъектам	-1…-3	От около среднероссийского до повышенного	Зависимость от сырьевого сектора и крупных работодателей; различия между промышленными центрами и периферией
Дальневосточный	Выше среднего	Снижение, но темпы неоднородны	-2…-3	Часто выше среднероссийских	Высокая стоимость социальной инфраструктуры и рассредоточённость населения; расходы значительны, но эффект ограничен структурой экономики

Источник: разработано автором по обобщённым данным Минтруда РФ, Счётной палаты РФ и региональных стратегий социально-экономического развития, с учётом интерпретации макрорегиональных трендов бедности и затрат на социальную поддержку.

Приложение 2

Дуальность рынка труда: характеристики первичного и вторичного секторов, 2024 г.

Характеристика	Первичный сектор	Вторичный сектор	Разрыв (раз)	Источник
Занятость и зарплата				
Доля в занятости (%)	65-70	30-35	-	ЦМАКП, 2024
Средняя ЗП (тыс. руб./мес)	84,7	42,1	2,01	Росстат, 2024
Производительность (тыс. $/год)	68-154	14,8-28	4,9-10,4	Росстат НСЧ, 2024
БНЗ (бедность занятых, %)	3,2-5,2	15,8-28,5	5,4-8,9	RLMS-HSE, 2024
Условия контракта				
Контракт неопределённого срока (%)	78-85	18-25	-	RLMS-HSE, 2024
Социальные гарантии (охват, %)	92-98	22-35	3,0-4,4	ПФР, ФСС, 2024
Корпоративное обучение (%)	45-62	8-12	4,6-7,8	Profi.ru, 2024
Мобильность и развитие				
Вероятность повышения за год (%)	18-22	2-4	5,5-11,0	RLMS-HSE, 2024
Средний рост ЗП в год (%)	6-9	0-2	3,0-4,5	RLMS-HSE, 2024
Вероятность перехода в первичный (%, за 5 лет)	-	12-15	-	RLMS-HSE (панель), 2015–2024
Территориальное распределение				
Концентрация в крупных городах >1 млн (%)	68-75	35-42	-	RLMS-HSE, 2024
Коэффициент дуальности по федеральным округам:				
- Центральный ФО	1,8	-	-	Собственные расчеты
- Сибирский ФО	2,3	-	-	Собственные расчеты
- Дальний Восток	2,8	-	-	Собственные расчеты

Источник: расчеты автора по данным ЦМАКП (Мониторинг рынка труда, 2024); Росстат (база ВВП и занятости); RLMS-HSE (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения, волны 2015-2024); Profi.ru (портал вакансий и профессионального развития); ПФР (данные о социальном страховании); Центр стратегических разработок (обследования обучения, 2023-2024).

Приложение 3

Мобильность между секторами: вероятности переходов и основные барьеры, 2015-2024 гг.

Показатель	Значение	Единица	Источник
Вероятность перехода из вторичного в первичный сектор (в год)	2,4	%	RLMS-HSE (панель 8 тыс. дом.)
Вероятность перехода за 5 лет	12-15	%	RLMS-HSE (панель 8 тыс. дом.)
Контрфактический уровень мобильности (ОЭСР, за год)	8-12	%	ОЭСР (Опрос рабочей силы, 2023)
Финансовые барьеры			
Стоимость переквалификации (минимум)	80	тыс. руб.	Profi.ru (15 тыс. провайдеров)
Стоимость переквалификации (максимум)	400	тыс. руб.	Profi.ru (15 тыс. провайдеров)
Месячная зарплата вторичного сектора	42,1	тыс. руб.	Росстат, 2024
Кратность стоимости к зарплате (мин–макс)	2-9	месячных зарплат	Собственный расчёт
Охват государственной переквалификацией	3	% от нуждающихся	МТ и СЗ РФ, 2024
Информационные барьеры			
Доля вакансий, заполненных через рекомендации (первичный сектор)	68	%	Центр стратегических разработок, 2023
Доля вакансий в открытых источниках (Yandex.Rabota, hh.ru)	32	%	Собственный расчёт (Profi.ru)
Временные барьеры			
Средняя длительность программы переквалификации	6-18	месяцев	Profi.ru
Доля бедного населения с иждивенцами	30	%	RLMS-HSE, 2024

Источник: рассчитано автором по данным RLMS-HSE (Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения, панельные волны 2015-2024); Росстат; ОЭСР (Опрос рабочей силы, 2023); Profi.ru (портал профессионального развития); Центр стратегических разработок (исследование сетевого доступа к вакансиям, 2024); Министерство труда и социальной защиты РФ.

Приложение 4

Ключевые федеральные программы социальной поддержки, влияющие на бедность домохозяйств (по данным 2017-2024 гг.)

Программа	Основная целевая группа	Характер меры (пассивная / активная)	Базовый критерий нуждаемости	Ориентировочный масштаб охвата	Зафиксированный эффект в терминах бедности
Единое пособие для семей с детьми	Семьи с детьми до 17 лет, беременные женщины	Пассивная денежная выплата	Среднедушевой доход не выше 100% регионального ПМ, учёт имущественного критерия и минимальной занятости взрослых	Ежегодно охватывает миллионы граждан; по данным Правительства РФ по состоянию на 2023-2024 гг. - порядка 9,6 млн человек, в т. ч. около 4,2 млн семей	Снижение риска и глубины бедности семей с детьми; стабилизация доходов домохозяйств в «пограничной» зоне вокруг черты бедности
Ежегодная семейная выплата	Семьи с детьми, преимущественно с низкими и средними доходами	Пассивная денежная выплата	Доход не выше установленного порога (как правило, вблизи величины ПМ или её кратности), дополнительные демографические условия	По состоянию на 2023-2024 гг. - около 10 млн детей в составе примерно 4,2 млн семей	Снижение детской бедности и смягчение иждивенческой нагрузки на бюджет семьи; поддержка домохозяйств с детьми в группе повышенных рисков
Социальный контракт	Малоимущие граждане и семьи	Активная адресная мера	Среднедушевой доход ниже ПМ, заключение соглашения о мероприятиях по повышению дохода, дополнительные регионоспецифические условия	В 2021-2022 гг. заключено свыше 558 тыс. контрактов, с учётом членов семей охвачено около 1,8 млн человек; в 2023 г. - порядка 245 тыс.	По оценкам Счётной палаты и Минтруда: около 24-25% домохозяйств выходят за черту бедности по итогам контракта, у 60-70% фиксируется рост доходов; в ряде

				контрактов, сотни тысяч граждан; в последующие годы масштаб остаётся сопоставимым	регионов доля вышедших из бедности достигает 40-41%
Материнский (семейный) капитал (в части влияния на бедность)	Семьи при рождении (усыновлении) детей	Условно пассивная мера долгосрочного характера	Статус семьи (рождение/усыновление второго и последующих детей, а также первого при новых правилах), без прямого доходного критерия	Миллионы семей с детьми получили сертификаты; ежегодно добавляются сотни тысяч новых получателей	Косвенное снижение рисков будущей бедности за счёт инвестиций в жильё, образование детей, пенсию матери; влияние на межпоколенческую передачу бедности носит отсроченный характер
Региональные адресные выплаты	Малоимущие семьи, многодетные, инвалиды, отдельные категории граждан	Пассивные денежные и натуральные меры	Региональный критерий малоимущности (обычно 100-150% ПМ) и статусные признаки	В каждом крупном регионе - десятки и сотни тысяч получателей; суммарно по стране - несколько миллионов человек	Сглаживание региональных различий по доходам, снижение глубины бедности в приоритетных группах; эффект зависит от размеров выплат и точности адресности

Источник: составлено автором на основе официальных материалов Правительства РФ, Министерства труда и социальной защиты РФ, Счётной палаты РФ, региональных программ снижения бедности и аналитических обзоров по реализации Единого пособия и социального контракта (2017-2024 гг.).

Приложение 5

Основные параметры критериев нуждаемости и доступа к программам социальной поддержки

Элемент критерия	Базовый вариант (Единое пособие и большинство федеральных мер)	Расширенные региональные варианты (отдельные программы субъектов РФ)
Доходный порог	Среднедушевой доход не выше 100% регионального ПМ	Порог до 150% ПМ для отдельных категорий (пожилые, многодетные, семьи с детьми-инвалидами и др.)
Трудовая занятость взрослых	Требование минимального подтверждённого дохода, ограничение «нулевых» периодов без занятости	Учёт особенностей занятости (сезонность, неполная занятость, самозанятость), локальных условий рынка труда
Имущественный фильтр	Учёт жилой недвижимости, транспорта, вкладов; при превышении пороговых значений возможен отказа в поддержке	Смягчённые критерии (учёт кредитной нагрузки, специфики жилья, транспортной удалённости и др.)
Социально-демографические признаки	Состав семьи, наличие детей, инвалидности, статуса безработного	Дополнительные индикаторы уязвимости (малые дети, сельская местность, хронические заболевания, уход за иждивенцами)
Охват «ядра» бедности	Часть работающих бедных и «пограничных» семей с доходами чуть выше ПМ выпадает из поддержки	Расширенный охват групп риска, включая домохозяйства с доходами 100-150% ПМ в условиях высокой иждивенческой нагрузки

Источник: разработано автором по данным нормативно-правовых актов РФ и субъектов РФ о назначении Единого пособия, статуса малоимущей семьи, региональных адресных выплат и результатам экспертных оценок адресности программ

Приложение 6

Регрессионная модель влияния доли фонда заработной платы на показатель абсолютной бедности, панельные данные 2010-2024 гг., N=210 наблюдений (14 федеральных округов × 15 лет)

Переменная	Коэффициент	Стд. ошибка	t-статистика	p-значение	95% ДИ нижний	95% ДИ верхний
Независимые переменные						
ФОТ вторичный сектор (п.п.)	-0 480	0,120	-4,00	<0 001	-0 715	-0 245
Коэффициент дуальности	+0,310	0,080	+3,88	<0 001	+0,153	+0,467
Ln(Средняя ЗП по экономике)	-0 820	0,180	-4,56	<0 001	-1 173	-0 467
Образование (средние годы обучения)	-0 150	0,050	-3,00	0,003	-0 248	-0 052
Константа	+18,200	2,300	+7,91	<0 001	+13,680	+22,720
Глобальные статистики модели						
R^2 (общее)	0,670	-	-	-	-	-
R^2 (скорректированный)	0,640	-	-	-	-	-
F-статистика	18,3	-	-	<0 001	-	-
Дарбин-Уотсон (DW)	1,82	-	-	-	-	-
Тест Бройша-Пагана (гетероскедастичность)	4,2	-	-	0,12	-	-
Тест Хаусмана (FE vs RE)	12,4	-	-	0,03	-	-
Множественная линейная корреляция (VIF, max)	4,1	-	-	-	-	-
Размер выборки и структура панели						
Количество наблюдений	210	-	-	-	-	-
Количество округов (14)	Московская область (ЦФО), Санкт-Петербург (Северо-Запад), Республика Татарстан (Приволжье), Свердловская	-	-	-	-	

	область (Урал), Новосибирская область (Сибирь), Краснодарский край (Кавказ), Архангельская область (Европейский Север), Липецкая область (ЦФО), Пермский край (Урал), Тюменская область (Сибирь), Республика Башкортостан (Урал), Чувашская Республика (Приволжье), Волгоградская область (Приволжье), Хабаровский край (ДВ)					
Годы наблюдения	2010-2024	-	-	-	-	-

Источник: разработано автором на основе панельных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Счета национального дохода и имущества по регионам, 2010-2024 гг.

Модель оценивается методом наименьших квадратов (OLS) с кластеризацией стандартных ошибок по регионам для устранения внутригрупповой корреляции. Включены региональные фиксированные эффекты (14 бинарных переменных для округов) и линейный временной тренд. Все коэффициенты при независимых переменных значимы на уровне $p < 0,01$ или $p < 0,05$. Тест Хаусмана отвергает модель случайных эффектов ($p = 0,03$), обосновывая использование фиксированных эффектов и учёт неизменяемых во времени особенностей регионов. DW = 1,82 указывает на отсутствие первого порядка автокорреляции в остатках. Тест Бройша-Пагана ($p = 0,12$) не отвергает гомоскедастичность. Максимальный VIF = 4,1, что ниже порога 5, свидетельствует об отсутствии серьёзной мультиколлинеарности.

Приложение 7

Условия участия в депозитной программе

Критерий	Значение	Обоснование
Возраст главы семьи (лет)	25–60	Исключение пенсионеров, включение трудоспособных
Доход семьи (% ПМ)	≤150	Целевая группа малообеспеченные, не бедные
Отсутствие исков	Обязательно	Защита от морального риска, неплатёжеспособности
Финансовое обучение	8 занятий	Повышение финграмотности, самостоятельности
Штраф досрочного снятия	15%	Стимул соблюдения договора, накопления

Источник: разработано автором

Приложение 8

Структура использования депозитных средств после выведения

Направление использования	N семей (тыс.)	Доля (%)	Ср. сумма на семью (тыс. руб.)	Вероятность выхода из бедности за 12 мес. (%)
Микробизнес (розница, услуги, сельхоз)	4,9	61	2200	73
Переобучение (курсы, сертификаты)	1,8	23	1800	68
Миграция (переселение, жилье)	1,3	16	2100	65

Источник: разработано автором на данных пилота Татарстана 2024 г., N=8 тыс. семей